

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2015 № 1

Главный редактор **Гришко Александр Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора **Ирошников Денис Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Алексеев Кирилл Васильевич, кандидат филологических наук, доцент (г. Рязань)
Артемьев Николай Семёнович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Рязань)
Ветютнев Юрий Юрьевич, кандидат юридических наук (г. Волгоград)
Грибов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук (г. Ярославль)
Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент (г. Челябинск)
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Саратов)
Матузов Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Саратов)
Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Саратов)
Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань)
Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань)
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Чердаков Олег Иванович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (г. Москва)
Южанин Вячеслав Ефимович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Рязань)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Учредитель Ирошников Денис Владимирович

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77 – 41561** от 13.08.2010 г.
Выходит 1 раз в квартал

ISSN 2220-5500

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 82319

Сайт журнала: www.jur-science.com

Почтовый адрес редакции:
390044, г. Рязань, а/я 58
jur-science@mail.ru

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
conception.rzn@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

JURIDICAL SCIENCE

Science journal

2015 № 1

Editor-in-chief **Grishko Aleksandr Yakovlevich**, Doctor of legal sciences, professor
Deputy of editor-in-chief **Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Candidate of legal sciences, associate professor

Editorial Board:

Alekseyev Kirill Vasilyevich, Candidate of philology, associate professor (Ryazan)
Artemyev Nickolay Semenovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation (Ryazan)
Vetyutnev Yuriy Yuriyevich, Candidate of legal sciences (Volgograd)
Gribov Aleksandr Sergeevich, Candidate of legal sciences (Yaroslavl)
Zharov Sergey Nickolayevich, Doctor of legal sciences, associate professor (Chelyabinsk)
Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation (Saratov)
Matuzov Nickolay Ignatyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation (Saratov)
Mesheryakova Olga Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow)
Mikhaylova Irina Aleksandrovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow)
Mordovets Aleksandr Sergeevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation (Saratov)
Pantyukhina Inga Vladimirovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Ryazan)
Pashentsev Dmitriy Alekseevich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan)
Redkous Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow)
Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow)
Cherdakov Oleg Ivanovich, Doctor of legal sciences, Candidate of History, professor (Moscow)
Yuzhanin Vyacheslav Efimovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation (Ryazan)

The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications (ROSKOMNADZOR).

Promoter Iroshnikov Denis Vladimirovich

Media registration certificate PI № FS77 – 41561 from August the 13th, 2010.

Published once in 3 months

ISSN 2220-5500

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue “Russian Press” (index 82319).

Official web-site: www.jur-science.com

Postal address of editorial office:

Ryazan, post office box 58, postal code – 390044.
jur-science@mail.ru

Publishing house: “Conception” Co Ltd
Krupskaya Street, 17/1, Ryazan, postal code – 390044.
conception.rzn@gmail.com

In case of reprinting the publication the link to the journal is obligatory

Uncontrolled prices

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Анисимова А.С.

Современное общество и Интернет: проблемы правового регулирования 5

Денисова Л.Н.

Развитие горного законодательства в Российской империи в середине XVIII века 10

Кобец П.Н.

Основные принципы и направления обеспечения внутренней безопасности Российской Федерации в условиях середины второго десятилетия XXI столетия 15

Петровский А.В.

Религиозно-философские основы мусульманского уголовного права 20

Шаповалов А.А.

Публичная ответственность государственной и муниципальной власти: общетеоретический аспект 27

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Залесны Я.

Особенности системы государственной власти в Республике Дагестан 29

Мартышкин В.Н.

Суд присяжных в России: перспективы реформирования 37

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Агджаев Э.М.

Виды целей преступлений против правосудия (по материалам судебной практики) 42

Алымова А.Д.

Понятие и признаки организованной группы в российском уголовном праве 47

Грибов А.С., Кузнецова А.Н.

Использование дифференцирующих средств в конструкциях экономических преступлений в уголовном праве США 54

Ларина Л.Ю., Пантюхина И.В.

Некоторые проблемы компенсации вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления 59

Соловьев О.Г., Смирнов Р.Ю.

Определение оснований дифференциации уголовной ответственности в современной правовой доктрине 63

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО- ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Томей Ю.С.

Особенности методики расследования хищений драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации 67

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Макарова Н.А.

К вопросу о законодательной регламентации системы органов внутренних дел Российской Федерации 71

Минашкин Г.Г.

Исполнение административного наказания как стадия производства по делам об административных правонарушениях 74

Самбор Н.А.

Исполнение административных взысканий как основание для отнесения административных правонарушений к уголовным проступкам в условиях реформирования законодательства Украины об административных и уголовных правонарушениях 78

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО,
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО****Кобец П.Н., Краснова К.А.**

Об опыте организации программ защиты свидетелей в Европейском союзе 86

Лесников Г.Ю., Александров А.И.

Толкование принципа законности (по материалам Европейского суда по правам человека)...92

**РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБЗОР
НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ****Залужный А.Г.**

Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: опыт современного исследования Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности».....97

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

АНИСИМОВА Алина Сергеевна

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем на сегодняшний день. Развитие сети Интернет вносит много нового в отношения между людьми. С каждым годом количество пользователей виртуального пространства увеличивается, появляются и новые возможности в указанной сфере, что, безусловно, не может остаться без внимания законодателя. В статье анализируются некоторые изменения в законодательстве, которые связаны с правовым регулированием интернет-отношений. Обосновывается необходимость разработки новых положений как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Annotation. Article is devoted to one of the hottest topics today. Development of the Internet brings a lot of new in human relations. Every year the number of users of virtual space increases, there are also new opportunities in the specified sphere that, certainly, can't remain unaddressed the legislator. In article some changes in the legislation which are connected with legal regulation of the Internet relations are analyzed. Need of development of new provisions both on theoretical and at the practical level locates.

Ключевые слова: сеть Интернет, виртуальное пространство, интернет-отношения, правовое регулирование.

Key words: Internet, virtual space, Internet relations, legal regulation.

Согласно Государственной программе «Информационное общество 2011–2018»: «Информационное общество – историческая фаза развития постиндустриального общества, в которой главными продуктами производства становятся информация и знания»¹.

Деятельность современного общества все больше ориентируется на использование Интернета, который дал в последнее время человеку безграничные возможности в области передачи, распространения и рассылки информации, несмотря на расстояния и границы².

В 2011 году Организация Объединенных Наций провозгласила право на доступ в Интернет как одно из неотъемлемых прав личности. Необоснованное лишение человека искать, получать и распространять информацию через Интернет является нарушением этого права. Свободное функционирование сети Интернет – одна из приоритетных задач любого демократического государства. Централизованное отключение доступа к Сети должно признаваться правовым нарушением³.

Министр связи и массовых коммуникаций РФ Николай Никифоров отмечает, что количество пользователей сети Интернет в России, составляющее сейчас около 80 млн человек, к 2016 году достигнет 100 млн человек⁴.

В связи с такими быстрыми темпами развития Интернета существует необходимость упорядочения таких отношений со стороны государства.

Сеть Интернет, как любое технологическое изобретение, может использоваться не по назначению и причинить вред другим лицам, поэтому органам государственной власти крайне важно своевременно реагировать на негативные проявления.

В рамках анализа интернет-отношений в современном обществе как научный, так и практический интерес представляет процесс правового регулирования безопасного развития Интернета.

К действующему в Российской Федерации законодательству, которое в той или иной степени может быть применимо к отношениям, связанным с виртуальным пространством, относятся:

¹ См.: Минкомсвязь. Государственная программа «Информационное общество 2011–2018». URL: <http://www.slideshare.net/gridnev/schegolev-2010-0416> (дата обращения: 20.01.2013).

² См.: Дремлюга Р.И. Интернет-преступность: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.

³ См.: Газета.Ру: ООН: свободный доступ в Интернет – это базовое право человека. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/06/06/n_1872457.shtml (дата обращения: 10.07.2011).

⁴ См.: Концептуал: Количество интернет-пользователей в России, составляющее сейчас около 80 млн человек, к 2016 году достигнет 100 млн. URL: <http://концептуал.рф/kolichestvo-internet-polzovateley-v-rossii-dostignet-100-millionov> (дата обращения: 15.10.2013).

1. Конституция Российской Федерации⁵.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации⁶.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁷.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации⁸.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹.
6. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»¹⁰.
7. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации»¹¹.
8. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-I «О государственной тайне»¹².
9. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»¹³ и пр.

Однако, несмотря на наличие норм конституционного и гражданского права и некоторого числа других законодательных актов, сегодня можно говорить об отсутствии эффективно действующей нормативной правовой базы в данной области. Причинами этого являются как недостаточная теоретическая разработка отдельных фундаментальных нормативных положений, так и настороженное отношение к сети Интернет со стороны государства. Между тем, отсутствие необходимых законодательных актов о сети Интернет, равно как и возможности их эффективного применения, уже сейчас отрицательно сказывается на развитии общественных отношений.

28 июля 2012 года был принят Федеральный закон Российской Федерации № 139-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”, и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет»¹⁴. Этот закон внес изменения и в ряд других нормативных правовых актов:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁵.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
3. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Этот закон предполагает фильтрацию интернет-сайтов по системе черного списка и блокировку запрещенных интернет-ресурсов.

Наиболее значительные изменения вносятся в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В данном федеральном законе впервые даются определения интернет-сайта, интернет-страницы, доменного имени, сетевого адреса, владельца интернет-сайта, хостинг-провайдера¹⁶.

В закон добавилась новая ст. 15.1, согласно которой создается информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

С 1 ноября 2012 года доступ к реестру запрещенных сайтов можно получить по адресу par.rkn.gov.ru. В настоящее время он содержит около 3 000 записей.

⁵ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. № 37.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239. 8 дек.; СЗ РФ. 1996. № 52. 9 янв. Ст. 410; 2001. № 49. 3 дек. Ст. 4552.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

¹⁰ Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

¹¹ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32. 8 февр.

¹² Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-I «О государственной тайне» // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673.

¹³ Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

¹⁴ Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.

¹⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изм. и доп. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 4.

В апреле 2013 года под руководством члена Комитета по информационной политике Госдумы РФ депутата Роберта Шлегеля разработан проект концепции регулирования правоотношений, возникающих при использовании сети Интернет в Российской Федерации. В концепции рассматриваются основные проблемы, цели и задачи правового регулирования, термины и понятия, используемые в правоотношениях, возникающих при использовании сети Интернет, права и обязанности субъектов правоотношений, защита авторских, интеллектуальных и смежных прав. Авторы проекта считают, что правовое регулирование интернет-отношений позволит снизить темпы роста киберпреступности, сделать среду более безопасной, защитить права и свободы всех ее участников¹⁷.

Следует отметить, что дискуссии по поводу регулирования сети Интернет продолжаются и по сей день.

По мнению замминистра связи и массовых коммуникаций РФ Алексея Солдатова, в России нет необходимости разрабатывать и принимать специальный закон об Интернете. Для регулирования этой сферы достаточно существующих норм. Их необходимо дополнить положениями, которые объяснят, как применять действующее законодательство в условиях использования сети Интернет¹⁸.

Исполнительный директор Накануне.RU Олег Спицын, выступил с предложением о создания единого правового поля не только для СМИ, но и для всех сетевых ресурсов. Он отмечает, что Интернет, СМИ и остальные сетевые ресурсы должны подчиняться единым правилам: «Форумы и различные интернет-ресурсы очень часто несут в себе огромное количество противозаконного контента, которые могут нанести урон отдельному человеку или всему государству, однако контроль этого контента практически невозможно произвести. Нужны единые правила для работы всех интернет-ресурсов»¹⁹.

Директор Московского бюро по правам человека, член Общественной палаты РФ Александра Брод обосновывает необходимость международного сотрудничества: «Интернет-сайты, о которых мы говорим как об экстремистских, пропагандирующих насилие, порнографию и другие антиконституционные вещи, зачастую зарегистрированы за рубежом, и без международного сотрудничества найти провайдеров и призвать их к закону просто невозможно»²⁰.

Прежде всего предлагаемые изменения важны для реализации прав граждан, защиты их от правонарушений в сети Интернет, борьбы с преступлениями против личности.

Р.У. Гаттаров подчеркивает, что усилия законодателей должны быть направлены на то, чтобы зона Интернета стала чище и чтобы там осталось минимальное количество «серых зон», которые работают за пределами закона. «Речь идет о тех сегментах в Интернете, в отношении которых закон на сегодня не работает. Это касается пиратства, нарушения авторских прав, в отношении борьбы с педофилией и другого незаконного контента, а также угроз убийством и т.п. Одним словом, речь идет о правонарушениях, подпадающих под Уголовный и Административный кодекс»²¹.

На наш взгляд, необходимо определенное вмешательство со стороны государства в регулирование данной сферы, поскольку Интернет занимает не просто часть жизни современного человека, но и затрагивает его права и обязанности. На данном этапе несовершенство норм не позволяет в должной степени обеспечить свободу и контроль одновременно.

Однако не стоит забывать и об эффективности правового регулирования интернет-отношений.

Эффективность правового регулирования – это соотношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью. Соединение нормативного регулирования и правоприменения необходимо, поскольку, взятые по отдельности, они сразу начинают демонстрировать свои «слабые стороны»: нормативное регулирование без индивидуального

¹⁷ См.: Компьюлента. Подготовлена Концепция регулирования Интернета. URL : <http://compulenta.computerra.ru/tehnika/internet/10004538/> (дата обращения: 16.02.2013).

¹⁸ См.: Известия. России не нужен закон об Интернете. URL : <http://izvestia.ru/news/470063#ixzz2E1ePwrl8> (дата обращения 12.10.2012).

¹⁹ См.: Правотворчество. СМИ: Нам нужен закон «об Интернете» – аналог закона «О СМИ» и «О рекламе» // ЮрКлуб. URL : <http://www.yurclub.ru/yur-News/> (дата обращения: 12.10.2012).

²⁰ Число пользователей Интернета в мире превысило 2 миллиарда // Риановости. URL : <http://ria.ru/techNeology/2012/119/543870925.html> (дата обращения: 12.10.2012).

²¹ Гаттаров. Законодательное регулирование Интернета необходимо // Экспертный центр электронного государства. URL : <http://d-russia.ru/gattarov-zakoNodatelNeoe-regulirovaNieiNeterNeeta-Neobxodimo.html> (дата обращения: 24.12.2012).

(без усмотрения) часто превращается в формализм, а правоприменение без нормативного (без общих правил) – в произвол. Вот почему правовое регулирование должно выражать такую взаимосвязь различных правовых средств, представляющих различные виды правового регулирования, которая будет придавать управленческому процессу дополнительные преимущества. Если нормативная регламентация призвана обеспечить стабильность и необходимое единообразие в регулировании общественных отношений, ввести их в твердые рамки законности, то правоприменение – учет конкретной обстановки, своеобразие каждой юридической ситуации. Оптимальное сочетание правотворчества и правоприменения придает гибкость и универсальность правовому регулированию, минимизирует сбои и остановки в действии права²².

На данный момент все попытки правового регулирования интернет-отношений можно назвать бессистемными и хаотичными.

Глава Совета по правам человека (далее – СПЧ) Михаил Федотов отмечает, что правовое регулирование вопросов деятельности российских пользователей в сети Интернет является очень скверным. По мнению чиновника, это связано с тем, что в нынешнем законодательстве РФ отсутствуют часто используемые термины. М. Федотов сообщил, что в России присутствует конституционная база для правового

регулирования, однако в текущем законодательстве она отсутствует. Глава СПЧ отмечает, что в РФ нет базового закона, который бы определял основные понятия и пределы государственного регулирования в этой сфере²³.

Интернет обладает значительным потенциалом качественного реформирования общественных отношений в различных сферах. Расширяя возможности информационного обмена, он обеспечивает функционирование мирового рынка, поддержание социальных связей, существенно изменяет методологию научных исследований и процесс обучения. Возможности сети Интернет в значительной степени непредсказуемы, поскольку в системе постоянно создаются новые информационные ресурсы, идет непрерывный процесс технического совершенствования.

В условиях непрерывного развития информационных технологий правовое регулирование интернет-отношений следует рассматривать как средство формирования будущих возможностей, связанных с безопасностью в сети Интернет.

На наш взгляд, необходимо выстроить четкий алгоритм действий относительно регулирования интернет-отношений, который будет включать как теоретическую, так и практическую разработку отдельных положений, необходимых для оперативного правового воздействия на сеть Интернет.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 37. – 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ и часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238–239. – 8 дек. ; СЗ РФ. – 1996. – № 5. – 29 янв. Ст. 410 ; 2001. – № 49. – 3 дек. – Ст. 4552.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – № 32. – 8 февр.
6. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // СЗ РФ. – 1997. – № 41. – Ст. 4673.
7. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.
8. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

²² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М., 2004.

²³ См.: Securitylab. Федотов. Россия значительно отстает от других стран в сфере правового регулирования в Интернете. URL : <http://www.securitylab.ru/news/442302.php> (дата обращения: 15.09.2013).

9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.
10. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 4.
11. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет» // СЗ РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4328.
12. Газета.Ру. ООН: свободный доступ в Интернет – это базовое право человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/06/06/n_1872457.shtml (дата обращения: 10.07.2011).
13. Гаттаров. Законодательное регулирование Интернета необходимо [Электронный ресурс] // Экспертный центр электронного государства. – Режим доступа : <http://d-russia.ru/gattarov-zakonodatelnoe-regulirovaniye-internet-neobходимо.html> (дата обращения: 24.12.2012).
14. Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность : монография. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.
15. Известия. России не нужен закон об Интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://izvestia.ru/news/470063#ixzz2E1ePwrl8> (дата обращения: 12.10.2012).
16. Компьюлента. Подготовлена Концепция регулирования Интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://compulenta.computerra.ru/tehnika/internet/10004538/> (дата обращения: 16.02.2013).
17. Концептуал. Количество интернет-пользователей в России, составляющее сейчас около 80 млн человек, к 2016 году достигнет 100 млн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://концептуал.рф/kolichestvo-internet-polzovateley-v-rossii-dostignet-100-millionov> (дата обращения: 15.10.2013).
18. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М., 2004.
19. Минкомсвязь. Государственная программа «Информационное общество 2011–2018» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slideshare.net/gridnev/schegolev-2010-0416> (дата обращения: 20.01.2013).
20. Правотворчество. СМИ: нам нужен закон «об Интернете» – аналог закона «О СМИ» и «О рекламе» [Электронный ресурс] // ЮрКлуб. – Режим доступа : <http://www.yurclub.ru/yur-News/> (дата обращения: 12.10.2012).
21. Число пользователей Интернета в мире превысило 2 миллиарда [Электронный ресурс] // Риановости. – Режим доступа : <http://ria.ru/technology/20120119/543870925.html> (дата обращения: 12.10.2012).
22. Securitylab. Федотов: Россия значительно отстает от других стран в сфере правового регулирования в Интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.securitylab.ru/news/442302.php> (дата обращения: 15.09.2013).

РАЗВИТИЕ ГОРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

ДЕНИСОВА Любовь Николаевна

Аннотация. Статья раскрывает историю разработки и основные принципы горного законодательства, сформулированные в Берг-регламенте, принятом императрицей Анной Иоанновной в 1739 году, а также попытки императрицы Елизаветы Петровны расширить права дворянства в отношении горного предпринимательства.

Annotation. Article reveals the history of development and the basic principles of mining legislation in the Berg-regulations adopted by Empress Anna Ioannovna in 1739, and the Empress Elizabeth's attempts to expand the rights of the nobility in the mining business.

Ключевые слова: горная промышленность, горное право, комиссия по горным делам, Берг-регламент 1739 года, проект законодательства 1761 года.

Key words: mining industry, mining right, Commission on mining business, Berg-regulations 1739, the draft legislation 1761.

Анна Иоанновна (1730–1740) была призвана на российский трон в 1730 году, подписав ограничивавшие ее власть «Кондиции». Публично разорвав документ, она становится самодержавной российской императрицей¹. Важнейшим направлением государственной деятельности было определено развитие горной промышленности, как основы экономики империи и ее независимости от европейских стран.

В мае 1738 года по именному указу императрицы при Генерал-берг-директориуме была образована «особая Комиссия» (впоследствии получившая название: «Комиссия по горным делам») для решения вопроса «как выгодно содержать горные заводы: казною или частными людьми», в составе четырех высших государственных чиновников: тайные советники барон Шафиров, граф Головкин и граф Мусин-Пушкин, а также обер-штальмейстер князь Куракин².

16 июня 1738 года учрежденная именованным указом Анны Иоанновны Комиссия по горным делам направила императрице доклад «Об отдаче казенных Горных заводов в содержание частным людям»³. Члены Комиссии указали,

что их мнение по вопросу о передаче казенных заводов частным компаниям или частным предпринимателям должно было основываться на «доношениях и прочих представлениях и мемориях», представленных Генерал-берг-директором фон Шембергом, а также и его личном «надлежащем изъяснении» перед высшими государственными чиновниками. Изучив все материалы, члены Комиссии, проявив государственный подход к делу, от фон Шемберга «потребовали генеральную ведомость о всех казенных Горных заводах, в которых оные имеются места, в каком ныне состоянии... сколько к оным определено людей, о каждом заводе порознь с ясным и обстоятельным о всем показанием и с приобщением его мнения, каким порядком оные, для пользы Вашего Императорского Величества высочайшего интереса, впредь содержать, на казенном ли коште или партикулярным людям отдать в компанию?». До получения такой «генеральной ведомости» Комиссия не считала возможным высказать свое мнение.

Члены Комиссии посчитали, что прежде окончательного решения вопроса о передаче работавших казенных заводов, а тем более новых в частные руки или частным компаниям, необходимо точно знать производительность каждого завода. Поскольку все заводы работают с различной экономической отдачей, то «все отдать в компании на генеральных или одинаковых кондициях неприлично, но должно те заводы отдавать смотря по доброте руд или на их довольство или оскудение». Комиссия пришла к выводу, что «казенные заводы отдать все парти-

¹ История России. С начала XVIII до конца XIX века. М.: АСТ, 1997. С. 114–123.

² Именной указ, данный Сенату «Об учреждении при Генерал-Берг-Директориуме особой Комиссии, для разрешения вопроса: как выгоднее содержать Горные заводы, казною ли или частными людьми?» от 31 мая 1738 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. 10. № 7589.

³ Высочайшая резолюция на доклад Комиссии о горных делах «Об отдаче казенных Горных заводов в содержание частным людям» от 16 июня 1738 года // Там же. № 7600.

кулярным людям на генеральных кондициях, для разности тех заводов невозможно».

Для определения круга претендентов Комиссия предложила публиковать в различных российских изданиях, в том числе Санкт-Петербургских печатных ведомостях, «об отдаче заводов», чтобы «по силу 1720 года указу могли к тому охочие люди сыскиваться, как из Российских, так и иностранцы», для чего требовалось определенное время для ознакомления с предложениями и подготовки в случае заинтересованности «Кондиций».

Желающие должны прибыть в специально учрежденную Комиссию по горным делам по этому вопросу со своими предложениями, а те, кто за дальностью расстояния не может приехать, подает прошение письменно. Исходя из предложенных «кондиций отдачи завода» партикулярным компаниям и мнения Генерал-берг-директора, Комиссия будет принимать решение по каждому конкретному заводу о заключении договора с предпринимателями.

Императрица осталась недовольна результатами работы Комиссии, указав в резолюции на доклад высших должностных лиц государства, что их мнение расходится с мнением Генерал-берг-директора фон Шемберга, предложив еще раз обсудить все вопросы «об отдаче казенных заводов партикулярным компаниям» для выработки единого мнения. В резолюции Анны Иоанновны было указано, что предложения Комиссии затягивают решения государственной задачи, и следует при рассмотрении «не о прежних указах только толковать и оных держаться», имея в виду петровский указ 1720 года, на который ссылались члены Комиссии, а призвала руководствоваться принципом «лучшей пользы и прибыли для государства».

Работа над законопроектом продолжилась, но уже в другом составе. Совершенно очевидно, что императрица ожидала иного решения государственной задачи, которое проводил в жизнь осведомленный о ее мнении Генерал-берг-директор Курт Александр фон Шемберг, впоследствии получивший первую привилегию на организацию очень выгодной горной компании в Лапландии и Сибири.

15 февраля 1739 года были высочайше утверждены мнения кабинет-министров и Генерал-берг-директориума о передаче действующих горных казенных заводов в частные руки, кроме Сибирских железных и Лапландских медных (право на организацию компании на этих горных заводах получит фон Шемберг).

Императрица одобрила мнения высших государственных чиновников о том, что *любой* казенный горный завод мог быть передан в различные компании или «партикулярным людям» как русским, так и иностранцам. Приписные деревни можно было оставлять за этими заводами, однако впредь формировать рабочую силу из покупных крестьян. За горные заводы полагалось заплатить сумму, «издержанную» на них государством. К заводам, не имеющим приписных крестьян, рекомендовалось целых волостей больше не приписывать, однако выделять по несколько дворов, которые сами заводчики будут перевозить и расселять на новом месте. Если один из компаньонов, взяв деньги в долг, не сможет рассчитаться с государством или частным лицом, то, по мнению Комиссии, его не следует лишать законной доли имущества, а исчислять долг из его же прибыли на этом заводе.

Первооткрывателям полезных ископаемых государство должно выделять на развитие дела казенные деньги, им предоставлялось право «вперед других» независимо от того, российский он подданный или иностранец, в том числе не состоящий на службе в Российской империи, построить горный завод, который не может быть «отнят» и будет переходить по наследству, если только заводчик не должным образом управляет им в нарушение законодательства. Десятая часть платы в пользу государства заменялась: с железа подоменно, а с меди попудно.

Резолюция императрицы на мнения высших должностных лиц государства гласила: «Учинить по вышеписанному общему мнению»⁴. Мнения высших государственных деятелей были восприняты в последовавшем указе Анны Иоанновны.

3 марта 1739 года императрица подписала Берг-регламент⁵, состоящий из обширной преамбулы и 21 статьи. Данный документ указал на возможность постепенной приватизации

⁴ Высочайше утвержденные мнения Кабинет-министров и Генерал-Берг-Директориума «Об отдаче находящихся в действии горных казенных заводов, кроме Сибирских железных и Лапландских медных, в разные компании; о небытии в приписных к тем заводам деревнях больших Таможен; о пошлинах с железа и меди; о неприписке к заводам целых волостей; о взыскании долгов с прибыли, получаемой с капитала, положенного должником в компанию, и о даче нашедшим руды позволения к рудокопанию преимущественно перед прочими» от 15 февраля 1739 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. 10. № 7756.

⁵ Берг-Регламент от 3 марта 1739 года // Там же. № 7766.

заводов. Тем не менее, к концу столетия до двух третей промышленных предприятий находилось в руках у государства.

В преамбуле к указу отдано должное законодательству Петра Великого в области горного права, в частности, Берг-привилегии 1719 года, открывшей возможности поисков полезных ископаемых «всем и каждому» и на любых российских территориях, а также указу 1720 года, разрешившему привлекать для развития горного дела иностранцев. Несмотря на большие успехи в развитии рудосыскного дела и строительство немалого числа заводов по переработке металлов, еще оставалось достаточно мест, где полезные ископаемые уже «обысканы, заводов на оных не построено, которых об отдаче и для построения на оных заводов охочие люди во владение себе требуют», – отмечалось в преамбуле закона.

В Российской империи большое число горных заводов было построено за казенный счет, причем их продукция покрывала потребности собственного государства и частично вывозилась за рубеж. Однако многие государственные заводы не были столь прибыльны для империи, как «партикулярные», вследствие чего и предлагалось в Законе: «...для государственной Нашей и верных наших подданных пользы не только Нам одним, как Монархине принадлежащие рудокопные строения и оных употребления, но и каждому и вообще всем Всемилоостивейше позволить, но и для всеобщего возбуждения все Наши казенные рудокопные заводы, которые Нашим иждивением построены и действительно делом производятся так и необысканные рудные места, на которых заводов еще не построено, отдать в разные компании или партикулярным людям Российским и иностранным, какого бы народа ни были, обретающимся и не обретающимся в службе Нашего Императорского Величества». Ни воеводы, ни губернаторы не имели права вмешиваться в дела горнопромышленников: единственный орган, контролирующий их деятельность, – Генерал-берг-директориум.

Первая статья Берг-регламента зафиксировала право российских подданных, а также иностранцев независимо от национальности, чина и достоинства и от того, служат ли они в Российской империи, заниматься горным делом. Поиски полезных ископаемых разрешалось вести и «на собственных и на чужих землях» и при обнаружении новых руд: золота,

серебра, меди, олова, свинца и железа, а также минералов: серы, селитры и т.д., заявлять об этом в Генерал-берг-директориум или горным управителям. В случае определения прибыльности последующего дела первопроходца ждет материальное поощрение от государства (ст. 2). Нашедший рудные залежи получает приоритетное право на их разработку и строительство завода, при этом государство может выделить ему на данные цели определенную сумму в виде кредита, а построенный горный завод будет переходить по наследству и не может быть изъят, если только за ненадлежащую его эксплуатацию, леность и нарушение законодательства (ст. 3). В случае неоплаченного долга одним из компаньонов он не лишается своей доли в деле, а выплачивает этот долг постепенно из получаемой от горного производства прибыли (ст. 4). Для ведения горных работ промышленникам по закону отводилась площадь 250 на 250 сажень (ст. 5).

Для ведения горных работ на свободных землях разрешения не требовалось. Строительство заводов на дворцовых, монастырских, синодальных, помещичьих землях и землях государственных крестьян также было разрешено, но с уплатой не $\frac{1}{32}$ доли прибыли от каждой руды или минерала (по Берг-привилегии 1719 года), а с «целью пресечения впредь всяких в счетах споров и затруднений» по 2 % «с каждого готово сделанного металла или минерала деньгами или тем металлом и минералом» независимо от того, получает ли промышленник прибыль от производства, что установила ст. 6. Для поощрения заводчиков государство предоставляло до четырех «увольнительных лет», на которые промышленники были освобождены от обязательных выплат (ст. 8). Для трудоемких работ, например строительства штольни, государство выделяло безвозмездную финансовую помощь и ссуду, которая могла быть возвращена только после развития производства, чтобы не «помешать рудокопному их произведению» (ст. 9). Съестные припасы и необходимые изделия для налаживания быта заводских рабочих не облагались пошлинами (ст. 10).

Для работы на рудниках и заводах было разрешено приводить людей в Россию за государственный счет, а далее содержать их за счет своей компании (ст. 11). Даже если горный завод работает с прибылью, но при этом нуждается в работниках, приписывать к нему крестьян целыми волостями не предусматривалось,

а за счет заводчика разрешалось перевозить и расселять несколько дворов около завода, при этом он должен ориентироваться в дальнейшем на покупку крестьян (ст. 12). Мастерские люди, работающие на заводах, освобождались от солдатской и матросской службы, а также от всех налогов и сборов (ст. 12).

Для успешной организации горного дела рекомендовалось приглашать для работы на рудопромышленных и плавильных заводах знающих и искусных горных специалистов, в том числе из-за рубежа. Закон гарантировал им свободный въезд в Российскую империю и выезд, безопасное отправление их веры и защиту (ст. 13).

Поскольку государство нуждалось в меди, было предписано две трети ее продавать казне по надлежащей цене, в третью часть продавать внутри государства. После удовлетворения внутренней потребности медь, а также другие металлы и минералы, кроме золота, серебра, свинца и селитры, разрешалось продавать за рубежом. Если же у ответственных чиновников не окажется достаточного количества денег на покупку этих металлов и минералов, то можно их продавать в другие страны, кроме селитры, на что требуется особое разрешение Берг-директориума (ст. 14).

В пользу государства по Берг-привилегии 1719 года с каждого производства необходимо было платить $\frac{1}{10}$ долю прибыли и обычную пошлину. Для пресечения «многих споров и в счетах затруднений» Берг-регламент установил: отдавать в государственную казну «золота чистого золотник (золотник равен 4,266 граммам) по два рубля по 30 копеек, серебра чистого же золотник по 14 копеек». С меди, олова и свинца, считая поудно, брать десятую часть, с минералов, красок и ценных камней также десятую часть, независимо от того, работает промышленник с прибылью или без таковой. С железа за десятую часть и за пошлину «производить расчет», опираясь на то, как платит Акинфий Демидов, то есть с одной домны, на которой выплавляется до 100 000 пудов чугуна – 3 392 рубля, однако для «скудных» заводов по решению Генерал-берг-директориума будут установлены «увольнительные лета» (ст. 15).

Для организации горного дела желающим необходимо было явиться в Санкт-Петербург в Генерал-берг-директориум и ждать утвержденных «Кондиций» (ст. 16). Если за дальностью расстояния это было невозможно, в таком случае следует обратиться с прошением к гу-

бернаторам, воеводам или бурмистрам либо в горные правления (ст. 17). Последние обязаны пересылать прошения «без всякого удержания, опасаясь за оное удержание и нескорую пересылку тяжкого штрафа» в Генерал-берг-директориум, который в свою очередь подает рапорт императрице (ст. 18). Против тех, кто будет утаивать о находках или препятствовать их разработке и строительству горных заводов, «объявляется Наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь и лишение всех имений, яко непокорливому и презирающему Нашу Высочайшую волю и врагу общенародной пользы, дабы мог всяк того страшиться» (ст. 20).

В этот же день, 3 марта 1739 года, за подписью императрицы Анны Иоанновны была дана первая привилегия по Берг-регламенту для организации горной компании на разработку железной руды в Лапландии и в Верхотурье Генерал-берг-директору Курту Александру фон Шембергу. Означенная как «особливая Всемилостивейшая протекция», эта привилегия полностью соответствовала букве Берг-регламента: возврат государству затраченных на разработку полезных ископаемых средств, уплата налогов и др.⁶ Природные богатства окраинных российских территорий начали успешно разрабатываться.

Анна Иоанновна не только законодательно укрепляла нефтяное дело, но и на практике активно использовала возможности нефти. В 1740 году императрица Анна Иоанновна дала большой «потешный праздник» – разыгрывалась шутовская свадьба. На льду замерзшей реки Невы выстроили ледяной дворец. Он был выложен из плит чистого льда, облитых затем для крепости водой. Дворец имел 6 метров в высоту, 16 метров в длину и 5 метров в ширину, был украшен ледяными статуями, фонарями и часами. В ледяном дворце с великим искусством все было сделано из льда: пушки, стреляющие настоящими ядрами, мебель, утварь. Освещали дворец «несколько шандалов со свечами, которые по ночам, будучи нефтью намазаны, горели», а отапливал

⁶ Привилегия Генерал-Берг-Директору Курту Александру Шембергу «Об учреждении Горной компании для разработки руд, отысканных в Лапландии у речки Русенихи и в Верхотурье в горе, называемой Благодать» от 3 марта 1739 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. 10. № 7767.

«резной работы камин», в котором лежащие ледяные дрова, «нефтью намазанные, многократно горели». Огромный слон, с ревом выбрасывал из хобота зажженную нефть; дельфины из челюстей извергали огненные нефтяные фонтаны⁷. Нефть для ледяного дворца была доставлена в Санкт-Петербург с берегов Каспия. Эта «огневая потеха» на Масленицу императрицы Анны Иоанновны продолжалась каждую ночь в течение недели.

Елизавета Петровна (1741–1761) предприняла попытку расширить правовые возможности дворянства. В 1754 году сенатор, граф Петр Иванович Шувалов выступил в Сенате в присутствии императрицы и предложил составить проект нового уложения – свода законов Российской империи. Комиссия, образованная по инициативе П.И. Шувалова, собирала пожелания дворянства, изучала дейст-

вовавшие законы. К 1761 году была закончена важная часть будущего уложения под названием «О состоянии подданных вообще»⁸.

Глава уложения «О дворянах и их преимуществах» закрепляла особое положение дворян в государстве и предоставляла привилегии: отменялся петровский принцип Табели о рангах 1724 года, позволявший недворянам дослужиться до дворянского звания; отменялась обязательная государственная служба для дворян, разрешался свободный выезд за границу, запрещался арест дворянина, телесные наказания, ссылка на каторгу, вводился особый суд; дворяне получали исключительное право на владение винными, стекольными, металлургическими и горными мануфактурами.

Проект уложения не был принят⁹, заканчивалось царствование Елизаветы Петровны, но эти идеи были восприняты Екатериной Великой.

Библиографический список

1. Анисимов, Е. Елизавета Петровна. – М. : Молодая гвардия, 1999.
2. Берг-Регламент от 3 марта 1739 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 10. – № 7766.
3. Высочайшая резолюция на доклад Комиссии о горных делах «Об отдаче казенных Горных заводов в содержание частным людям» от 16 июня 1738 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 10. – № 7600.
4. Высочайше утвержденные мнения кабинет-министров и Генерал-Берг-Директориума «Об отдаче находящихся в действии горных казенных заводов, кроме Сибирских железных и Лапландских медных, в разные компании; о небытии в приписных к тем заводам деревнях больших Таможен; о пошлинах с железа и меди; о неприписке к заводам целых волостей; о взыскании долгов с прибыли, получаемой с капитала, положенного должником в компанию, и о даче нашедшим руды позволения к рудокопанию преимущественно перед прочими» от 15 февраля 1739 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 10. – № 7756.
5. Именной указ, данный Сенату «Об учреждении при Генерал-Берг-Директориуме особой Комиссии, для разрешения вопроса: как выгоднее содержать Горные заводы, казною ли или частными людьми?» от 31 мая 1738 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 10. – № 7589.
6. История России. С начала XVIII до конца XIX века. – М. : АСТ, 1997.
7. Павленко, Н.И. Анна Иоанновна. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002.
8. Привилегия Генерал-Берг-Директору Курту Александру Шембергу «Об учреждении Горной компании для разработки руд, отысканных в Лапландии у речки Русенихи и в Верхотурье в горе, называемой Благодать» от 3 марта 1739 года // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 10. – № 7767.

⁷ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. С. 142–144.

⁸ Анисимов Е. Елизавета Петровна. М. : Молодая гвардия, 1999. С. 285.

⁹ Там же. С. 285–287.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СЕРЕДИНЫ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI СТОЛЕТИЯ

КОБЕЦ Пётр Николаевич

***Аннотация.** Российские ученые добросовестно подошли к изучению вопросов как внешней, так и внутренней безопасности. В интересующем нас аспекте – проблеме обеспечения внутренней безопасности – опубликовано немало обстоятельных книг и статей, где ими рассмотрена содержательная сторона этой научной категории. Однако нарастающая актуализация данной темы, особенно ставшая заметной в 90-х годах прошлого столетия, потребовала формирования иного мировоззрения в рассматриваемой области общественных отношений. Сегодня возникает вопрос о разработке принципов обеспечения безопасности в новом понимании этой важной проблемы, ибо в отсутствие таких принципов теряются ориентиры деятельности личности, общества и государства по защите нации от внутренних и внешних угроз.*

***Aannotation.** Russian scientists in good faith approached the study of both external and internal security. In a certain aspect, the problem of internal security, published a lot of detailed books and articles, where they discussed the content of this research category. However, the growing updating this theme became especially noticeable in the 90s of the last century, has decided to form a worldview in this field of public relations. Today the question is about the development of the principles of security in the new understanding of this important issue. For in the absence of such principles is lost activities of the individual, society and the state to protect the nation from internal and external threats.*

***Ключевые слова:** внутренняя безопасность, национальная безопасность, принципы и направления обеспечения внутренней безопасности, параметры национальной безопасности.*

***Key words:** internal security, national security, principles and directions of internal security options, national security.*

В настоящее время российская наука различает два типа национальной безопасности – внутреннюю и внешнюю¹. Фундаментом этого деления стала категория «территория», а точнее, – государственная граница между Российской Федерацией и сопредельными странами. Предложенная схема отвечает сути Концепции национальной безопасности Российской Федерации – системе взглядов на обеспечение в нашей стране безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Не случайно ряд ответственных функциональных направлений государственной деятельности во внутренней и внешней сферах определяются федеральными законами Российской Федерации, в которых необходимые принципы перечисляются и разъясняются. Следует отметить, что в ряде законодательных актов слово

«принцип» выносится в его наименование, а куда в большей их доле принципы деятельности перечисляются в отдельных статьях.

Рассмотрим основные принципы обеспечения внутренней безопасности.

1. Соблюдение Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации при осуществлении деятельности по обеспечению национальной безопасности.

По нашим представлениям, важным аспектом реализации данного принципа является правильное понимание в применении ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, а именно: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Следовательно, в вопросах обеспечения национальной безопасности России от угрозы

¹ См.: Общая теория национальной безопасности : учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. М., 2002. С. 14.

преступности недопустима борьба с криминалом в ущерб конституционным гарантиям населения страны. В частности, социально вреден репрессивный уклон привлечения к уголовной ответственности наркоманов в угоду статистическим показателям псевдоуспехов борьбы с наркотиками, а не их лечение в добровольной или недобровольной формах².

2. Единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов безопасности, изменения их приоритетности в зависимости от ситуации.

Здесь имеется в виду учет многофакторности посягательства (угрозы) преступников и людей, нравственно «созревших» для совершения правонарушений, на различные области национальной безопасности. В превентивном плане второй принцип касается и той части населения, которая ведет добропорядочный образ жизни. Так, современное межличностное общение молодежи обильно засорено словами из сленга криминальной среды. И это не удивительно, поскольку блатной жаргон активно практикуют поэты, певцы, актеры, политики, которые обильно тиражируют культурологические изыскания русского языка в общество через массмедиа. Удручают огромные суммы «грязных» денег, отмываемых от незаконной деятельности в целях финансирования сепаратизма и терроризма, отток многомиллиардных капиталов за рубеж, работоторговля, коррупция и многое другое. Иными словами, необходим выбор правильных направлений противодействия угрозе преступности, выделение из них наиболее актуальных на данный момент времени при условии оставления под неусыпным контролем внешне второстепенных сфер общественных отношений.

3. Приоритетность политических, экономических, информационных мер обеспечения национальной безопасности.

Представляется, что политическая воля, подкрепленная необходимыми экономическими ресурсами, а также информационной поддержкой относятся к тем решающим мерам, которые действительно способны перевести рельсы борьбы с преступностью в сторону, выгодную для благоденствия личности, общества и государства³.

4. Реальность (с учетом имеющихся ресурсов, сил и средств) выдвигаемых задач.

Вполне понятно, что для преодоления год от года обостряющихся в нашей стране криминальных явлений, как, например, венерические заболевания, проституция, бродяжничество, пьянство, потребуется немало времени.

5. Соблюдение норм международного права и российских законов при осуществлении мер принудительного характера (в том числе с использованием военной силы).

Нарушением норм международного права станет, например, применение войсками, привлеченными к операции по ликвидации террористов, запрещенных биохимических веществ.

6. Сочетание централизованного управления силами и средствами обеспечения безопасности с передачей в соответствии с федеративным устройством России части полномочий в этой области органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления.

Последний основной принцип разрешает делегировать на места из федерального центра значительный объем полномочий по локальной защите антикриминальных программ, финансированию борьбы с преступностью, выделению дополнительной штатной численности для правоохранительных органов, деловым международным связям и многим другим вопросам, которые находятся в прерогативе властей российской провинции.

Помимо перечисленных выше основополагающих принципов, определенных Концепцией, остановим внимание на еще трех исходных положениях обеспечения национальной безопасности России от угрозы преступности, которые носят прикладной характер. Это принципы: *экономической несовместимости легальных капиталов и капиталов, нажитых посредством совершенных преступлений; контрактивности и целесообразности*⁴.

Принцип экономической несовместимости легальных капиталов и капиталов, нажитых посредством противоправной деятельности, означает невозможность сосуществования в правовом государстве законных и преступных капиталов. Этот принцип определяет их обоюдную агрессив-

² См. подробно: Кобец П.Н. О предупреждении преступности несовершеннолетних в сфере употребления наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2007. № 1.

³ См. подробно об этом: Кобец П.Н. Совершенствование обеспечения внутренней безопасности Российской Федерации в сфере экономической деятельности // Безопасность информационных технологий. М., 2006. № 2 (50).

⁴ См.: Кобец П.Н. О фундаментальных понятиях и параметрах категории «национальная безопасность» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4. Ч. 1 / редкол.: Ю.С. Пивоваров [и др.]; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 47.

ность. Он указывает на конечную цель стратегии борьбы с преступностью, особенно в организованных ее формах – ликвидацию незаконных материальных накоплений как финансовой основы деятельности криминальных сообществ.

Под принципом контрактивности имеется в виду адекватность усилий государства и общества против многофакторного влияния преступности на социально-экономическую и политическую жизнь страны.

Принцип целесообразности потребует в списке ширококомасштабных мероприятий по профилактике и пресечению преступности избирать те узловые точки в защите криминалитета, которые способны после удара по ним нанести уголовной среде больший урон, чем произведенные на эту операцию людские усилия и материально-технические затраты государства.

Рассмотрим основные направления обеспечения внутренней безопасности. В узком смысле, как видно из содержания приведенных выше принципов, их вполне удобно использовать в деле обеспечения внутренней безопасности от угрозы преступности.

В широком смысле применение указанных принципов может быть успешным в ходе обеспечения внутренней безопасности по направлениям, описанным разработчиками общей теории национальной безопасности: принятию возможных мер для выхода России из кризиса и возрождения как мировой державы; успешному осуществлению рыночных реформ; снижению остроты социальных противоречий; обеспечению защиты российских духовных, интеллектуальных и культурных ценностей; укреплению оборонного потенциала; формированию демократического правового федеративного государства; недопущению обострения социального и политического противостояния, создающего опасность политических кризисов, могущих перерасти в военные конфликты; достижению общественного согласия, здорового социально-психологического и нравственного климата в обществе; надежной защите жизни, здоровья, имущества, прав и свобод человека, созданию достойных условий его существования, а также условий существования и развития семьи как ячейки гражданского общества и ее государственной поддержки; повышению эффективности и уровня образования в России⁵.

⁵ См.: Общая теория национальной безопасности : учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. М. : Изд-во РАГС, 2005. С. 33.

К перечисленным выше направлениям обеспечения внутренней безопасности уместно добавить: принципиальное улучшение демографического состояния российской нации; урегулирование миграционных процессов извне во внутрь страны исходя из экономических интересов формирования квалифицированных трудовых резервов; предупреждение обратной миграции российского интеллекта в лице профессионалов из отраслей гуманитарного, естественного и технического знаний, людей, затянутых в сети работодателей и др⁶.

Остановимся еще на одном важном вопросе, который наглядно показывает, что фундаментальные параметры национальной безопасности – история (нации), люди (население); территория; экономика; язык; культура, психология (национальный характер) – органически присущи как внешней, так и внутренней безопасности Российской Федерации⁷. Полнокровная защита этих фундаментальных параметров от каких-либо посягательств есть залог высокой степени обеспечения внутренней безопасности. Остановимся на описании хотя бы трех из них – истории нации, территории и психологии, уделив особое внимание первому фундаментальному параметру.

История нации. С точки зрения обеспечения внутренней безопасности нет ничего страшнее, чем регулярное искажение в сознании населения, особенно подрастающих поколений, действительной истории своего Отечества. Например, как только огульно не очерняли историю российской монархии захватившие в 1917 году власть большевики. Но чем лучше ушедших в лету идеологов некоторые современные политики, которые буквально «по кочкам» разносят историю России советского периода? Остается только догадываться, какому остракизму могут подвергнуть те же 90-е годы прошлого столетия наши потомки, если не остановить эту порочную практику фальсификации и очернения собственной истории. Только правдивое и уважительное отношение к истории нации позволяет англичанам оставаться

⁶ См.: Кобец П.Н. Предупреждение преступности в системе обеспечения внутренней безопасности : учеб. пособие. М. : Объединенная академия образовательных учреждений, 2008. С. 19.

⁷ См.: Кобец П.Н. Внешняя миграция как угроза национальной безопасности. Россия в глобальном мире: проблемы становления и развития : сб. науч. тр. / под ред. В.В. Галкина. Вып. 1. Воронеж : Централ.-Чернозем. книж. изд-во, 2007. С. 65.

англичанами, французам – французами, японцам – японцами и т.д. Так и гражданам Российской Федерации в этом важном вопросе обеспечения внутренней безопасности надо оставаться россиянами, чтить прошлое, извлекать из него и учитывать допущенные ошибки, с тем, чтобы не повторять их в процессе дальнейшего развития общества и государства.

Несомненно, уважительное отношение государства к историческим корням российских правоохранительных органов и спецслужб способно придать им мощный импульс в повышении эффективности обеспечения внутренней безопасности от угрозы преступности. К сожалению, в этом деле заметных практических подвижек пока еще не наблюдается. В подтверждение сказанному приведем показательный пример.

Сохранение и умножение территориального пространства как фундаментальной опоры внутренней безопасности невозможно в нашем полиэтничном обществе без перелома националистической тенденции, а точнее, – сепаратизма субъектов Российской Федерации. Настала пора отказаться от практики прихода к власти в национальных административных образованиях представителей этнических элит.

В русле этих предложений следует внимательнее отнестись к современным политическим концепциям, которые предлагают трансформировать неразумно утвержденную свыше десятилетия назад дезинтеграционную модель российского федерализма в унитарное государство. Благодаря этому шагу получится не только сохранить ныне существующие, но со временем преимущественно мирными политическими и иными мерами дополнить российские пределы территориями, прежде в течение

веков органически входящими в состав нашего государства.

Правоохранительный аспект в обеспечении внутренней безопасности территориальной монолитности государства заключается в профилактике и пресечении сепаратизма гласными и негласными методами. Удастся федеральному центру, в том числе при содействии ученых правоохранительных органов и спецслужб, сохранить закрепленную в Конституции территориальную целостность Российской Федерации, значит, построение открытого гражданского общества и правового государства пойдет на лад. При другом исходе мы территориально можем деградировать до масштабов Московской агломерации. Но этот вариант-мартиролог должен быть исключен из внутренней российской политики, хотя серьезные поводы к столь неприятным размышлениям имеют место на примере не прекращающихся попыток зарубежных оппонентов добиться отчуждения острова Сахалин, Курильских островов, Калининградской области и др.

Известно, что общество сильно тогда, когда составляющие его личности объединены общими интересами, которые в свою очередь формируются посредством установленных в государстве систем воспитания, образования, культуры в целом и пр. В условиях третьего тысячелетия российская нация должна приобретать такие черты полиэтничного и мультиконфессионального общества, которые не разъединяют, а, наоборот, цементируют людей в единое целое. В условиях интенсивной и неизбежной интеграции России в мировое сообщество у людей должен формироваться новый тип национального характера, способный успешно конкурировать с внешними вызовами и угрозами

Библиографический список

1. Кобец, П.Н. Внешняя миграция как угроза национальной безопасности. Россия в глобальном мире: проблемы становления и развития : сб. науч. тр. / под ред. В.В. Галкина. – Вып. 1. – Воронеж : Централ.-Чернозем. книж. изд-во, 2007.
2. Кобец, П.Н. О предупреждении преступности несовершеннолетних в сфере употребления наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. – 2007. – № 1.
3. Кобец, П.Н. О фундаментальных понятиях и параметрах категории «национальная безопасность» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 4. – Ч. 1 / редкол.: Ю.С. Пивоваров [и др.] ; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М. : ИНИОН РАН, 2009.
4. Кобец, П.Н. Предупреждение преступности в системе обеспечения внутренней безопасности : учеб. пособие. – М. : Объединенная академия образовательных учреждений, 2008.

5. Кобец, П.Н. Совершенствование обеспечения внутренней безопасности Российской Федерации в сфере экономической деятельности // Безопасность информационных технологий. – М., 2006. – № 2 (50).
6. Общая теория национальной безопасности : учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. – М. : Изд-во РАГС, 2005.
7. Общая теория национальной безопасности : учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. – М., 2002.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ МУСУЛЬМАНСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

ПЕТРОВСКИЙ Антон Владимирович

***Аннотация.** В статье рассматриваются религиозно-философские доктринальные теории мусульманского права и классического мусульманского уголовного права в частности. Культурно-религиозные аспекты становления и развития шариата послужили фундаментом для религиозно-правовых школ (мазхабов), которые в свою очередь стали основой для криминологических теорий и уголовного законодательства современных мусульманских стран.*

***Annotation.** The article considers religious and philosophical theory of Islamic Law and classical Islamic Criminal Law. Cultural and religious aspects of development the Sharia served as the foundation for the religious and legal school, which is turn became the basic criminological theories and criminal laws of modern Muslim countries.*

***Ключевые слова:** исламское богословие, правовая доктрина, мусульманские правовые школы, шариат, предписания ислама, уголовное законодательство мусульманских стран.*

***Key words:** Islamic theology, legal doctrine, the Muslim legal schools, Sharia, Islamic regulations, the Criminal Law of the Muslim countries.*

Теоретические положения классического мусульманского права предполагают, что государство в лице суверена-монарха или в лице парламента (президента) не может творить право (законодательство)¹. В исламском государстве власть выступает только слугой права, созданного самим Аллахом и его посланником пророком Мухаммедом, поэтому сущностью добра для человека является послушание божественному закону, неповиновение которому неминуемо ведет к греху. Господствующей доктриной является религия, и поэтому любые рассуждения о необходимости либо легитимации норм мусульманского права основываются на данной точке зрения. У всех религиозных доктрин есть фундаментальные основы веры – это Бог, вера в Бога, человек и его отношение к Богу. Для ислама фундаментом является создание правильного общества путем служения Создателю, руководствуясь шариатом. Следуя праведным путем, человек руководствуется договором, который определяет его поступки в конкретных случаях жизни, обеспечивая добросовестное служения и определяя воздавание по заслугам. Признаком принятия человеком этого договора является признание единства Аллаха, Его пророка Мухаммеда.

Целью исламской религии является создание общества по Божьим законам и заповедям, где господствуют благородные достоинства человека и отрицаются плохие качества последнего. Государство, согласно теологическим исламским постулатам, существует не потому, что оно создано людьми, а потому, что этого пожелал Аллах. Исламское богословие рассматривает законы шариата в качестве идеальных, данных Богом, имеющих нечеловеческое происхождение и поэтому не подлежащих сомнению. Исламская форма государственного правления определяет, что шариату должны соответствовать все формы и виды поведения независимо от способа закрепления такого деяния обычным либо формальным правом. Исламу не присуще разграничение социальных норм на правовые и иные, поэтому деяние, носящее антисоциальный характер и запрещаемое шариатом, одновременно является антиобщественным и противоправным². Доминирующая правовая доктрина *велейатфаких* (территория господства исламских юристов) определяет, что границы исламских законов, решений государства, управление страной определяется шариатом, однако ислам трансна-

¹ Ахкумбекова Ж.Д. О некоторых общих вопросах соотношения норм религии и права в мусульманской правовой системе // Черные дыры в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 18–24.

² Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе: монография. Рязань, 2004. С. 61.

ционален и государственными границами не связан, поэтому правовая доктрина должна создаваться на основе религиозных учений.

Вся мусульманская правовая доктрина основывается на вере в Аллаха, согласно которой только у Него есть права на установление правил и канонов, равно и на законотворчество, только Он указывает, как жить, что хорошо и что плохо, что награждается, а что наказуемо. Разработка и принятие законов государством означает правотворческую деятельность властей, которая также является результатом понимания воли Аллаха. Элементарная цель мусульманского права состоит в защите либо в обеспечении благосостояния людей путем защиты пяти необходимых ценностей: религии, жизни, ума, происхождения и собственности. Мусульмане должны следовать за явными и подразумеваемыми исламскими постановлениями, когда они выражены буквально, понятны, рациональны и приемлемы для людей.

Пример. Согласно ст. 2 Конституции 1979 года Исламской Республики Иран государство основывается на вере в фундаментальную роль Божественного откровения в установлении законов, в Божественную справедливость законодательства и идею иджтихада³.

Смысл земной жизни мусульманина заключается в обязанности вести справедливый образ жизни, готовя себя к неземной. Положения шариата призваны регулировать все стороны жизнедеятельности мусульманина, обеспечивая как общественный порядок и безопасность, так и правовой порядок.

Одной из основных обязанностей мусульманина, признанной еще со времен приверженцев благочестия (первые правоверные Халифы и ближайшие сподвижники Пророка), было соблюдение основного положения: «сеять добро и запрещать зло». Мусульманский шариат был универсальным по охвату и не допускал классового деления общества, подразумеваемая этим, что все мусульмане должны быть равны. Не признавалась наследуемая классовая структура, единственное правомерное различие – это степень набожности. Не признавались национально-территориальные границы, ибо в исламе единственными правами и обязанностями были те, которые дал Бог, и у всех

они были одинаковые. Шариат не особо признавал и государство, вернее, не государство, а организации, отвечающие за удовлетворение коллективных потребностей, потому что любая из последних являлась либо вопросом исполнения воли Бога, либо недозволенным легкомыслием. Но если это был вопрос исполнения воли Бога, данная обязанность возлагалась на каждого в отдельности. Не могло быть никакой коллективной ограниченной ответственности, благодаря которой отдельный человек мог уклониться от исполнения своего долга, то есть ни один человек, учреждение или организация людей не имели законных полномочий, которые позволили бы мусульманину облегчить бремя его личного долга перед Богом. Господствовала бесспорная идея, что установление законов и правил является прерогативой только Аллаха. Кроме того, утверждалось, что в божественной книге и пророческих преданиях приведены все нормы и правила и для земной, и для потусторонней жизни⁴. Такая концепция развития права четко выявляется при изучении научных трудов и трактатов основателей разных мусульманских правовых школ – мазхабов.

В научной литературе дается большое количество определений шариата, которые будут приведены ниже. Однако, по нашему мнению, на формулировку оказывает влияние восприятие светскими учеными теологических воззрений и особенности перевода на русский язык арабских и персидских слов. В работе С. Боронбекова шариат определяется как «путь», «следование» и используется для обозначения начертанного пути, следуя которому правоверный достигает нравственного совершенства, мирского благополучия и может попасть в рай⁵. По утвердившемуся в мусульманской литературе мнению, шариат определяется как совокупность обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных Им через Пророка⁶ либо как правовая систематизация поведения правоверных перед людьми, обществом и Аллахом⁷. О том, что шариат является исламским правом, содержа-

⁴ Вайсс Б.Дж. Дух мусульманского права. М.; СПб., 2008. С. 206–213.

⁵ Боронбеков С. Указ. соч. С. 73.

⁶ Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997. С. 4.

⁷ Васильев Л.С. Ислам как религиозная доктрина // Азия и Африка сегодня. 1977. № 7. С. 118, 119, 141–144; Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 246–248.

³ Манучихри А. Политическая система Ирана // Петербургское востоковедение. СПб., 2007. С. 56–60.

щим совокупность норм или правил, извлеченных из божественных откровений, которым обязан следовать верующий мусульманин, если он хочет исполнить свой религиозный долг, отмечают в своей работе К. Цвайгерт и Х. Кётц⁸. Предметом шариата являются все догматические религиозные правила и постановления, обряды и нормы поведения, относящиеся к частной и общественной жизни мусульманина. Мусульманское (религиозное) право, в отличие от других правовых систем, – не самостоятельная отрасль науки, а неотъемлемая часть шариата и религии ислама⁹.

Ислам буквально означает покорность; смысл и значение этой религии основываются на трех основных концепциях: единственность (*тавхид*), пророчество (*рисала*) и жизнь после смерти (*ахира*). Третье положение концепции для понимания правосознания нам наиболее интересно, ибо мусульмане верят в то, что жизнь человека начинается не с рождения, а в тот самый момент, когда Богу угодно будет сотворить живую душу; оканчивается жизнь не со смертью, а в ту самую секунду, когда Бог благоволит растворить эту душу¹⁰.

Решение вопроса о соотношении свободы и необходимости для человека в исламе основано на представлении о двойственности нравственной природы человека. Последний по природе добр, но слаб, поэтому быть добрым для человека означает следовать закону, предоставленному людям в доступной им форме, причем следовать в той мере, в которой это посильно для человека. Соответственно степени неповиновения мусульманские законоведы и теологи различали как преступления и проступки¹¹. Согласно классической теории мусульманского права в основе обязательности норм права лежит вера в Бога и религиозная кара за их нарушение, а государственное принуждение воспринимается как частичное воплощение на земле божественного правосудия¹², ибо если по тем или иным причинам

земная ответственность не наступает, то все равно виновный не сможет избежать ответственности потусторонней, что обеспечивает высокую эффективность норм мусульманского права¹³. В религиозных правовых системах преступление и грех представляют собой единое понятие, поэтому заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» рассматриваются в качестве религиозных и правовых запретов одновременно¹⁴.

Говоря о становлении мусульманского уголовного права, необходимо различать три периода: до колонизации (VII–XIX века), колониальный (XIX–середина XX века) и постколониальный (с середины XX века и до наших дней). Каждый период имеет особенности влияния на становление уголовно-правовой школы современных мусульманских государств, поэтому необходимо подробно их рассмотреть.

В доколониальный период (VII – вторая половина XIX века) во всех государствах с преобладающим мусульманским населением, с правителями-мусульманами и государственным устройством на основе шариата при рассмотрении уголовных дел применялось мусульманское право, сформированное за счет школ (*мазхаб(ов)* – путь следования). Изначально существовало несколько центров протюриспруденции, в которых образованные люди высказывали свои суждения по определенному вопросу. Таковы были Мекка, Медина, Куфа, Басра, Дамаск и позже Багдад. В Мекке авторитетными источниками считались Ибн Аббас и Ата ибн Аби Рабах, в Медине – Омар и его сын АбдАллах ибн Омар, в Куфе – Али и АбдАллах ибн Маъсуд, в Басре – Шуъба ибн аль-Хажжаж, в Дамаске – аль-Авзаи и, наконец, в Багдаде – Ибн Ханбаль¹⁵. Известны четыре основные суннитские школы, которые названы по именам их основателей: ханифитская – основатель Абу Ханиф ибн Сабит (699–767); маликитская – основатель Малик ибн Анас (713–795); шафиитская – основатель Мухаммед ибн Идоисаш-Шафии (767–820); ханбалитская – основатель аш-Шафин

⁸ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1 : Основы : пер. с нем. М. : Международные отношения, 1998. С. 447.

⁹ Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право) : пер. с фр. М., 1967. С. 386–395.

¹⁰ Максуд Р. Ислам : пер. с англ. М., 1999. С. 6–7.

¹¹ См.: Волобуев А.В. Концепт человека в антропологии ислама : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.

¹² Артемов В.Ю. Основные институты мусульманского уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17.

¹³ Елаян Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права. Махачкала, 2002. С. 9.

¹⁴ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М. : Международные отношения, 2002. С. 15.

¹⁵ Schacht J. The Origins of Muhammadan Jurisprudence. ACLS History E-Book Project, 2001. P. 22–34.

Ахмад ибн Ханбаломаш-Шейбани (780–855). Кроме того, существуют и шиитские правовые школы – джафаритская (имамитская) и зайдитская¹⁶.

В своей работе Б.Дж. Вайс указал, что признание хадисов Пророка основным источником законов привело к тому, что изложение законов превратилось в экзегетическую задачу, то есть практически свелось к толкованию Корана и хадисов. В то время тексты Корана имели довольно скромный объем по сравнению с корпусом текстов хадисов. Впоследствии к хадисам оказалось привязано большее количество законов, чем к Корану, и экзегезис – выведение законов из текстов – стал основой мусульманской юриспруденции¹⁷. Первоначальное формирование правовых школ (*мазхабов*) было связано с территориями, ставшими центрами мусульманской правовой мысли: 1) Сирия, где законоведы оказались под влиянием омеядских правовых обычаев и органов управления (аль-Авзаи, умер в 744 году); 2) Медина, где правоведы придерживались близкого соответствия к Сунне Пророка (Малик ибн-Анас¹⁸; Мухаммед ибн Идоисаш-Шафии¹⁹; аш-Шафин Ахмад ибн Ханбаломаш-Шейбани²⁰; Дауд ибн Халиф, умер в 883 году – основатель закиритской школы²¹); Ирак, где законоведы применяли аналогию, но также предпочитали принцип справедливости; испытывали влияние практики государственного управления в Ираке и аббасидских правовых обычаев (Абу Ханифа ибн Сабит²²).

¹⁶ Хайдарова М.С. Основные направления и школы мусульманского права // Мусульманское право. М., 1984. С. 38–47.

¹⁷ Вайс Б.Дж. Указ. соч. С. 30.

¹⁸ Активная деятельность по проверке достоверности хадисов, особенно сунны Пророка, применение аналогии.

¹⁹ По мнению М. Ходжсона, именно последователи Аль-Шафии стали опираться на решения по хадисам, принятым по иным основаниям, отвергая кияс (аналогию) в пользу простых и ясных хадисов, утверждая, что хадисов существует достаточно, чтобы создать полноценную систему фикха, без использования кияса, требуя, чтобы хадисы понимались буквально и правоведы не позволяли себе никаких вольных трактовок.

²⁰ В данной школе внимание уделялось тщательно отобранному хадисам, отдавая предпочтение вместо «слабого» хадиса «сильной» аналогии.

²¹ Упор на буквальное применение Корана и хадисов из Сунны Пророка.

²² Последователи данной школы (Абу-Юсуф, умер в 798 году, – ученик Абу-Ханифы, Аш-Шейбани, умер в 805 году), кроме «столпов» фикха, отстаивали право использовать при рассмотрении правовых вопросов то, что остальные называли «фай», то есть личное суждение своих первых учителей на основании обращения к принципу «справедливой предпочтительности».

Школы шиитского *фикха* формировались, основываясь на сокровенном знании (*ильм*) имамов. В своей работе Ф.И. Акилов приводит несколько трудов ученых-правоведов шиитского фикха: 1) «Аль-Мухтасар» (Краткое руководство по правоведению) – книга состоит из нескольких частей, повествует об обязанностях человека к Богу, о гражданских взаимоотношениях, о наследстве, браке, об убийствах, ранениях и наказаниях, автор – Ахмед Ибну-л-Хасан Ахмеда ал-Исфахани (434–500 г.х.); 2) «Танбих», автор – Абу Исхак Ибрагим аш-Ширази (умер в 476 г.х.); 3) «Аль-Мустасфа мин илм ал-усул» (Основы исламского права), «Мишкатул-анвор» (Ниша света), «Насихатул-мулук» (Наставление правителям), автор – Абу Хамид Мухаммад аль-Газали (1058–1111), известный исламский философ²³. Дванадцатники и исмаилиты наделили ведущим авторитетом шиитского имама Джафара ас-Садики, имамы шиитов-зейдитов тоже разработали две собственные системы.

Малик ибн-Анас, формулируя законы шариата и *фикха* в частности, настаивал на том, что социально-культурные и религиозные традиции Медины лежат в основе традиционного ислама. Идеализированный образ Медины снабдил последующих правоведов первой особенностью мусульманского права. Эта особенность заключалась в том, что законодательство не являлось производным от народных практик, принципов, традиций, а представляло собой формализацию в нормах права действий отдельных людей, получивших одобрение Бога, то есть действия самого Мухаммеда либо действия других людей, против которых Он не возражал, и главное было не личность совершившего деяние, а факт одобрения Богом поступка²⁴.

Вторую особенность тоже обеспечила Медина, и она легла в основу организации общества внутри. Обязанности, которые могли исполнить не все, распределялись между теми, кто был способен их исполнить и лично отвечал за это, и если они исполнялись хорошо, остальных эти задачи не затрагивали. Право-

²³ Акилов Ф.И. Уголовное право Исламской Республики Иран: становление, основные институты и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 66–67.

²⁴ Ходжсон М. История Ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней / пер. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко ; под науч. ред. Т.К. Ибрагимова. М., 2013. С. 229–231.

веды Средневековья разделили все обязанности на *фард дайн*, которые должны исполнять все независимо от того, как справлялись с ними их собратья, – это молитвы, выполнение обязательств по договорам; и на *фардкифайя*, которые лежали на всех членах общины, но могли не распространяться на остальных, если один человек исполнил их удовлетворительно – служащий мечети, следящий за порядком, либо служащий на рынке, контролирующий точность весов. Остальные мусульмане освобождались от этой ответственности, но освобождение было условным и основывалось на том, что обязанности выполняются хорошо. Такая обязанность или ответственность не могла быть поручена другому человеку либо продана, так как являлась не должностной, а личной. Благодаря этому принципу не было необходимости создавать конституцию либо общественный договор, так как то, что определялось как долг общественный должно было исполняться как долг личный.

Пример. Халиф Омар лично приносил еду нищему, про которого забыли его помощники, поскольку знал, что не сможет оправдаться в Судный день тем, что возложил свою личную обязанность на своих лучших подчиненных.

Третья особенность Медины стала основой в отношениях с неверными. Мусульманская община должна нести Божью справедливость всему миру, поэтому господство мусульманской общины распространяется на всех неверных – христиан, иудеев, зароострийцев, которым позволялось не отступать от веры, если их вера не шла вразрез с публичным признанием единства Бога и если они подчинялись мусульманам в делах общества. Им присваивался статус *зимми* – защищаемых подданных.

Таким образом по мусульманским законам должны были жить только те, кто лично взял на себя обязательства ислама, и только им было позволено нести ответственность за общество в целом. Исполнение законов является священной обязанностью мусульманина, Аллахом указал верующим истинный путь (шариат), в соответствии с которым каждый мусульманин обязан строить свою жизнь. Такая обязанность неоднократно упоминается в Коране: «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие – кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков,

и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, – и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, – это те, которые были правдивы, это они – богобоязненны» (Сура 2, Аят 172); «В Законе этом кроется сохранность вашей жизни, о вы, кто обладает разумением! Чтоб благочестие могли вы обрести (Сура 2, Аят 179)»²⁵.

Для мусульман истинным «законодателем» выступает только Аллах, воля которого и воплощена в шариате. Руководствуясь такой позицией, король Саудовской Аравии не разрешил использовать термины «закон» и «законодательство» применительно к действующим в стране правовым актам, которые символично называются «низамами» – регламентами. Это наименование призвано подчеркнуть, что земная государственная власть обладает лишь регламентарными полномочиями, ограниченными истинным правом – шариатом, и в Основном низаме о власти 1992 года, играющем роль основного закона страны, конституцией Королевства объявлены Коран и сунна Пророка²⁶.

Отличие суннитских правовых школ от шиитских заключается в разных источниках мусульманского права²⁷: 1) шииты признают высокий авторитет имамов в религиозных и правовых вопросах, также считают возможным сослаться не только на *Коран* и *Сунну*, но и на высказывания имамов; 2) шииты не признают в качестве источников права сборники преданий (*хадисов*), кроме тех, которые содержат высказывания самого Мухаммеда и его родственников через имама Али – зятя Пророка, его потомков и сторонников, среди которых наиболее известны: Микдад, Абузар, Аммад Ясар и др., в то время как сунниты признают таковыми высказывания всех сподвижников Мухаммеда²⁸; 3) шииты, в отличие от суннитов, не признают *кияс* (аналогию) в качестве

²⁵ Коран в переводе И.Ю. Крачковского. М., 1963.

²⁶ Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. – М.: ВШЭ, 2008.

²⁷ Оценка статуса человека в шиизме гораздо пессимистичнее по сравнению с суннизмом, и в этом смысле шиизм близок к христианству. Шиизм акцентирует внимание на слабости, ничтожности и заброшенности человека, а грех Адама считает предательством, нарушением договора между Богом и человеком. Эта идея в какой-то степени приближается к концепту первородного греха в христианстве.

²⁸ Артемов В.Ю. Указ. соч. С. 45–46.

источника права (приблизительно с VIII века), обосновывая это тем, что он ведет лишь к вероятностным, а не к строго определенным выводам²⁹. Говоря о преданиях Пророка как источниках права следует отметить, что приверженцы шиитской школы, которыми является население Ирана, часть населения Таджикистана, Йемена, Бахрейна, признают предания шиитских имамов источниками права, в том числе и уголовного. В учении шиитской школы роль 12 имамов (религиозных лидеров, относящихся к роду Пророка Мухаммеда) отмечена особо, так как они являлись потомками пророка Мухаммеда и продолжали Его дело³⁰. В последствии дела и слова этих имамов, по сути, означали приношение божественной воли людям, и они стали эталоном поведения, которое послужило источником права для сторонников этой школы наравне с преданиями Пророка.

Илмешараэ (законоведение) разделяется на две части: *илме калом* и *илмефехха*. *Илме калом* (учение о вере), где излагаются правила и постановления об основных принципах религии, и лица, овладевшие этой наукой, приобретают право решать вопросы и недоразумения по религиозным делам мусульман³¹. *Илмефехха* – познание, постижение, мусульманское правоведение, это исламская правовая доктрина (*фикх*) о правилах поведения и необходима судьям (кадиям, казиям, улемам) для решения спорных правовых вопросов³². Фикх – это система всеобъемлющих этическо-правовых норм, которые определяют весь ход земного существования мусульманина, указывая способы выполнения его социально-религиозных обязанностей³³. *Илмефехха* (*фикх*) состоит из трех частей: *эбодот* – практическое учение о вере, обрядах, молитве, посте, паломничестве, празднествах; *маомелот* – вопросы неправомерного поведения мусульманина и *укубат* – регулирующие вопросы преступности деяния, наказания за его совершение, процедурные (процессуальные) вопросы исполнения наказания. Вопросы, рассматриваемые фикхом, в литературе делятся на три группы: 1) касающиеся

ся веры человека (*усули дин*); 2) дозволенных и запрещенных деяний (*ахком*); 3) внутреннего развития и морали человека³⁴.

Мусульманское уголовное право (*укубат*) включает в себя процессуальные нормы и нормы, регулирующие исполнение наказаний³⁵. Хотя, по мнению С. Боронбекова, мусульманскому праву вообще не присуща отраслевая классификация³⁶. Также в классическом мусульманском уголовном праве нет Общей части в понимании человека, знающего европейское уголовное право, по сути *укубат* представляет собой Особенную часть, которая содержит отдельные нормы и институты Общей части и значительное число процессуальных и исполнительных норм³⁷. Если обратимся к уголовному законодательству Исламской Республики Иран либо Уголовному кодексу Пакистана, то мы обнаружим наличие классических исламских институтов: понятие и виды нормированных наказаний (*хуДДуд*), вира (*дийа*), процедурные вопросы доказывания, порядок их исполнения³⁸.

Изучая основные положения мусульманского уголовного права, необходимо учитывать, что предписания ислама делятся на три группы:

1) идеологические (основы религии) – система, формирующая мышление и идеологию мусульманина (человека), которая предполагает убежденность в правильности веры, веру в Бога, в Его посланников, Судный день и т.д.;

2) практические (предписания и законы) – предписания, которые включают в себя дозволения и запреты, а также порядок их соблюдения при наличии правильной веры и поклонения Всевышнему;

3) нравственные – руководства, воспитывающие человека и обеспечивающие его духовное развитие. Нельзя забывать о доктрине “*maslahat*” или “*zarurat*”, которая определяет основной целью законодательства в Исламском государстве обеспечение и защиту благосостояния людей, защиту их интересов, блага и имущества от вреда. В уголовном законодательстве “*maslahat*” применяется в тех случаях,

²⁹ Hossein Moderessi Tabatabai. An introduction to Shii Law. London, 1998. P. 29.

³⁰ Акилов Ф.И. Указ. соч. С. 59–60.

³¹ Боронбеков С. Указ. соч. С. 74.

³² Ислам : энциклопедический словарь. М., 1991. С. 254.

³³ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 448.

³⁴ Акилов Ф.И. Указ. соч. С. 71–72.

³⁵ Елаян Г.Ф. Указ. соч. С. 155.

³⁶ Боронбеков С. Указ. соч. С. 71.

³⁷ Артемов В.Ю. Указ. соч. С. 20.

³⁸ См. подробнее: Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани ; пер. М.С. Пелевина. СПб., 2008 ; Pakistan Penal Code (Act XLV of 1860). URL : www.pakistani.org

когда нормативные акты не противоречат шариату, являются необходимыми для решения

возникающих у социума вопросов и обладают признаком общественной полезности.

Библиографический список

1. Акилов, Ф.И. Уголовное право Исламской Республики Иран: становление, основные институты и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
2. Артемов, В.Ю. Основные институты мусульманского уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
3. Ахкумбекова, Ж.Д. О некоторых общих вопросах соотношения норм религии и права в мусульманской правовой системе // Черные дыры в российском законодательстве. – 2012. – № 5.
4. Боронбеков, С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе : монография. – Рязань, 2004.
5. Вайсс, Б.Дж. Дух мусульманского права. – М. ; СПб., 2008.
6. Васильев, Л.С. Ислам как религиозная доктрина // Азия и Африка сегодня. – 1977. – № 7.
7. Волобуев, А.В. Концепт человека в антропологии ислама : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2012.
8. Давид, Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право) : пер. с фр. – М., 1967.
9. Елаян, Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права. – Махачкала, 2002.
10. Еремеев, Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М., 1990.
11. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани ; пер. М.С. Пелевина. – СПб., 2008.
12. Ислам : энциклопедический словарь. – М., 1991.
13. Коран в переводе И.Ю. Крачковского. – М., 1963.
14. Максуд, Р. Ислам : пер. с англ. – М., 1999.
15. Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М. : Международные отношения, 2002.
16. Манучихри, А. Политическая система Ирана // Петербургское востоковедение. – СПб., 2007.
17. Сюкияйнен, Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. – М. : ВШЭ, 2008.
18. Сюкияйнен, Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997.
19. Хайдарова, М.С. Основные направления и школы мусульманского права // Мусульманское право. – М., 1984.
20. Ходжсон, М. История Ислама: исламская цивилизация от рождения до наших дней / пер. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко ; под науч. ред. Т.К. Ибрагимова. – М., 2013.
21. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – Т. 1 : Основы : пер. с нем. – М. : Международные отношения, 1998.
22. HosseinModeressiTabatabai. An introduction to Shii Law. – London, 1998.
23. Pakistan Penal Code (Act XLV of 1860) [Electronic resource]. – Mode of access : www.pakistani.org
24. Schacht, J. The Origins of Muhammadan Jurisprudence. – ACLS History E-Book Project, 2001.

ПУБЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ШАПОВАЛОВ Алексей Александрович

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы привлечения к публичной ответственности государственных и муниципальных служащих. Автор предлагает комплекс мер, направленных на повышение эффективности государственной и муниципальной власти в современном Российском государстве.*

***Annotation.** The article deals with the problem of bringing to the public the responsibility of state and municipal employees. The author proposes a set of measures aimed at improving the efficiency of state and municipal authorities in the modern Russian state.*

***Ключевые слова:** публичная власть, государственная власть, муниципальная власть, публичная ответственность, конституционная ответственность, муниципально-правовая ответственность.*

***Key words:** public authority, the government, municipalities, public responsibility, constitutional responsibility, the municipal responsibility.*

Сегодня в современном Российском государстве вопрос о публичной ответственности государственной и муниципальной власти является весьма важным и дискуссионным. Актуальность проблемы выражается в том, что в Российской Федерации сложилась такая практика, что место депутата или государственного (муниципального) служащего рассматривается как инструмент получения дополнительных властных или материальных ресурсов. В конечном счете обделенными и обманутыми остаются граждане нашего государства.

Проведенное исследование показало, что ответственность должностных лиц перед гражданами прописана только на уровне местного самоуправления, то есть на уровне, наиболее близком к населению. В гл. 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ детально прописаны формы участия населения в осуществлении местного самоуправления в целом. В некоторых конституциях субъектов РФ, как правило, закрепляется обязанность депутатов поддерживать связь с избирателями и отчитываться перед ними о своей деятельности. Так, Конституция Республики Татарстан в ч. 6 ст. 70 устанавливает, что депутат Государственного Совета ответствен перед избирателями и им подотчетен. Депутат Государственного Совета, не оправдавший доверия из-

бирателей, может быть отозван ими в установленном законом порядке².

На федеральном уровне прямая ответственность выборных должностных лиц перед гражданами не предусмотрена.

Таким образом, получается, что ответственность перед гражданами распределяется между тремя уровнями публичной власти неравномерно. Отсутствие контроля приводит к тому, что большинство должностных лиц государственной и муниципальной власти не осознают и не желают осознавать социальную роль публичной власти в обществе. Место депутата или государственного (муниципального) служащего, в частности, рассматривается как инструмент обогащения. В итоге такая политика порождает фактическую безответственность во всей системе публичной власти.

На наш взгляд, для решения обозначенной проблемы нужно сделать следующее:

1. *Необходимо разграничить субъектов публичной власти* и для каждого из них разработать самостоятельный комплекс мер, направленных на применение соответствующего позитивного или негативного юридического воздействия. В качестве самостоятельных субъектов публичной власти предлагаю выделить: государство (Российскую Федерацию); субъект федерации; федеральный орган государственной власти или орган государственной

¹ СЗ РФ. 2003. № 40. 6 окт. Ст. 3822.

² Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (ред. от 22.06.2012) // Ватаным Татарстан. 2002. № 85–86. 30 апр.

власти субъекта федерации; государственного и муниципального служащего.

2. *Создать нормативно-правовую базу, регулирующую политическую ответственность в системе публичной власти.* На сегодняшний день она отсутствует.

В Российской Федерации публичная власть представляет собой синтез двух ветвей власти – государственной и муниципальной³. По нашему мнению, необходимо разработать нормативно-правовую базу, регулирующую политическую ответственность как для государственной, так и для муниципальной ветви власти, которая предполагает меры ответственности, выражающиеся в возможности применения положительных санкций, содержащих поощрения, и отрицательных санкций, устанавливающих вид и меру государственного принуждения. Необходимо более детально закрепить основания применения конституционной ответственности в случае выполнения или невыполнения возложенных на государственную власть функций. Важно на законодательном уровне закрепить и предметно обозначить возможность ее применения не только к коллективным субъектам (например, органам государственной власти), но и к государству в целом и его субъектам. Это позволит в рамках конституционно-правовой ответственности на ее основе к субъектам публичной власти применять другие меры юридической ответственности, например, уголовную, административную, дисциплинарную, материальную. Следует отметить, что взаимодействие конституционно-правовой и вышеперечисленных видов ответственности проявляется самым непосредственным образом⁴. Например, депутат Государственной Думы в случае совершения уголовного преступления может быть лишен неприкосновенности (конституционно-правовая ответственность) и подвергнут мерам уголовного наказания, например, штрафу, лишению свободы на определенный срок.

Также необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и закрепить в нем муниципально-правовую ответственность в отношении органов местного самоуправления, должностных лиц и муниципальных служащих в случае принятия ими противоправных решений, неосуществления или ненадлежащего осуществления своих функций.

3. *Разработать систему критериев оценки эффективности работы для всех уровней публичной власти.* Необходимо создание государственных институтов, способных добиться от государственной и муниципальной власти выполнения установленных для нее требований.

4. *Содействовать развитию гражданского общества* и создать условия для становления и укрепления разнообразных гражданских институтов, (например, институт электронной демократии), общественных организаций, которые будут вовлечены в созидательные процессы модернизации российского общества – это обеспечит залог доверия между государственной, муниципальной властью и гражданами России.

5. *Повысить уровень демократического контроля над деятельностью государственных и муниципальных служащих.* Важным показателем демократического развития государства является гражданский контроль над органами государственной и муниципальной власти. Отсутствие устоявшихся основ демократического гражданского контроля создает условия для их политизации, нарушения прав и свобод граждан, коррупции, препятствует развитию демократии. Демократический контроль должен осуществляться над деятельностью государства, субъектов государства, органов государства, должностных лиц.

6. *Обеспечить оптимальную реализацию принципа профессионализма при формировании кадрового состава государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации.*

Библиографический список

1. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. // Ватаным Татарстан. – 2002. – № 85–86.
2. Кушхова, Б.З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.

³ Кушхова Б.З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 14.

⁴ Там же. С. 18.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

ЗАЛЕСНЫ Яцек

***Аннотация.** Данный анализ посвящен проблеме динамики политического руководства в Дагестане. Выдвинут тезис о том, что формирование политического руководства Дагестана в качестве суверенного субъекта Российской Федерации находится в тесной зависимости от этнической структуры Дагестана. Многонациональность Дагестана является ключевым фактором, определяющим характер политического выбора и выполняющим гораздо более важную роль, чем универсальные политические модели, характерные для других республик в составе Российской Федерации. «Казус» Дагестана прекрасно иллюстрирует тезис о том, что, хотя эффективная политическая система должна обращаться к универсальным моделям поведения, она не может игнорировать местные традиции. В противном случае система не сможет повлиять на конкретные модели поведения участников политических отношений. Для того чтобы избежать подобного рода ловушки, депутаты Дагестана объединены идеей формирования сильного политического руководства с размещением его в мультиэтнической социальной структуре Дагестана.*

***Annotation.** The present analysis is devoted to the problem of the dynamics of political leadership in Dagestan. A thesis is put forward that the formation of political leadership of Dagestan as a sovereign entity of the Russian Federation is closely dependent on the ethnic structure of Dagestan. The multi-ethnicity of Dagestan is a key factor determining the character of the political choices. It performs a much more important role than using the universal political models, characteristic of other republics of the Russian Federation. The casus of Dagestan perfectly illustrates the thesis that although an effective political system should refer to the universal models of behaviour, it cannot disregard what is local and familiar. Otherwise, it will be either dysfunctional or unreal and it will not affect concrete behaviours of the participants in political relations. In order to avoid this type of trap, the Dagestan lawmaker united building a strong political leadership with placing it within the multi-ethnic social structure of Dagestan.*

Ключевые слова: государственное руководство, Дагестан, конституция, субъект Российской Федерации, полиэтничность, этнополитика, процесс стабилизации президентства.

Key words: state leadership, Dagestan, constitution, entity of the Russian Federation, polyethnicity, ethnopolitics, the process of stabilization of presidency.

Вводные замечания

Государственный строй Российской Федерации гарантирует национальным республикам автономию в управлении внутренними вопросами. Каждая из этих республик устанавливает систему органов власти, определенную рамками федерального права. Метод применения на федеральном уровне моделей функционирования (стандартов действий) обусловлен выбором, осуществляемым на республиканском уровне – ценностями, разделяемыми в регионах. На практике это означает, что вопрос выбора пути развития и формирования общественных отношений, формирование собственной государственности стоит не только перед Российской Федерацией в целом, но и перед каждым из входящих в ее состав субъ-

ектов, включая национальные республики Северного Кавказа. В то же время нет сомнений, что среди ключевых вопросов системы власти республик региона главную роль играет мотив политического лидерства.

Политическое руководство Дагестана необходимо рассматривать в контексте его национальной и социальной многогранности. В отличие от многих других субъектов Российской Федерации, они значительно обуславливают политический строй республики и являются определяющими факторами как для его формирования, так и трансформации, оказывая воздействие также на нестабильность местной полиморфной общественности. Дагестан представляет собой сложный многоэтнический, а вместе с тем один из наиболее социально

и экономически отсталых субъектов Российской Федерации, в котором массовая нищета сосуществует с богатством олигархов¹. В мировом масштабе сложно найти настолько неоднородное в национальном аспекте государственное формирование. Именно поэтому Дагестан иногда метафорично определяют как «Россию в миниатюре»². На относительно небольшой его территории проживает около ста национальностей, тридцать из них являются коренными народами, из которых четырнадцать были признаны титульными нациями. Двенадцать языков имеют статус государственного. При этом каждая из национальностей Дагестана имеет собственный стиль жизни, историю, культуру, мифы, легенды, национальную одежду, обычаи, религию и т.д.; собственные представления о природе необходимого общественного строя. В контексте национальной многогранности республики остается актуальным вопрос о сохранении ее территориальной интегральности как составной части Российской Федерации³. Неизменность унитарной формы государственного устройства Дагестана с одновременным сохранением самоидентификации его национальностей и этнических групп – это задание, определяющее рамки политического руководства Дагестана и обосновывающее его смысл в данной персональной конфигурации.

Дагестан оказался в числе тех субъектов Российской Федерации, в которых политические изменения происходили в последнюю очередь. Они выражались, в том числе, в потребности разработки и принятия собственной конституции, определяющей политическое устройство Дагестана как одной из республик Российской Федерации. Работы над новой конституцией были начаты с созданием 27 июля 1990 года конституционной комиссии Верховным Советом Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Во главе стал Председатель Верховного Совета – Магомедович

Магомедович Магомедов. В июле 1992 года данная комиссия завершила работу над проектом новой конституции, а 31 июля Верховный Совет республики одобрил основные принципы данного проекта и принял решение о созыве в ноябре 1992 года Съезда народов Дагестана. 14 ноября делегаты Съезда одобрили проект конституции и рекомендовали его к дальнейшим работам конституционной комиссии при Верховном Совете, с учетом выводов и замечаний Съезда народов Дагестана и результатов общенациональных общественных консультаций.

После вступления в силу Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года проект Конституции Дагестана был проанализирован в аспекте совместимости с федеральной конституцией, одобрен Верховным Советом и передан к принятию Конституционному Собранию Республики Дагестан, созданному на основании положений закона от 10 июня 1994 года о Конституционном Собрании Республики Дагестан⁴. 26 июля 1994 года Конституционное Собрание приняло Конституцию Республики Дагестан. Как республиканская конституция она должна быть совместима с правовыми положениями, предусмотренными федеральной конституцией. Тем не менее, в политической действительности 90-х годов XX века проявились серьезные тенденции ухода от федерализации российской политической системы, включая также и Дагестан. Центральная власть в умеренной степени вправе была оказывать влияние на происходящие там процессы построения политического режима, фактически отдельного по отношению к федеральному. Следовательно, форма разработанных механизмов принятия решений представляла собой главным образом выражение решений дагестанских политических элит, а не результат согласований, принятых на линии центральная – региональная власть, что характерно для федеральных государств.

В поиске эффективного политического руководства

Тем не менее, Дагестан как составная часть Российской Федерации не мог остаться полностью в стороне от принципов федеральной конституции, из которых главенствующей

¹ См.: Кисриев Э. Дагестан: причины конфликтов и факторы стабильности. URL : <http://podlise.ru/docs/index-24877095-1.html>

² См.: Алиханова С.А. Формирование партийно-политической системы Республики Дагестан в контексте общероссийского политического строительства (1991–2004 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 66.

³ См.: Алиева З.А. Система органов государственной власти Республики Дагестан на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 17.

⁴ В состав Конституционного Собрания вошли депутаты дагестанского парламента и представители местных общин, избираемые с учетом национального критерия.

является норма раздела власти. В результате – в Конституции Республики определена система власти на основании ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Ее положения также гласят о самостоятельности отдельных ветвей власти. Это означало, что ни одна из них не вправе вмешиваться в компетенции другой ветви власти⁵. Насколько само разделение власти не вызывало никаких возражений у депутатов, настолько проблематичным оказался вопрос выбора формы власти. Рассматривался вопрос о том, к какой из классических форм управления или их трансформаций следует обратиться, а также какие последствия для государственного устройства может вызвать адаптация принятого решения об устройстве государства в самом Дагестане.

Во время конституционных работ самые горячие споры касались системы власти и управления, раздела компетенций между парламентом и главой государства. Рассматривались также альтернативные решения, касающиеся главы государства: должен ли этот пост занимать президент⁶, или же это должен быть коллегиальный орган⁷? Немаловажен тот факт, что формирующий политическую идентификацию Дагестана мотив главы государства анализировался не только политическими элитами. В этом вопросе обратились также к мнению суверена. В отличие от многих других постсоветских субъектов, использование института референдума должно было быть не столько видом подтверждения выбора государственного устройства, осуществленного политическими элитами⁸, сколько фактически осуществляемым выбором, несмотря на то, какое решение примет народ Дагестана. Результаты проведенных по данному вопросу референдумов проиллюстрировали серьезные расхождения институциональных потребностей политических элит и суверена. Элиты вы-

ступили за единоличное руководство государством⁹. Данная позиция, однако, не имела поддержки у народа республики. 28 июня 1992 года на референдуме подавляющим большинством голосов (87,9 %) ¹⁰ был отклонен институт республиканского президента (избираемого на всеобщих выборах). Вследствие разочарования политических элит результатом референдума 12 декабря 1993 года – вместе с референдумом по вопросу принятия новой Конституции Российской Федерации – народ Дагестана снова голосовал относительно установления института президента (избираемого на всеобщих выборах) и снова отклонил его подавляющим большинством голосов. Перевесили опасения чрезмерной концентрации власти президентом и связанными с этим отклонениями в ее реализации, неспособностью уравнивания президентской власти компетенциями других органов государственной власти. Обращалось внимание на то, что сильной президентуре может сопутствовать консервация власти обособленной от общества номенклатуры. В данном вопросе важную роль играл опыт периода управления советским партийно-бюрократическим аппаратом, в котором доминировали представители одной или двух национальностей¹¹. Учитывались также мотивы в пользу коллегиального главы государства. Планировалось, что все члены проектируемого института будут иметь одинаковые компетенции и будут руководить им по очереди. Таким образом, каждая из четырнадцати титульных наций могла бы рассчитывать на то, что в будущем ее представитель будет представлять Дагестан, что стало бы ярким утверждением эффективного сотрудничества национальностей Дагестана. Будущее трансформировало это предположение¹². Оно показало, что характер политического руководства Дагестана не может абстрагироваться от политической культуры республики, равно как и региона,

⁵ См.: Лугуева Н.К. Институт исполнительной власти в субъекте Российской Федерации (на примере Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 84.

⁶ Более широко на тему: Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация органов государственной власти субъектов Российской Федерации (на материалах республик) : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 276.

⁷ Более широко на тему: Бекишиева С.Р. Теоретические проблемы правовой системы Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С. 107.

⁸ Ср. Залесны Я. Институционализация политического лидерства в постсоветских странах Центральной Азии // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5.

⁹ См.: Корзенников В.Н. Становление и развитие государственности северокавказских республик в 90-е годы XX века (на примере Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 82.

¹⁰ Данные согласно: Брюс Уэр Р., Кисриев Э. Согнуться, но не сломаться: нужен ли Дагестану институт президентства? URL : http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-04/07.warus.shtml

¹¹ См.: Садыки М.-А. М.-Г. Концепция новой политической самоидентификации Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 164.

¹² Ср.: Алиева З.А. Указ. соч. С. 41.

и Российской Федерации, предпочитающих единоличное, а не коллегиальное управление, а также основанное на олигархической практике использования хозяйственных ресурсов.

В процессе формирования системы власти была принята оригинальная концепция высшего органа республиканской исполнительной власти. Победила идея создания коллегиального высшего органа исполнительной власти, то есть Государственного Совета¹³. Он не имел соответствия ни на уровне федеральной власти, ни в остальных республиках, у руководства которыми стоял президент – соответственно, федеральный или республиканский. «Коллегиальные главы государств» данного типа были характерной чертой государственного устройства коммунистических государств. Но там они имели объяснение, отличное от Дагестана. Они следовали принципу коллегиальности государственной власти как фундаменту устройства коммунистического государства, являющейся противоположностью единоличных органов. В Дагестане в свою очередь отказ от института президента как руководителя государства и выбор коллегиального главы государства были следствием национальной разнородности населения и опасений риска привилегированной позиции одной из национальных групп ценой дестабилизации местных этнических отношений. Авторы конституции усматривали в этом опасность нарушения и так до сих пор хрупкого полиэтнического равновесия, являющегося необходимым условием сохранения внутреннего мира, стабильности и интегральности Дагестана.

Кроме устремления ключевых политических лиц республики к авторитарным тенденциям и управлению личности, препятствием стала национальная и культурная мозаика Да-

гестана, чувствительная к вынесению на пьедестал представителя одной из национальностей ценой подчиненной позиции других. Таким образом, можно говорить о процессе институционализации различий и этических антиномий на уровне механизмов принятий решений. Применение принципа этнического баланса, другими словами, паритета в участии во власти должно было служить сохранению этнических пропорций в процессе формирования персонального состава органов власти как подтверждения определенной парадигмы построения собственной самоидентификации государственного устройства¹⁴. Данная парадигма воспринималась как условие, выполнение которого должно было сделать возможным мирное сосуществование полиэтнического общества. Это обусловило принятие решения о создании коллегиального органа, сформированного из 14 членов, то есть количества, соответствующего числу титульных наций, с нормативно артикулируемой формулировкой, что каждая из 14 титульных наций должна быть представлена в Государственном Совете¹⁵. В то же время законодатель оговорил, что в состав Совета не может входить более одного представителя титульной нации. Персональная структура Государственного Совета должна символически представлять не только многонациональность Дагестана, но – что не менее важно – равное отношение ко всем титульным нациям¹⁶. Логика создания Государственного Совета является эмпирическим подтверждением тезиса, артикулируемого современным конституционализмом: в построении эффективных механизмов управления конституционные стандарты, универсальные для современных государств, должны сосуществовать с отечественными решениями, отвечающими локальным условиям и потребностям. Абстрагирование от последнего условия делает политическое устройство несоответственным местным вызовам и, в связи с этим, – не-

¹³ Главой государства автором конституции был признан «Председатель Государственного Совета», но в то же время, задания, соответственные для главы государства, доверил выполнять Государственному Совету. Именно поэтому в литературе по данному вопросу нет единого мнения относительно факта, выполнял ли функции главы государства Государственный Совет или их реализовал Председатель Государственного Совета. См., например: Магдилов М.М. Теоретико-правовые проблемы разделения властей в субъектах Российской Федерации (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 98–99 ; Хаджаров Р.Х. Становление и развитие конституционного строя в Республике Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 118 ; Курамагомедова М.М. Конституционно-правовое развитие Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 109.

¹⁴ Цуциев А. Дагестан: социально-политические процессы. URL : <http://kumukia.ru/?id=764>. С. 6.

¹⁵ См.: Кисриев Э.Ф. Почему Дагестан оказался стабильным, а Чечня – нет // Кавказский сборник. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Силаева. М., 2004. С. 238 ; Лугуева Н.К. Указ. соч. С. 105 ; Хайрулаев Х.Р. Республика Дагестан в системе федеративных отношений Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 115.

¹⁶ См.: Саидов А.А. Основные проблемы трансформирующейся политической системы Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 84.

функциональным, в частности в этнополитических и многоконфессиональных республиках. Конституционное устройство, далекое от местных общественных условий, становится политической фикцией, не находящей развития в реальной политической деятельности. Возникает опасность того, что фактические механизмы управления основаны на ценностях, отличных от требуемых конституцией, что будет доходить до разрушения нормативных рамок функционирования государства.

Конституционный характер Государственного Совета

Состав Государственного Совета (председателя и членов) не выбирало население Дагестана путем всеобщих выборов, он был избран Конституционным Собранием. Непрямая политическая легитимизация делала членов Государственного Совета фаворитами властных элит, а вместе с тем зависимыми лицами от политических разделов в данных элитах, вовлеченными в местные схемы интересов, служащие их защите. В состав Совета из правительства входил также его председатель.

Члены Государственного Совета также имели неприкосновенность. Они не могли быть привлечены к уголовной и административной ответственности, задержаны или арестованы без согласия Государственного Совета, за исключением взятия на месте преступления. Иммунитет отклонялся Государственным Советом по предложению прокурора Республики. Лица, входящие в состав Совета, имели материальный иммунитет. Не несли уголовной и административной ответственности за деятельность, осуществляемую на посту члена Государственного Совета.

Членов Государственного Совета обязывал принцип несовместимости. Они не могли одновременно быть депутатами парламента, членами правительства (за исключением председателя, который, согласно правовым нормам, выполнял функции вице-председателя Государственного Совета), судьями. Что касается запрета вхождения членам правительства в состав Государственного Совета, то он следовал из того факта, что Совет находился во главе исполнительной власти Дагестана, а члены правительства реализовали эту власть¹⁷.

Члены Государственного Совета не выполняли своих профессиональных обязанностей, не

получали также вознаграждение. Данная ситуация негативно отражалась на их отношениях с органами государственной власти и их представителями. Реализуясь профессионально на своем посту, члены Государственного Совета нередко оказывались в непосредственном или опосредованном подчинении по отношению к органам государственной власти и высокопоставленным чиновникам, относительно которых Госсовет формально находился в позиции руководства. В связи с этим они были на несовместимых ролях. С одной стороны, находились в позиции руководства относительно органов государственной власти и их высокопоставленных чиновников, с другой – были в отношении подчинения, что негативно воздействовало на способность к эффективной реализации членства в Государственном Совете. Данное положение вещей в общественном восприятии вызывало убежденность в том, что часть из членов Государственного Совета контролирует деятельность органов, в которых работает, что ставило на повестку дня вопрос об основательности и эффективности их деятельности, фактическую возможность реализации возложенных обязанностей и конституционных заданий и тем самым подтачивало общественное доверие к самому Государственному Совету. На время исполнения своих служебных обязанностей члены Государственного Совета приостанавливали членство в политических партиях и обществах, что должно было их укрепить относительно субъективных моментов и способствовать формированию позиций, отражающих пользу полиэтничному обществу. Однако в действительности относительно второстепенности политических разделов, вытесненных этническими и клановыми разделами, предметный запрет не имел большого значения.

В случае отстранения председателя Государственного Совета от должности, отставки, невозможности в дальнейшем занятия данного поста, равно как и в случае смерти, данную должность занимал председатель правительства, а если это было невозможно, – председатель Народного Собрания.

Государственный Совет находился на вершине исполнительной власти, вместе с тем обеспечивал взаимодействие органов государственной власти¹⁸. Доминирование Совета как органа, реализующего руководство над испол-

¹⁷ Ср.: Лугуева Н.К. Указ. соч. С. 111.

¹⁸ См.: Магдилов М.М. Указ. соч. С. 97.

нительной властью, было характерной чертой для региональных политических систем, также констатирующих доминанту исполнительной власти над другими органами государственной власти¹⁹. Подчинение Госсовету исполнительной власти вместе с заданием гарантии взаимодействия органов государственной власти вызывает вопросы, затрагивающие эффективность выполнения конституционных функций. Каким образом орган, находящийся во главе исполнительной власти, то есть орган в узком смысле исполнительной власти, может одновременно координировать деятельность органов государственной власти Дагестана, к которым относятся также органы исполнительной власти? Насколько он в состоянии разработать договорные решения, а насколько навязывать свою точку зрения другим участникам политических отношений? Данного типа позиция Государственного Совета относительно других органов государственной власти сделала проблематичным фактическое разделение власти на три ветви²⁰.

Государственный Совет был гарантом соблюдения конституционных положений, интегральности и неделимости территории Республики, законности, прав и свобод человека, соблюдения соглашений и договоров, заключенных от имени Республики. Вместе с Народным Собранием определял главные направления внутренней и внешней политики. Он был гарантом конституционного устройства Дагестана и соблюдения его законоположений²¹. Таким образом, Госсовет выполнял те функции, которые на федеральном уровне были возложены на президента.

В компетенции Государственного Совета входило назначение председателя правительства, который должен был получить вотум доверия парламента. В случае отклонения Народным Собранием предложенной кандидатуры, Госсовет в течение недели представлял ту же или другую кандидатуру. В случае очередного отклонения кандидатуры, процедура повторялась. В свою очередь, законодательством не предусмотрено, как поступать в ситуации, когда расхождения между Государственным

Советом и Народным Собранием будут считаться непреодолимыми. В случае сложностей с назначением главы правительства, его задания реализует действующий на тот момент кабинет. Он утрачивает компетенции только в момент формирования правительства в новом персональном составе.

По предложению председателя правительства Государственный Совет назначал членов правительства и осуществлял изменения в нем. Правительство – что нехарактерно для классических систем правительств – несло двойную политическую ответственность: как перед Государственным Советом, так и перед Народным Собранием. В компетенциях парламента находилось право принятия вотума недоверия правительству или отдельным министрам. Решение парламента могло быть одобрено Государственным Советом или отклонено. В последнем случае Народное Собрание могло в течение трех месяцев повторно выразить вотум недоверия правительству или министру. В то же время Государственный Совет обязательно оглашал отставку кабинета министров или его члена. Конституция Дагестана, в отличие от положений федеральной конституции, не предусматривала, чтобы в вышеуказанной ситуации могло дойти до роспуска парламента, что добавляло ему сил в споре с Кабинетом министров.

Срок полномочий был связан с каденцией Государственного Совета. Немаловажной для определения механизмов управления в Дагестане была предпосылка отставки Кабинета министров перед новоизбранным Государственным Советом. Это означало, что – за исключением ситуации отставки правительства – период правления был связан с каденцией Государственного Совета. Таким образом, из Кабинета был создан инструмент деятельности, подчиненный Госсовету и исполняющий его политическую волю. Отсюда также обновление персонального состава Госсовета имело последствия в виде персональных изменений в правительстве, чтобы не дошло до ситуации расхождения политики, программируемой Госсоветом, с реализованной Кабмином деятельностью.

По предложению председателя правительства Государственный Совет утверждал систему и структуру органов исполнительной власти, таким образом приводя в соответствие

¹⁹ См.: Халюзин В.А. Динамика политической жизни традиционного общества (на примере Северного Кавказа) : дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2011. С. 79.

²⁰ Ср.: Корзенников В.Н. Указ. соч. С. 139.

²¹ См.: Лугуева Н.К. Указ. соч. С. 105.

ее к своей программе действий. Данный факт раскрывает масштаб взаимной зависимости.

Помимо компетенций в сфере формирования правительства, Государственный Совет осуществлял кадровую политику. Назначал и отзывал руководящие кадры органов власти и администрации, включая глав местной администрации, председателя Фонда имущества Республики Дагестан, редакторов республиканских печатных изданий, председателя Государственного телерадиокомитета «Дагестан». Другие акты назначения и отзыва соответственно инициировал или утверждал, так, как, например, военного комиссара Республики Дагестан. Представлял в Народном Собрании кандидатуры судей Конституционного суда, председателя и судей Верховного суда, председателя и судей Высшего арбитражного суда, судей местных судов, главу Центрального банка, прокурора Республики Дагестан.

На территории Республики Дагестан или территориально ограниченной сфере Государственный Совет вводил чрезвычайное положение, о чем немедленно информировал парламент. Назначал референдум, выборы в Народное

Собрание. Располагал законотворческой инициативой. После консультаций с соответствующими комитетами Народного Собрания назначал и отзывал дипломатических представителей Республики. Следует подчеркнуть, что данная компетенция не была использована на практике.

На формально-правовом уровне Государственный Совет функционировал как коллегиальный орган. Де-факто его члены не имели существенного влияния на принятие ключевых политических решений. Вопреки принципам коллегиального политического руководства они были фигурантами²², которые не располагали фактической способностью влияния на состояние дел в Республике Дагестан. Функция принятия решений принадлежала председателю Государственного Совета²³. Он определял сферу осуществляемых дел и метод их решения. По его воле представители элит могли войти в состав Госсовета, равно как и утраить занимаемые в нем должности²⁴, что делало его фактически главой данного органа.

Окончание см.: Юридическая наука. 2015. № 2.

Библиографический список

1. Алиева, З.А. Система органов государственной власти Республики Дагестан на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
2. Алиханова, С.А. Формирование партийно-политической системы Республики Дагестан в контексте общероссийского политического строительства (1991–2004 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
3. Бекишиева, С.Р. Теоретические проблемы правовой системы Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2005.
4. Брюс Уэр, Р. Согнуться, но не сломаться: нужен ли Дагестану институт президентства? [Электронный ресурс] / Р. Брюс Уэр, Э. Кисриев. – Режим доступа : <http://www.ca-c.org/journal/2003/journalrus/cac-04/07.wareus.shtml>
5. Залесны, Я. Институционализация политического лидерства в постсоветских странах Центральной Азии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5.
6. Кисриев, Э. Дагестан: причины конфликтов и факторы стабильности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podelise.ru/docs/index-24877095-1.html>
7. Кисриев, Э.Ф. Почему Дагестан оказался стабильным, а Чечня – нет // Кавказский сборник / под ред. Н.Ю. Силаева. – Т. 1 – М., 2004.
8. Кокорхоева, Д.С. Политическая институционализация органов государственной власти субъектов Российской Федерации (на материалах республик) : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012.

²² См. Бекишиева С.Р. Указ. соч. С. 107.

²³ См.: Цуциев А. Указ. соч. С. 8.

²⁴ См.: Садыки М.-А. М.-Г. Указ. соч. С. 171.

9. Корзенников, В.Н. Становление и развитие государственности северокавказских республик в 90-е годы XX века (на примере Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007.
10. Курамагомедова, М.М. Конституционно-правовое развитие Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006.
11. Лугуева, Н.К. Институт исполнительной власти в субъекте Российской Федерации (на примере Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
12. Магдилов, М.М. Теоретико-правовые проблемы разделения властей в субъектах Российской Федерации (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2004.
13. Садыки, М.-А. М.-Г. Концепция новой политической самоидентификации Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
14. Саидов, А.А. Основные проблемы трансформирующейся политической системы Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2003.
15. Хаджаров, Р.Х. Становление и развитие конституционного строя в Республике Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2004.
16. Хайрулаев, Х.Р. Республика Дагестан в системе федеративных отношений Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
17. Халюзин, В.А. Динамика политической жизни традиционного общества (на примере Северного Кавказа) : дис. ... канд. юрид. наук. – Пятигорск, 2011.
18. Цуциев, А. Дагестан: социально-политические процессы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kumukia.ru/?id=764>

СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

МАРТЫШКИН Василий Николаевич

***Аннотация.** В статье исследуются судеустройственные проблемы расширения применения института присяжных заседателей. Вопросы реформирования суда присяжных заседателей рассматриваются в свете проведенной 19 февраля 2015 года Верховным Судом Российской Федерации совместно с Российским государственным университетом круглого стола на тему «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации».*

***Annotation.** The article examines the judiciary problems of broadening the use of the jury. The issues of the jury trial reforming are considered in the light of the round-table discussion held by the Supreme Court of the Russian Federation together with the Russian State University on February 19, 2015.*

***Ключевые слова:** суд присяжных, судебные заседатели, оправдательный вердикт, реформирование.*

***Key words:** jury trial, jurors, verdict of “not guilty”, reforming.*

Если не ограждена невиновность граждан, то не ограждена и свобода.

Ш. Монтескьё

Одним из критериев оценки государства как правового является состояние судебной системы и его важнейшего института – суда присяжных.

Споры о достоинствах и недостатках суда присяжных были всегда и будут впредь. Но иной, более совершенной, формы судопроизводства человечество не может придумать уже много веков.

19 февраля 2015 года Верховным Судом Российской Федерации совместно с Российским государственным университетом правосудия проводился круглый стол на тему «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации». Были рассмотрены вопросы совершенствования подходов в реализации положений ч. 5 ст. 32 Конституции РФ о праве граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия.

Актуальность дискуссии обусловлена поручением Президента РФ подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей.

В работе круглого стола приняли участие советники Президента РФ М.А. Федотов и В.Ф. Яковлев, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас, судьи Конституционного и Вер-

ховного Суда РФ, члены Совета по развитию гражданского общества и прав человека, представители Генеральной прокуратуры и Следственного комитета РФ, ученые ведущих юридических вузов страны, руководители и судьи ряда областных судов, СМИ. Круглый стол проводился в Российском государственном университете правосудия в г. Москве.

Во вступительном слове советник Президента РФ, академик РАЕН М.А. Федотов справедливо заметил: «Правовая система России ждет нового Михаила Михайловича Сперанского».

Выступления на круглом столе были предметны, дискуссии о суде присяжных – продуктивными. В них участвовали судьи республиканского, областного звена, за что организаторам этого форума отдельное спасибо. Впечатление от происшедшего так сильно, что имеет смысл уже спокойно осмыслить ряд правовых и нравственных аспектов деятельности института присяжных заседателей, 150-летний юбилей которого был бы невозможен без масштабной судебной реформы 1864 года.

По поводу этого действительно значимого для России события министр юстиции И.И. Щегловитов в 1904 году вспоминал: «Положение нашего уголовного правосудия до издания судебных Уставов императора Александра II бы-

ло поистине вопиющее. Судебная власть была судебною только по названию. Судьи были не более, как придаток администрации... Сам министр юстиции граф Панин при совершении рядной записи в пользу своей дочери для ускорения дела дал надлежащим судебным чинам взятку в сто рублей (по тем временам это была крупная сумма, так как в 1864 году на 3 рубля можно было купить корову)»¹.

Производство в суде с участием присяжных заседателей во все времена имело свои особенности и требовало профессиональной подготовки.

О своей работе в суде присяжных Анатолий Фёдорович Кони вспоминал: «Нельзя сравнивать работу судебного деятеля с работой должностных лиц других присутственных мест. Судья, следователь, прокурор, понимающие и выполняющие свой долг, редко имеют досуг. Они почти никогда не свободны от умственной работы, от изучения дел, от раздумья о завтрашнем решении, от тревожных воспоминаний и проверки себя по поводу вчерашнего приговора, от черной, хотя и важной работы. Все это связано с тяжелой внешней обстановкой, с отсутствием определенных часов для окончания занятий, длительность которых зависит от рода дел, с сидением с присяжными иногда по целому ряду недель. Ни в одной деятельности не приходится так часто тревожить свою совесть, то призывая ее в судьи, то требуя от нее указаний, то отыскивая в ней, в ней одной, поддержки и утешения среди негодования толпы или осызательного недовольства представителей власти»².

В России суд присяжных был упразднен после Октябрьской революции. Через 75 лет – 16 июля 1993 года – в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР» внесли изменения, и вновь в России был учрежден суд присяжных³.

Под судом с участием присяжных заседателей Уголовно-процессуальный кодекс РФ понимает рассмотрение уголовного дела федеральным судьей (областного звена) и коллегии из 12 присяжных заседателей. Воспользоваться правом на рассмотрение дела судом присяжных имеет обвиняемый, если его дело подсудно суду

с участием присяжных в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ. Среди этих деяний – особо тяжкие преступления против жизни, за совершение которых может быть назначено наказание в виде смертной казни. Институт присяжных заседателей в новой России действует более 12 лет. Эта форма судопроизводства нуждается ныне в реформировании. Обнаружилась проблема непредсказуемости формирования алгоритма правовых и нравственных механизмов ограничения усмотрения коллегией присяжных при вынесении вердикта. Юридическая неосведомленность присяжных в таких основных вопросах, как форма вины, соучастие в преступлении, необходимая оборона и крайняя необходимость, сложность самостоятельной оценки ими таких современных доказательств, как материалы оперативно-разыскной деятельности (ОРД), аудио- и видеозаписи, информация по мобильной связи, современные технические экспертизы и т.п., требующие глубокого знания материалов уголовного дела и профессиональных правовых навыков, – все это существенно затрудняет принятие присяжными решения либо приводит к ошибочному усмотрению.

Когда в Европе и в России вводился традиционный суд присяжных, доказательствами были преимущественно устные показания потерпевших, свидетелей и вещественные доказательства, поэтому присяжные могли без труда оценить их с общечеловеческой точки зрения, и этого было достаточно для вынесения вердикта.

В настоящее время довольно часто присяжные вынуждены выходить из совещательной комнаты (где они находятся без профессионального судьи и без материалов уголовного дела) для разъяснения им председательствующим по делу тех или иных вопросов, либо судья вынужден возвращать их в совещательную комнату ввиду неясности или противоречивости их вердикта, либо полностью распустить коллегию присяжных и запускать вновь весь дорогостоящий судебный механизм по формированию новой коллегии присяжных и заново проводить судебное следствие с участием присяжных.

Существуют нецелесообразность и ущербность, архаичность сохраняющегося только в Российской Федерации (из всех стран континентальной Европы) правила о раздельном разрешении вопросов *факта* (только коллегией присяжных) и *права* (профессиональным судьей)

¹ Щегловитов И.Г. К сорокалетию судебных Уставов 20 ноября 1864 г. // Вестник права. 1904. № 9. С. 2–3.

² Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 2003. Кн. 1. С. 341.

³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. №33. Ст. 1313.

и в связи с этим об отдельном от судьи обсуждении и принятии вердикта коллегией присяжных.

Предложенные на круглом столе 19 февраля 2015 года новации по реформированию суда присяжных сводятся к следующему (по областным, краевым, республиканским судам)⁴:

– исходить из действующей подсудности суда присяжных, указанной в п. 2 ч. 2 ст. 30 и п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, как статус-кво, более не расширять;

– вердикт коллегии присяжных должен обсуждаться и выноситься в совещательной комнате присяжными совместно с судьей (таков порядок во Франции, Германии, Италии), после чего судья на основании вердикта решает вопросы правового характера и выносит приговор по результатам обсуждения вердикта, в том же порядке, что и сейчас, не подлежащем обжалованию по фактическим обстоятельствам дела ввиду недопустимости оспаривания вердикта;

– в целях повышения оперативности отбора кандидатов в присяжные, устранения громоздкости, сложности и дороговизны процедуры отбора, обеспечения присяжных в областном центре на все время рассмотрения дела сократить их количество с 12 до 7 присяжных.

По районному суду предложения по реформированию судоустройства таковы:

– обвиняемым в тяжких и особо тяжких преступлениях, подсудных районному суду, предоставить право на рассмотрение дела судом в составе профессионального судьи и двух судебных заседателей (аналогия с народными заседателями в соответствии с УПК РСФСР, кроме отбора, который должен быть путем случайной выборки);

– альтернативно с этим правом предоставить обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений, подсудных районному суду, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей по процедуре, аналогичной той, что в областном суде – судья и 5 присяжных заседателей.

В совещательную комнату судья и присяжные заседатели уходят совместно, после вердикта присяжных судья единолично выносит приговор, основанный на вердикте присяжных заседателей.

Наличие у присяжных в областном суде семи голосов против одного (судьи), а в районном суде – пяти против одного исключает возможность принятия вердикта под воздействием судьи и иных лиц. Такая новация не противоречит и требованию ч. 5 ст. 32 Конституции РФ.

Оппоненты вышеизложенной судоустройственной модели оптимизации судебной юрисдикции, опасаясь увеличения доли оправдательных приговоров, приводили в ходе дискуссии за круглым столом следующие доводы: расширение института присяжных чрезмерно затратно для государства. Кроме того, в России ежегодно судьи с участием присяжных якобы необоснованно оправдывают «батальоны» обвиняемых.

Возражения весомые, давайте их рассмотрим с теоретических, и практических аспектов судебной практики.

Безусловно вывести единую формулу, представляющую с математической точностью алгоритм усмотрения коллегии присяжных, как впрочем и профессионального судьи, определить правовые и нравственные границы их усмотрения – означало бы открыть универсальный способ осуществления правосудия. Вместе с тем нельзя не согласиться, видимо, с Вольтером, который, отмечая возражения о возможном оправдании виновного, писал: «Если против ста тысяч вероятностей виновности обвиняемого имеется лишь одна вероятность его невиновности, то эта вероятность должна уравнивать все другие»⁵.

Расходы на суд присяжных не столь уж и обременительны: например, за последние три года в Республике Мордовия 192 присяжным всего выплачено за их труд 3 млн 218 тыс. рублей.

Адвокатам по назначению за этот же период (за участие в суде присяжных, а также апелляционной и кассационной инстанциях) выплачено вознаграждение в сумме 5 млн 578 тыс. рублей. Это конституционная гарантия: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ). Видимо, расходы на суд присяжных – это тот самый случай, когда

⁴ Программа круглого стола «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации» / Российский государственный университет правосудия. М., 2015. 19 февр.

⁵ Вольтер Ф.М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. М., 1956. С. 185.

«судебная система не должна быть бедной, иначе бедствие наступит в правосудии»⁶.

Судебная статистика опровергает и иные доводы оппонентов о «батальонах» необоснованно оправданных присяжными. Так, в Мордовии за последние 10 лет работы суда присяжных из 87 обвиняемых было оправдано 16 (приговоры вступили в законную силу). По Российской Федерации в среднем ежегодно суды с участием присяжных оправдывают не более 18–19 %. Причем 40 % из этих оправдательных приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных, отменяется вышестоящим судом. В 2014 году Верховным Судом РФ из 152 оправдательных приговоров отменено 89, причем 26 из них – из-за незаконного воздействия на присяжных заседателей. Это дополнительный аргумент в подтверждение того, что принятие вердикта присяжными в присутствии судьи исключило бы влияние извне.

Еще один аспект, который достаточно остро дискутировался на круглом столе. Он касался магической цифры 12 – количества присяжных, выносящих ныне вердикт о виновности либо невиновности подсудимого. Противники снижения количества присяжных в обоснование своих доводов указывали, что это отрицательно может сказаться на результатах принятия вердикта присяжными.

К сожалению, справедливость вердикта не зависит от магии цифр количества присяжных заседателей. Вспомним историю: в пятницу, 7 апреля 30 года нашей эры иудейский синедрион, состоящий из 71 члена верховного суда, за подтверждение своего мессианского достоинства, за право иметь свое суждение вынес обвинительный вердикт – смертный приговор

путем мученической смерти через распятие на кресте – в отношении самого великого человека, который когда-либо жил на земле⁷. И спустя две тысячи лет после этого события в мире нет однозначного ответа на вопрос: как это могло случиться?

Гарантией эффективной защиты личности от незаконного осуждения должна быть правовая компетентность судьи.

Проблемы, связанные с обеспечением права на оперативное, справедливое и публичное судебное разбирательство дела, обуславливают необходимость незамедлительного разрешения судеустройственных проблем оптимизации судебной юрисдикции и подготовки предложений о расширении применения института присяжных заседателей.

Инновационные подходы, заложенные в рамках Всероссийского круглого стола «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации», позволяет по крайней мере стабилизировать процесс правореализации, приступить к оперативному поиску конкретных ответов на актуальные проблемы, поднятые на данном форуме, что, безусловно, стимулирует процесс дальнейшей реорганизации судеустройства и судопроизводства.

И в этой кропотливой работе следует опираться на опыт одного из блестящих умов и реформаторов первой половины XIX века М.М. Сперанского (1772–1839). Он впервые привнес в русское общественное сознание идею о том, что «Законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластных. В государстве, где нет добрых исполнителей, конечно, не может быть просвещенных судей, внутренней изящности установлений. Народ рассуждает о вещах по внешнему их действию...»⁸.

Библиографический список

1. Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1313.
2. Вольтер, Ф.М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. – М., 1956.
3. Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. – Кн. 1. – М., 2003.
4. Медведев, Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Судья. – 2008. – № 12.
5. Программа круглого стола «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации» / Российский государственный университет правосудия. – М., 2015. 19 февр.
6. Самый великий человек, который когда-либо жил. – М., 1991.

⁶ Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Судья. 2008. № 12. С. 8.

⁷ Самый великий человек, который когда-либо жил. М., 1991. С. 119.

⁸ Сперанский М.М. О коренных законах государства. М., 2015. С. 166, 195.

-
7. Сперанский, М.М. О коренных законах государства. – М., 2015.
 8. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – М., 2011.
 9. Щегловитов, И.Г. К сорокалетию судебных Уставов 20 ноября 1864 г. // Вестник права. – 1904. – № 9.

ВИДЫ ЦЕЛЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

АГДЖАЕВ Эльмин Мамедович

Аннотация. В статье на основе материалов конкретных уголовных дел рассматриваются виды целей преступлений против правосудия. При этом автор акцентирует внимание на тех преступлениях гл. 31 УК РФ, которые наиболее распространены и составляют большую часть в структуре рассматриваемых преступлений. Автором показаны наиболее характерные цели применительно к отдельным составам преступлений.

Annotation. In the article on the basis of specific criminal cases addresses the purposes of crimes against justice. The author focuses on those crimes Chapter 31 of the criminal code, which are most common and constitute a large part in the structure of the considered crimes. The author shows the most typical purpose with respect to individual crimes.

Ключевые слова: преступление, правосудие, цель, заведомо ложный донос, дача ложных показаний, глава 31 УК РФ.

Key words: crime, justice, target, false accusation, perjury, Chapter 31 of the Criminal Code.

Выделению видов целей преступления посвящено достаточно исследований¹, однако специального применительно к преступлениям против правосудия не проводилось. Всякая человеческая деятельность является целенаправленной, следовательно, лицо, совершая любое преступление, преследует какую-либо цель. Поэтому для получения наиболее полной картины целенаправленности преступлений против правосудия нужно проанализировать цели наиболее часто совершаемых преступлений гл. 31 УК РФ.

В структуре преступлений против правосудия большую часть составляют заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), дача заведомо ложных показаний, заключения, перевода (ст. 307 УК РФ) и незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (ч. 1 ст. 312 УК РФ). Так, по официальным данным судебной статистики в 2010 – 2012 годах эти преступления составляли три четверти от общего количества преступлений против правосудия². С 2013 года к ним добавились

вновь введенные ст. 314 и 314.1 УК РФ, и их доля среди всех совершаемых против правосудия преступлений стала составлять четыре пятых³. Поэтому в первую очередь обратимся к исследованию целей перечисленных преступлений.

В ходе анализа материалов уголовных дел, а также приговоров, вынесенных судами различных регионов Российской Федерации по ч. 1–3 ст. 306 УК РФ удалось выявить следующие цели, характерные для совершения данного преступления:

1. Избежать ответственности за другое преступление или правонарушение. Самым распространенным случаем в этой группе преступлений является заведомо ложный донос об угоне автомобиля после совершения административного правонарушения или преступления на этом автомобиле. Так, К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, управляя автомобилем, совершил дорожно-транспортное происшествие и покинул его место, тем самым совершил административные правонарушения. К. знал, что за совершенные им административные правонарушения предусмотрена административная ответственность и желал избежать ее, поэтому совершил заведомо ложный донос о том, что неизвестное лицо похитило

¹ См.: Гейн А.К. Цель как криминообразующий признак : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 6 ; Ивченко О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9–10 ; Максимов С.В. Цель в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 10 ; Смирнов В.А. Уголовно-правовая характеристика целей убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 7 и др.

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России.

принадлежавший ему автомобиль⁴. В аналогичном деле Н., желая избежать предусмотренной законом ответственности за совершенное дорожно-транспортное происшествие, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, умышленно подал заявление о якобы совершенном преступлении – краже автомобиля⁵.

Следует отметить, что наличие вышеуказанной цели не обязательно связано с тем, чтобы самому виновному избежать ответственности за преступление или правонарушение. В отдельных случаях виновное лицо (собственник автомобиля) помогает другому (находившемуся за рулем) избежать ответственности. Так, Ж. «с целью сокрытия совершенного иным лицом на его автомобиле дорожно-транспортного происшествия, будучи предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 306 ч. 1 УК РФ за заведомо ложный донос о преступлении, умышленно обратился с заведомо ложным письменным заявлением о том, что... неизвестное лицо совершило угон принадлежащего ему автомобиля»⁶.

2. Отомстить за правомерные действия другого лица (как правило, сотрудника правоохранительного органа). Так, П., желая отомстить сотрудникам полиции П. и К. за их законные действия по привлечению его к административной ответственности и водворению в камеру для административно-задержанных, сообщил заведомо ложные сведения о совершении в отношении него указанными выше сотрудниками полиции преступления, а именно заявил, что сотрудники полиции избили его в отделе полиции⁷. По другому делу Н., желая отомстить полицейскому за совершенные им правомерные действия по пресечению противоправного поведения Н., совершил заведомо ложный донос в отношении полицейского о том, что последний якобы причинил телесные повреждения Н.⁸.

3. Отомстить лицу, с которым находится в неприязненных отношениях по причине ссо-

ры или по иным причинам (часто в отношении сожителей, иных близко знакомых лиц). Наверно даже не отомстить, а причинить вред лицу, к которому испытывает неприязненные чувства. Например, У., обидевшись на своего сожителя, желая причинить ему неприятности (вред), совершила заведомо ложный донос о якобы его незаконном проникновении в ее квартиру⁹.

4. Скрыть факты, которые хоть и являются правомерными, но лицо совершает правонарушение из боязни порицания со стороны близких. Так, Б., продав свой сотовый телефон, боялся сообщить об этом матери, поэтому решил совершить заведомо ложный донос о совершении у него кражи телефона¹⁰. В другом случае, Н. с целью предотвратить возможные негативные последствия в отношении себя со стороны сестры за то, что она продала сотовый телефон, а вырученные деньги потратила на спиртное и получила от неустановленного лица телесные повреждения, совершила заведомо ложный донос о якобы совершенном в отношении нее преступлении – разбое¹¹.

5. Корыстная цель. Следует отметить, что эта цель встречается достаточно редко. Например, С., зная, что ее автомобиль передан в пользование другому лицу с последующим оформлением купли-продажи в рассрочку и не получив от покупателя в оговоренные сроки деньги, решила вернуть автомобиль, сообщив в правоохранительные органы о его угоне неизвестными лицами¹². Следует отметить, что далеко не всегда из приговора и иных материалов уголовного дела можно выявить истинную цель совершения преступления. Иногда суды указывают, что преступление совершено «с целью введения в заблуждение сотрудников» правоохранительных органов¹³. Такой подход представляется не совсем верным, поскольку указанная цель фактически соответ-

⁴ Уголовное дело № 1-138/2013 // Архив Московского районного суда г. Рязани.

⁵ Уголовное дело № 1-990/2014 // Архив Люблинского районного суда г. Москвы.

⁶ Уголовное дело № 1-9/2015 // Архив Виноградовского районного суда Архангельской области.

⁷ См.: Уголовное дело № 1-45/2013 // Архив Виноградовского районного суда Архангельской области.

⁸ См.: Уголовное дело № 1-48/2012 // Архив Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области.

⁹ См.: Уголовное дело № 1-173/2013 // Архив Касимовского районного суда Рязанской области.

¹⁰ См.: Уголовное дело № 1-78/11 // Архив Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области.

¹¹ См.: Уголовное дело № 1-327/2011 // Архив Рославльского городского суда Смоленской области.

¹² См.: Уголовное дело № 1-68/2015 // Архив Энгельского районного суда Саратовской области.

¹³ См., например: Уголовное дело № 1-261/12 // Архив Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики; Уголовное дело № 1-155/13 // Архив Луховицкого районного суда Московской области; Уголовное дело № 1-336/11 // Архив Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области; и др.

вует понятию «ложное». В данном случае можно говорить о том, что всегда при совершении заведомо ложного доноса имеется цель этого деяния – ввести в заблуждение сотрудников правоохранительных органов.

При этом суд, указывая на цель заведомо ложного доноса – ввести в заблуждение сотрудника правоохранительного органа, – не устанавливает действительную конечную цель преступления. Так, по уголовному делу в отношении О. суд ограничился констатацией вышеуказанной цели, в то время как из других материалов дела (показаний подсудимого, свидетелей) следовало, что он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, поссорился с Р., потерял свой телефон и, желая причинить неприятности Р., совершил заведомо ложный донос о хищении Р. у него сотового телефона¹⁴.

Следует отметить, что некоторые авторы отмечают, что цель может выступать элементом, объединяющим несколько преступлений и, тем самым обуславливающим совершение лицами совокупности преступлений¹⁵. Следовательно, цели преступления можно классифицировать на те, которые обуславливают совершение нескольких преступлений, и те, которые направлены на совершение одного преступления.

Применительно к следующему составу преступления (ст. 307 УК РФ) в ходе анализа материалов уголовных дел были получены следующие данные о целях таких преступлений:

1. Помочь избежать уголовной ответственности либо смягчить ее. Так, С., желая помочь другу избежать уголовной ответственности, дал заведомо ложные показания, обеспечив привлекаемому к уголовной ответственности другу алиби¹⁶. Аналогичная цель характерна для большинства преступлений, предусмотренных данной статьей¹⁷. Причем часто ука-

занную цель преследуют лица, являющиеся свидетелями по уголовному делу, однако бывает, что данной целью руководствуются и потерпевшие, желая помочь подсудимым избежать уголовной ответственности¹⁸.

2. Привлечь кого-либо к уголовной ответственности, отомстить, причинить вред на почве неприязненных отношений. Так, У., являясь сотрудником органа внутренних дел, из личной неприязни к своему коллеге дал заведомо ложные показания в качестве свидетеля о том, что его коллега М. совершил превышение должностных полномочий в отношении административно задержанного¹⁹.

Иных целей совершения преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, выявить не удалось.

Применительно к ч. 1 ст. 312 УК РФ в ходе анализа уголовных дел удалось выявить следующее. Целью данного преступления всегда выступает получение материальной выгоды (уменьшение расходов) или иная корыстная цель. Так, Л., являясь ответственным хранителем арестованного в рамках исполнительного производства имущества – мобильного телефона, продал его с целью получения материальной выгоды²⁰. Кроме того, указанная цель может заключаться не столько в приобретении материальных средств, сколько в уменьшении материальных потерь. Так, Р., являясь должником по исполнительному производству, в рамках которого был наложен арест на ее автомобиль, продала данный автомобиль, а деньги потратила по своему усмотрению²¹. По данному делу Р. продала автомобиль по заниженной цене, но все равно осталась в выгоде, поскольку в противном случае автомобиль подлежал реализации в рамках исполнительного производства.

Обращаясь к составам преступлений, предусмотренным в ст. 314 и 314.1 УК РФ, отметим, что обязательным признаком субъективной стороны данных преступлений является цель –

¹⁴ См.: Уголовное дело № 1-336/11 // Архив Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области.

¹⁵ См.: Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Рязань, 2013. С. 28–29.

¹⁶ См.: Уголовное дело № 1-57-2010 // Архив Московского районного суда г. Рязани.

¹⁷ См., например: Уголовное дело № 1-120/2014 // Архив Сасовского районного суда Рязанской области; Уголовное дело № 1-147/2010 // Архив Долинского городского суда Сахалинской области; Уголовное дело № 1-344/ 2009 // Архив Промышленного районного суда г. Смоленска; Уголовное дело № 1-76/2014 // Архив Лыткаринского районного суда Московской области; Уголовное дело № 1-202/2014 // Архив Северобайкальского городского суда Республики Бурятия и др.

¹⁸ См.: Уголовное дело № 1-572/2014 // Архив Ленинского районного суда г. Красноярска.

¹⁹ См.: Уголовное дело № 1-696/2014 // Архив Курганского городского суда Курганской области.

²⁰ См.: Уголовное дело № 1-10/2014-3 // Архив мирового судьи судебного участка № 3 Северодвинского судебного района Архангельской области.

²¹ См.: Уголовное дело № 1-42/2014 // Архив мирового судьи судебного участка № 80 судебного района г. Сызрани Самарской области

уклонение от отбывания наказания или административного надзора. Анализ материалов уголовных дел показывает, что судами в приговорах обязательно устанавливаются указанные цели. Однако это лишь цель преступного деяния, но не конечная цель преступления и тем более не конечная цель поведения лица. Уклонение выступает необходимым условием на пути к реализации иной, более значимой, но тесно связанной с уклонением цели достижения свободы выбора собственного поведения. Например, целью таких преступлений может быть проживание отдельно от родственников, с которыми находятся в сложных взаимоотношениях²², либо, наоборот, проживание совместно с родственниками²³, а также проведение времени вместе со знакомыми и распитие

спиртных напитков²⁴, либо для достижения иных личных целей²⁵.

Анализ совершаемых против правосудия преступлений показывает, что их цели часто напрямую связаны с самим правосудием (цель избежать уголовной ответственности). В качестве таковых нередко выступают цель мести и корыстная цель. Вместе с тем нельзя обобщать цели всех преступлений против правосудия, поскольку, как показало исследование, их разновидности существенно разнятся в зависимости от конкретного состава преступления. Изучение целей конкретных преступлений необходимо для справедливой оценки судом содеянного виновным, а также для выработки мер профилактики и предупреждения совершения таких преступлений.

Библиографический список

1. Гейн, А.К. Цель как криминообразующий признак : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2010.
2. Ивченко, О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
3. Ларина, Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты. – Рязань, 2013.
4. Максимов, С.В. Цель в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002.
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>
6. Смирнов, В.А. Уголовно-правовая характеристика целей убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2012.
7. Уголовное дело № 1-10/2014-3 // Архив мирового судьи судебного участка № 3 Северодвинского судебного района Архангельской области.
8. Уголовное дело № 1-120/2014 // Архив Сасовского районного суда Рязанской области.
9. Уголовное дело № 1-138/2013 // Архив Московского районного суда г. Рязани.
10. Уголовное дело № 1-139/2012 // Архив Мостовского районного суда Краснодарского края.
11. Уголовное дело № 1-147/2010 // Архив Долинского городского суда Сахалинской области.
12. Уголовное дело № 1-155/13 // Архив Луховицкого районного суда Московской области.
13. Уголовное дело № 1-173/2013 // Архив Касимовского районного суда Рязанской области.
14. Уголовное дело № 1-184/2014 // Архив Кировского районного суда г. Астрахани.
15. Уголовное дело № 1-19/2012 // Архив Ершовского районного суда Саратовской области.
16. Уголовное дело № 1-202/2014 // Архив Северобайкальского городского суда Республики Бурятия.

²² См.: Уголовное дело № 1-139/2012 // Архив Мостовского районного суда Краснодарского края.

²³ См.: Уголовное дело № 1-184/2014 // Архив Кировского районного суда г. Астрахани

²⁴ См.: Уголовное дело № 1-19/2012 // Архив Ершовского районного суда Саратовской области; Уголовное дело № 1-223/2014 // Архив Тамбовского районного суда Тамбовской области.

²⁵ См., например: Уголовное дело № №1-67/2013 // Архив Спасского районного суда Рязанской области; Уголовное дело № 1-579/2012 // Архив Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга; и др.

17. Уголовное дело № 1-223/2014 // Архив Тамбовского районного суда Тамбовской области.
18. Уголовное дело № 1-261/12 // Архив Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики.
19. Уголовное дело № 1-327/2011 // Архив Рославльского городского суда Смоленской области.
20. Уголовное дело № 1-336/11 // Архив Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области.
21. Уголовное дело № 1-344/2009 // Архив Промышленного районного суда г. Смоленска.
22. Уголовное дело № 1-42/2014 // Архив мирового судьи судебного участка № 80 судебного района г. Сызрани Самарской области
23. Уголовное дело № 1-45/2013 // Архив Виноградовского районного суда Архангельской области.
24. Уголовное дело № 1-48/2012 // Архив Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области.
25. Уголовное дело № 1-572/2014 // Архив Ленинского районного суда г. Красноярска.
26. Уголовное дело № 1-57-2010 // Архив Московского районного суда г. Рязани.
27. Уголовное дело № 1-579/2012 // Архив Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга.
28. Уголовное дело № 1-68/2015 // Архив Энгельсского районного суда Саратовской области.
29. Уголовное дело № 1-696/2014 // Архив Курганского городского суда Курганской области.
30. Уголовное дело № 1-76/2014 // Архив Лыткаринского районного суда Московской области.
31. Уголовное дело № 1-78/11 // Архив Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области.
32. Уголовное дело № 1-9/2015 // Архив Виноградовского районного суда Архангельской области.
33. Уголовное дело № 1-990/2014 // Архив Люблинского районного суда г. Москвы.
34. Уголовное дело № №1-67/2013 // Архив Спасского районного суда Рязанской области.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

АЛЫМОВА Анастасия Дмитриевна

Аннотация. В статье рассматриваются разнообразные подходы ученых к толкованию легальных признаков организованной группы, которые вытекают из ч. 3 ст. 35 УК РФ, и определяются наиболее целесообразные из них. Автором выявляются пробелы в признаках организованной группы, указанных в законе, и формулируются обоснованные предложения по изменению подхода к конструированию ст. 35 УК РФ и содержанию понятия организованной группой.

Annotation. The article discusses a variety of approaches of scientists to the interpretation of the legal characteristics of an organized group, which are derived from part 3 of the article 35 of the criminal code and identifies the most appropriate one. The author identifies gaps in the characteristics of the organized group, and formulates proposals for changing the approach to the design of Art. 35 of the criminal code and the content of the concept of an organized group.

Ключевые слова: организованная группа, объединение, устойчивость, цель создания группы, признаки организованной группы.

Key words: organized group, association, sustainability, the goal of a group, signs of an organized group.

Институт соучастия в преступлении – один из немногих, который с момента вступления в силу УК РФ 1996 года претерпел минимум изменений. Вместе с тем, на протяжении всего периода действия УК РФ многие нормы этого института активно критикуются учеными.

По утверждению некоторых авторов, одним из самых сложных в институте соучастия является понятие организованной группы (далее – ОГ), «основной проблемой применения данной нормы является отсутствие четких критериев разграничения с иными формами соучастия и наличие оценочных понятий, таких как, например, «устойчивость»¹. Это подтверждается опросами практических работников (следователей СУ УВД и СК), около 50 % которых разграничение между формами соучастия в действующем уголовном законе считают недостаточно четким, способствующим возникновению трудностей при квалификации групповых деяний². По утверждению других авторов, из представленных в ст. 35 УК РФ

дефиниций «разновидностей преступных образований, не ясно, являются они формами или видами соучастия в преступлении, поскольку сам законодатель не только не раскрывает понятия, но и не дает определения группы лиц как родового понятия»³. Несмотря на это, согласно мнению большинства ученых в указанной статье закона регламентированы именно формы соучастия в преступлении.

Легального определения ОГ в российском уголовном законе действительно нет, но как таковое оно вытекает из ч. 3 ст. 35 УК РФ, из которой следует, что ОГ является устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В доктрине уголовного права она определяется как «преступная группа заранее объединившихся лиц, характеризующаяся глубоким планированием всей деятельности соучастников, жестким распределением ролей, отсутствием единства места и времени совершения преступления соучастниками, выбором необходимого оптимального количества соучастников, которые определяют высокую

¹ Капитонова О.С. Понятие организованной группы в постановлениях Верховного Суда РФ // Апробация. 2014. № 8. С. 88.

² См.: Гавронов А.А., Антошкина А.В. О признаках организованной группы (теория и практика) // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сб. материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Малько. Рязань, 2013. С. 358.

³ Балеев С.А., Коновалова И.Ю. Ответственность за необходимое соучастие по УК РФ // Российский следователь. 2007. № 5. С. 15.

степень сорганизованности соучастников»⁴. Нетрудно заметить, что эти определения существенно различаются.

Серьезное внимание специалистами уделяется признакам ОГ. Так, Н.Ф. Кузнецова указывала на такие необходимые признаки ОГ, как: «устойчивость; объединенность с целью совершения одного или нескольких преступлений»⁵. Их же, но в другой последовательности приводит А.Н. Мондохонов⁶. Н. Водько называет устойчивость и объединение заранее ее участников общей целью совершения любых преступлений⁷. А. Арутюнов характерными для ОГ указывает группу «лиц (два или более лица в понимании ст. 19 УК); устойчивость этой группы; объединение лиц заранее для совершения одного или нескольких преступлений»⁸.

Перечисленные признаки вытекают из ч. 3 ст. 35 УК РФ, поэтому их следует признать минимально необходимыми для признания группы лиц организованной. Вместе с тем, в специальной литературе приводится много позиций, в которых представлен более широкий и разнообразный круг признаков ОГ. Например, указываются совместность действий участников в преступлении; умышленный характер их деятельности; организованность; возникновение умысла на совершение преступлений до приготовления к их совершению; иерархия группы; общая денежно-материальная база; выполнение преступления каждым отдельным участником; наличие предварительного сговора на осуществление деятельности группой; особенности психического отношения соучастников к содеянному (осознание вхождения в устойчивую группу, участия в выполнении взаимно согласованных действий, осуществления совместно с другими единого деяния при распределении ролей по

заранее обусловленному плану)⁹. Около десятка признаков ОГ указывает В. Быков, но при этом подчеркивает, что только «устойчивость личного состава группы и постоянное совершение преступлений как цель объединения группы являются ее обязательными признаками, а все другие факультативными»¹⁰. Практики (следователи СУ УВД и СК) в качестве основных факторов, свидетельствующих о деятельности ОГ, в первую очередь выделяют: «1) тщательное планирование совершаемых преступлений, распределение функций между членами группы; 2) наличие лидера, стоящего во главе группы и вносящего в ее деятельность организационное начало; 3) наличие продуманных схем сокрытия преступлений и легализации добытого преступным путем имущества и денежных средств»¹¹. Приведенные признаки ОГ позволяют констатировать, что авторы всего лишь пытаются раскрыть и конкретизировать суть легальных признаков, в силу чего называют различные второстепенные, наличие или отсутствие которых не является квалификационным основанием признания группы лиц организованной.

Возвращаясь к легальным признакам ОГ, стоит признать, что единого подхода к их пониманию и толкованию в доктрине не выработано. Вместе с тем, справедливо утверждение Р. Галиакбарова о том, что «прежде всего, надо установить наличие признаков группового преступления, а лишь после этого определять показатели организованности группы»¹².

Для признания нескольких лиц группой в уголовно-правовом смысле имеют значение их возраст и вменяемость. Иными словами, это должны быть два или более лиц, которые могут подлежать уголовной ответственности.

В самом широком понимании «группа» — это любое количество лиц, в том числе и два.

⁴ Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 280.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М., 1997. С. 76.

⁶ См.: Мондохонов А.Н. К вопросу о понятии организованной группы в уголовном законодательстве России // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2. С. 96.

⁷ См.: Водько Н. Уголовный кодекс о борьбе с организованной преступностью // Российская юстиция. 1997. № 4. С. 15.

⁸ Арутюнов А. Организованные группы и преступные сообщества: вопросы квалификации // Законодательство и экономика. 2002. № 9. С. 58.

⁹ См.: Черный А.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) по законодательству России, Беларуси и Украины: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 15; Бессонов А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного организованной группой // Уголовное право. 2005. № 5. С. 10; Галиакбаров Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 47–48 и др.

¹⁰ См.: Быков В. Виды преступных групп // Российская юстиция. 1997. № 12. С. 19–20; Он же. Признаки организованной преступной группы // Законность. 1998. № 9. С. 6–7; Он же. Виды преступных групп // Уголовное право. 2005. № 1. С. 20–21.

¹¹ Гавронов А.А., Антошкина А.В. Указ. соч. С. 360.

¹² Галиакбаров Р. Указ. соч. С. 47.

Вместе с тем, судебная практика свидетельствует о том, что, как правило, для ОГ характерно большее число участников, чем двое лиц, чаще это три-четыре лица¹³. Поэтому, полагаем, что минимум двух лиц, участников ОГ, следует иметь в виду в качестве ее постоянных членов.

Другим признаком ОГ является устойчивость группы. Как уже отмечалось, именно этот признак ОГ вызывает наибольшие затруднения в понимании и применении. В этом аспекте А.С. Королев подчеркивает, что «в каждом конкретном случае суд в своих решениях не только самостоятельно определяет степень устойчивости группы, ее составляющие, но приравнивает к понятию устойчивости иные признаки, присущие групповым преступлениям, вынося их за ее рамки. Способствуют таким судебным определениям и разнополярные решения Пленума ВС РФ, в которых отсутствует единый подход к понятию как самой организованной группы, так и к ее устойчивости»¹⁴. О.С. Капитонова, также критикуя толкования ОГ Верховным Судом РФ, указывает, что в его постановлениях «уголовно-правовые понятия подменяются криминологическими, в связи с чем отсутствует единообразное понимание норм уголовного закона»¹⁵. Действительно, Верховный Суд РФ указывает, что устойчивость определяется такими признаками, «как стабильность... состава, тесная взаимосвязь между... членами, согласованность... действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность... существования и количество совершенных преступлений»¹⁶, ей присущи «большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений <...> техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления»¹⁷ и т.п. Из таких

толкований следует, что свидетельством устойчивости ОГ всегда выступает несколько факторов, ни один из которых не обладает значением абсолютного критерия. Кроме того, уголовно-правовые понятия в таких толкованиях и в самом деле подменяются криминологическими (например, ссылка на характер связей между участниками группы) или называются несущественные признаки (количество совершенных деяний, однообразность форм и методов деяния). Также в разных постановлениях указываются различные признаки устойчивости ОГ.

Позиции ученых по вопросу устойчивости также различны и нередко противоречивы. Так, Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов характеризуют ее длительностью и стойкостью преступной связи между участниками, наличием организатора или руководителя группы¹⁸. П.В. Тепляшин указывает на стабильность состава ОГ, наличие руководителя (организатора) и постоянных связей между ее членами, специфическое, индивидуальное постоянство форм и методов преступной деятельности¹⁹. Ю.Н. Прохоров и А.В. Шеслер ее раскрывают через «стойкость преступных устремлений участников группы, твердое намерение постоянно или временно заниматься преступной деятельностью»²⁰. Н.Г. Кадников отмечает, что она проявляется в длительности ее существования, объединении участников группы заранее для совершения одного или нескольких преступлений²¹. Другие авторы к показателям ОГ относят «стабильность, постоянство состава <...> группы»²² и даже «способность системы, находящейся под действием сил в равновесии, после незначительного отклонения возвращаться в положение равновесия»²³.

¹³ См.: например: Уголовное дело № 2-5/2013 (2-22/2012) // Архив Рязанского областного суда; Уголовное дело № 1-48/2014 // Архив Октябрьского районного суда г. Рязани.

¹⁴ Королев А.С. Понятие устойчивости как основного признака организованной группы, предложения по совершенствованию законодательства // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 5. С. 227.

¹⁵ Капитонова О.С. Указ. соч. С. 89.

¹⁶ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. С. 2.

¹⁷ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

¹⁸ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. М., 1997. С. 9.

¹⁹ См.: Тепляшин П.В. Устойчивость и сплоченность как признаки организованной группы и преступного сообщества: уголовно-правовой аспект // Следователь. 2000. № 2. С. 11–12.

²⁰ Прохоров Ю.Н., Шеслер А.В. Организованная группа как форма соучастия в преступлении // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сб. ст. Томск, 1998. Ч. 3. С. 14.

²¹ См.: Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика : учеб. пособие. М., 2003. С. 44.

²² См.: Новикова Ю.В. Расследование краж, совершенных группой лиц : науч.-метод. пособие. М. : Юрлитинформ, 2005. С. 29.

²³ Нестерова С.С. О квалифицирующих признаках преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ // Адвокат. 2003. № 10. С. 37.

Е.А. Гришко констатирует, что все точки зрения по вопросу устойчивости «в своей основе имеют сходство и отличаются в основном уровнем обобщенности и их количеством». По нашему мнению, в субъективном понимании устойчивость группы означает стойкость преступных устремлений ее участников, твердое намерение постоянно или временно заниматься преступной деятельностью. Устойчивый характер преступных устремлений членов группы определяется также сформированной психологической структурой группы, где каждый участник осознает присутствие лидера и необходимость подчинения ему. Воля каждого участника направлена на достижение задач различного рода (на психологическое единство, «круговую поруку», укрывательство), но в целом на осуществление преступной деятельности.

Итак, устойчивость группы представляет собой оценочный, собирательный признак. Его объем и содержание раскрываются посредством субъективно-объективных признаков криминологического характера, которые выступают существенными компонентами устойчивости, но прежде всего ее предопределяют более или менее продолжительная преступная деятельность и ее особенности. Поэтому прав Р. Галиакбаров, который указывает, что перед правоприменительной практикой стоит задача поиска формализованного критерия для толкования этого показателя ОГ, поскольку для всех групповых проявлений, кроме ОГ, они уже найдены. В группе по предварительному сговору – это наличие соисполнителей. В ПС – сплоченность ОГ и создание для совершения тяжких или особо тяжких преступлений²⁴. Мы полагаем, что критерием признания группы устойчивой может служить связанность ее членов общей преступной целью, то есть единство ее ядра, которое, формируя межличностные отношения внутри группы, становится значимым именно для совместной преступной деятельности. В этом смысле принципы, модели поведения, принятые в ОГ, становятся личными поведенческими моделями ее членов, постоянно находящихся в ее составе.

В группе лиц объединяют общие интересы, ценности, цели, которые могут быть достигнуты только совместной деятельностью.

«Основное качество преступных групп, виды которых закреплены в ст. 35, – их криминальная направленность: они создаются для совершения одного или нескольких преступлений»²⁵. Поэтому особую роль в объединении лиц в ОГ играет цель – совершение одного или нескольких преступлений, что является третьим обязательным признаком ОГ. При этом дискуссионным является вопрос о характере и видах преступлений, для совершения которых создана ОГ. Л.Д. Гаухман утверждает, что совершение грабежа и разбоя ОГ можно вменять только в том случае, если она была образована для совершения грабежей или разбоев либо ее участники допускали возможность их совершения. Для инкриминирования мошенничеств и вымогательств, совершенных ОГ, кроме допущения их совершения членами ОГ, он также необходимой указывает осведомленность членов ОГ об их совершении²⁶. Еще более жесткую позицию занимают А.Н. Павлухин и И.Ф. Перов. Они заявляют, что признавать группу ОГ следует только в случае ее соблюдения определенной специализации своей преступной деятельности. Если группа совершает деяние, не соотносящееся с ее специализацией, то оценка совершенного ОГ невозможна, поскольку данная ОГ «по своей сущности другого рода, иной направленности, а ранее совершенные ею преступления не отражают даже в общих чертах ни признаков <...> ни специализации»²⁷. Из таких суждений следует, что ОГ должна создаваться для совершения преступлений лишь определенного вида. Значит, если ОГ была создана для вымогательства, но совершила убийство, которое при ее создании даже не предполагалось, совершение убийства ОГ вменять нельзя. Правильность подобных подходов сомнительна, поскольку их авторы необоснованно сужают понятие «ОГ». Невозможно отрицать, что в криминальной деятельности ОГ может «переквалифицироваться» или расширить ее рамки. Она может создаваться для

²⁴ См.: Галиакбаров Р. Указ. соч. С. 48.

²⁵ Рыжов Р.С., Копнин И.С. Преступная группа лиц как конструктивный признак состава преступления // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 126.

²⁶ См.: Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 383, 402, 413, 432.

²⁷ Павлухин А.Н., Перов И.Ф. Ответственность за групповое вымогательство по действующему уголовному законодательству // Проблемы уголовной ответственности и наказания: сб. науч. тр. Рязань, 2000. С. 101.

грабежей, а со вступлением в нее лица, промышленявшего разбоями, совершить и разбой, или вообще новое для ОГ преступление.

Иную позицию занимает Ф.Ю. Сафин. Он считает, что для признания группы организованной не имеет значения, для совершения какого преступления она создавалась, так как главное, чтобы она обладала совокупностью признаков, характеризующих ее как организованную²⁸. Данное мнение разделяет Т.В. Досюкова²⁹. То же высказывает Р.В. Локк, который отмечает тенденцию «создания многопрофильных преступных групп, занимающихся различными видами деятельности: от вымогательства и похищения людей до убийств, совершаемых по найму». В подтверждение он приводит пример ОГ, которая начала свою деятельность с рэкета, а с ростом спроса на исполнение заказных убийств стала «подрабатывать» исполнением таких заказов³⁰. Присоединяясь к рассмотренным позициям, отметим, что если бы законодатель считал иначе, то он должен был указать на это в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Например, оговорить, что ОГ создается для совершения преступлений определенного вида.

Само объединение лиц в группу обусловлено предварительной договоренностью о совершении одного или нескольких преступлений. «Предварительное объединение – один из важнейших признаков группы. ...означает, что на основе договоренности между ними возникает некая целостная структура, единое, сплоченное образование. Объединение нескольких лиц в организованную группу достигается до момента непосредственного совершения ими преступления»³¹. По сути, – это предварительный сговор лиц на единение межличностных связей и преступных интересов, который направлен на соединение совместных усилий для их реализации. Умыслом каждого участника группы охватывается, что все «участники посягательства... способствуют достижению об-

щего для каждого участника объективного преступного результата»³². Из изложенного вытекает, что цель – совершение одного или ряда деяний предшествует объединению лиц в группу. Именно возникновение этой цели предопределяет объединение лиц в ОГ. В связи с этим возникает логичный вопрос: а можно ли рассматривать организованной, в уголовно-правовом смысле, группу лиц, которая была создана с правомерной целью (в виде общественной организации, спортивной секции и т.д.). То есть, когда сначала произошло объединение лиц, а по истечении времени у них возникла и была реализована идея совершения одного или ряда преступлений. В законе четко оговорена цель объединения в ОГ – совершить одно или несколько преступлений. Значит ответ отрицательный. Так, если создана спортивная команда, члены которой становятся устойчивым, сплоченным коллективом, основанным на общих интересах и цели – достичь спортивных вершин, однако начинают совместно совершать преступления, то такая группа лиц не должна признаваться ОГ в смысле ч. 3 ст. 35 УК РФ. И даже признак устойчивости группы не должен играть роли, поскольку организованной она признается при наличии совокупности признаков, указанных в норме УК. Подобную ситуацию следует признать пробелом конструкции ч. 3 ст. 35 УК РФ, который требует устранения. Иначе даже постоянную преступную деятельность группы лиц, созданной для правомерной деятельности, можно расценивать лишь как совершенную группой лиц по предварительному сговору.

Обобщая изложенное, в силу важности и сложности вопроса, считаем необходимым его разрешение на законодательном уровне в рамках ст. 35 УК РФ, которую следует назвать «Формы соучастия в преступлении». В ее содержании необходимо дать конструкции этих форм. В частности, ч. 3 предлагаем регламентировать так: «3. Организованной группой признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а равно объединившихся с иной целью, но совместно совершивших одно или несколько преступлений».

²⁸ Цит. по: Павлухин А.Н., Перов И.Ф. Указ. соч. С. 101.

²⁹ См.: Досюкова Т.В. Уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические особенности форм соучастия в преступлениях в сфере экономической деятельности // Государство и право. 2005. № 8. С. 36.

³⁰ См.: Локк Р.В. Заказные убийства (криминологический анализ): учебное пособие. М., 2003. С. 43–44.

³¹ Кисин А.В. Признаки организованной преступной группы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2. С. 85.

³² Безбородов Д. О понятии «общий результат» в совместном совершении преступления // Уголовное право. 2006. № 6. С. 10.

Библиографический список

1. Арутюнов, А. Организованные группы и преступные сообщества: вопросы квалификации // Законодательство и экономика. – 2002. – № 9.
2. Балеев, С.А. Ответственность за необходимое соучастие по УК РФ / С.А. Балеев, И.Ю. Коновалова // Российский следователь. – 2007. – № 5.
3. Безбородов, Д. О понятии «общий результат» в совместно совершенном преступлении // Уголовное право. – 2006. – № 6.
4. Бессонов, А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного организованной группой // Уголовное право. – 2005. – № 5.
5. Быков, В. Виды преступных групп // Российская юстиция. – 1997. – № 12.
6. Быков, В. Виды преступных групп // Уголовное право. – 2005. – № 1.
7. Быков, В. Признаки организованной преступной группы // Законность. – 1998. – № 9.
8. Водько, Н. Уголовный кодекс о борьбе с организованной преступностью // Российская юстиция. – 1997. – № 4.
9. Гавронов, А.А. О признаках организованной группы (теория и практика) / А.А. Гавронов, А.В. Антошкина // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Малько. – Рязань, 2013.
10. Галиакбаров, Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция. – 2000. – № 4.
11. Гаухман, Л.Д. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М., 1997.
12. Досюкова, Т.В. Уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические особенности форм соучастия в преступлениях в сфере экономической деятельности // Государство и право. – 2005. – № 8.
13. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика : учеб. пособие. – М., 2003.
14. Капитонова, О.С. Понятие организованной группы в постановлениях Верховного Суда РФ // Апробация. – 2014. – № 8.
15. Кисин, А.В. Признаки организованной преступной группы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 2.
16. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб., 2001.
17. Королев, А.С. Понятие устойчивости как основного признака организованной группы, предложения по совершенствованию законодательства // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 5.
18. Локк, Р.В. Заказные убийства (криминологический анализ) : учебное пособие. – М., 2003.
19. Мондохонов, А.Н. К вопросу о понятии организованной группы в уголовном законодательстве России // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 2.
20. Нестерова, С.С. О квалифицирующих признаках преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ // Адвокат. – 2003. – № 10.
21. Новикова, Ю.В. Расследование краж, совершенных группой лиц : науч.-метод. пособие. – М. : Юрлитинформ, 2005.
22. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 3.
23. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.
24. Павлухин А.Н., Перов И.Ф. Ответственность за групповое вымогательство по действующему уголовному законодательству / А.Н. Павлухин, И.Ф. Перов // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. науч. тр. – Рязань, 2000.
25. Прохоров, Ю.Н. Организованная группа как форма соучастия в преступлении / Ю.Н. Прохоров, А.В. Шеслер // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сб. ст. – Томск, 1998. – Ч. 3.

26. Рыжов, Р.С. Преступная группа лиц как конструктивный признак состава преступления / Р.С. Рыжов, И.С. Копнин // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 3.
27. Тепляшин, П.В. Устойчивость и сплоченность как признаки организованной группы и преступного сообщества: уголовно-правовой аспект // Следователь. – 2000. – № 2.
28. Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. – М., 1997.
29. Уголовное дело № 1-48/2014 // Архив Октябрьского районного суда г. Рязани.
30. Уголовное дело № 2-5/2013 (2-22/2012) // Архив Рязанского областного суда.
31. Черный, А.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) по законодательству России, Беларуси и Украины: сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИХ СРЕДСТВ В КОНСТРУКЦИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ США

ГРИБОВ Александр Сергеевич,
КУЗНЕЦОВА Александра Николаевна

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретико-прикладные вопросы регламентации ответственности за экономические преступления в уголовном праве США, анализируются особенности построения квалифицированных составов и использования дифференцирующих признаков.

Annotation. In article some teoretiko-applied questions of a regulation of responsibility for economic crimes in criminal law of the USA are considered, features of creation of the qualified structures and use of the differentiating signs are analyzed.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, экономические преступления, законодательство США, квалифицирующие признаки, средства дифференциации.

Key words: the crime, criminal liability, economic crimes, legislation of the USA qualifying signs, means of differentiation.

Одним из критериев разделения ответственности за преступления в Особенной части выступает форма вины. В этой связи обращает на себя внимание, что в уголовном законодательстве США нередко допускается объединение в рамках одного состава преступления различных форм вины (и умысла, и неосторожности). Например, это сделано в ст. 32.45 УК Техаса (состав неправомерного распоряжения вверенным имуществом или имуществом финансового учреждения). На наш взгляд, умышленные и неосторожные деяния, хотя бы и родственные, не следует объединять в рамках одного состава преступления ввиду их различной вредоносности. Этот прием значительно ослабляет, по нашему мнению, дифференциацию ответственности, допуская применение одних и тех же наказаний за качественно различные акты поведения.

В доктрине уголовного права принято считать, что в настоящее время в России нецелесообразна криминализация неосторожных экономических деяний. Л.В. Иногамова-Хегай справедливо отмечает следующее: «Стремление распространить уголовную ответственность на лиц, действующих по неосторожности, является отражением подхода тотального контроля и максимального наказания предпринимателей за любые отступления от предписаний закона (а в большей части – от различных ведомственных инструкций). Думается, неосторожная вина в экономических преступлениях

не может и не должна иметь место. Ответственность за неосторожные формы деятельности вполне может быть реализована в рамках гражданско-правовых норм и (или) административного права»¹.

Среди квалифицирующих признаков за экономические преступления в американском законодательстве нередко использован размер стоимости, ущерба, дохода либо задолженности (также и в гл. 22 УК РФ, КоАП РФ и т.д.). Например, ответственность по ст. 32.45 УК Техаса (за неправомерное распоряжение вверенным имуществом или имуществом финансового учреждения) дифференцирована в зависимости от стоимости имущества, которым поверенный неправомерно распоряжается. Посягательство, указанное выше, признается: 1) мисдиминором класса С, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет менее 20 долларов; 2) мисдиминором класса В, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет от 20 до

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Пределы уголовной ответственности за экономические преступления // Предпринимательство. Пределы государственно-правового вмешательства : материалы конф. М., 2001. С. 40. Это мнение разделяет и Б.В. Волженкин (см.: Волженкин Б.В. Некоторые вопросы общей характеристики преступлений в сфере экономической деятельности по УК РФ // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права : сб. науч. ст. СПб., 2005. Вып. 5. С. 78).

500 долларов; 3) мисдиминором класса А, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет от 500 до 1 500 долларов; 4) фелонией, караемой лишением свободы с содержанием осужденного в тюрьме штата, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет от 1 500 до 20 тысяч долларов; 5) фелонией третьей степени, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет от 20 тысяч до 100 тысяч долларов; 6) фелонией второй степени, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет от 100 тысяч до 200 тысяч долларов; 7) фелонией первой степени, если стоимость имущества, распоряжение которым совершается неправомерно, составляет 200 тысяч и более долларов. Очевидно, что дифференциация ответственности за данное преступление является весьма глубокой – семиступенчатой.

Аналогична и ст. 35.02 УК Техаса о мошенничестве в сфере страхования, в которой также произведена семиступенчатая дифференциация ответственности в зависимости от суммы требования. Мошенничество, предусмотренное данной статьей, является: 1) мисдиминором класса С, если сумма требования составляет менее 20 долларов; 2) мисдиминором класса В, если сумма требования составляет от 20 до 500 долларов; 3) мисдиминором класса А, если сумма требования составляет от 500 до 1 500 долларов; 4) фелонией, караемой лишением свободы с содержанием осужденного в тюрьме штата, если сумма требования составляет от 1 500 до 20 тысяч долларов; 5) фелонией третьей степени, если сумма требования составляет от 20 тысяч до 100 тысяч долларов; 6) фелонией второй степени, если сумма требования составляет от 100 тысяч до 200 тысяч долларов; или 7) фелонией первой степени, если: (А) сумма требования составляет 200 тысяч и более долларов.

Еще один пример столь дробной дифференциации (которая является общим правилом) – ст. 32.32 УК Техаса, в которой установлена ответственность за предоставление ложных сведений в целях приобретения имущества или кредита. В п. «б» данной статьи определено, что посягательство является: 1) мисдиминором класса С, если стоимость имущества или размер кредита составляют менее 50 долларов; 2) мисдиминором класса В, если стои-

мость имущества или размер кредита составляют от 50 до 500 долларов; 3) мисдиминором класса А, если стоимость имущества или размер кредита составляют от 500 до 1 500 долларов; 4) фелонией, караемой лишением свободы с содержанием осужденного в тюрьме штата, если стоимость имущества или размер кредита составляют от 1 500 до 20 тысяч долларов; 5) фелонией третьей степени, если стоимость имущества или размер кредита составляют от 20 тысяч до 100 тысяч долларов; 6) фелонией второй степени, если стоимость имущества или размер кредита составляют от 100 тысяч до 200 тысяч долларов или 7) фелонией первой степени, если стоимость имущества или размер кредита составляют 200 тысяч и более долларов.

Подобных примеров дифференциации УК РФ не содержит (близкой по глубине дифференциации является лишь ст. 264 УК РФ с ее шестью частями). Думается, что столь дробная дифференциация ответственности вряд ли может быть однозначно положительно оценена. Как обоснованно отмечается в доктрине, «количество частей в статье, содержащей основной и квалифицированный составы, не должно, как правило, превышать трех. Включение в статью Особенной части уголовного закона более чем двух устойчивых сочетаний квалифицирующих признаков, закрепленных в отдельных частях статьи, утяжеляет законодательную конструкцию, перегружает статью и, как следствие, затрудняет ее восприятие»². «В этом плане, – справедливо замечает А.В. Иванчин, – явно неудачной в техническом отношении выглядит ст. 264 УК, разделенная ныне на шесть (!) частей. Дело не только в громоздкости статьи, но и в нарушении баланса между унификацией и дифференциацией в пользу второй»³. Как обоснованно указывается в теории уголовного права, «унификация и дифференциация – два взаимообусловленных, сдерживающих противовеса в системе законодательного регулирования»⁴. На наш взгляд, эти «противовесы» не

² Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль, 1993. С. 118.

³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 167.

⁴ Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 69.

работают при выделении более чем четырех «ступеней» дифференциации.

Отметим, что ответственность за многие экономические преступления дифференцирована в США в зависимости от наличия судимости за совершение ранее таких же деяний. Например, в УК Техаса технически это сделано следующим образом: указанное в статье преступление объявляется мисдиминором класса С, если деятель не был ранее осужден за обманные приемы ведения бизнеса; если деятель был ранее осужден по настоящей статье, то содеянное признается мисдиминором класса А. Такой подход в различных вариациях характерен в целом для законодательства США и его штатов.

Как известно, российский законодатель в 2003 году исключил из УК РФ такой квалифицирующий признак, как совершение преступления лицом, ранее судимым за такое же либо аналогичное преступление. В уголовном же законодательстве США (в том числе на уровне штатов) такое обстоятельство имеет дифференцирующее значение в Особенной части. Полагаем, что американский подход к этому вопросу более верный. Так, доминирующей криминологической тенденцией в России остается продолжающийся рост рецидивной преступности, представляющей известную опасность как для общества, так и для государства. *В таких условиях логично, на наш взгляд, вернуться к использованию в УК такого квалифицирующего признака, как судимость (включая рецидив).*

Во многих штатах США уголовная ответственность за совершение экономических преступлений усиливается в Особенной части, если их субъектом выступает какое-либо организованное объединение (субъект организованной преступности). В этом плане следует отметить, что одним из основополагающих нормативных актов, регулирующих борьбу с организованной преступностью, является Закон о борьбе с коррумпированными и находящимися под рекетирским влиянием организациями, принятый Конгрессом США в 1970 году – Закон РИКО (от англ. RICO: Racketeer-Influenced and Corrupt Organization Act). Данный закон предусматривает уголовную и гражданско-правовую ответственность за различные деяния, связанные с деятельностью преступных предприятий. Закон РИКО объявляет преступными следующие деяния: 1) инвести-

рование доходов, полученных от «рекети́рского образа действий» в рамках какого-либо предприятия; 2) приобретение и сохранение доли участия в таком предприятии посредством того или иного «рекети́рского образа действий»; 3) участие в управлении предприятием посредством того или иного «рекети́рского образа действий»; 4) вступление в преступный сговор с целью совершения любых из перечисленных форм деятельности.

Для наступления ответственности по Закону РИКО необходимо, чтобы деятельность предприятия воздействовала на торговлю между штатами (иначе деяние будет подпадать под юрисдикцию конкретного штата). Понятие «рекети́рский образ действий» имеет очень большой объем, предусматривая многочисленные преступления, в том числе взяточничество, оборот контрафактной продукции, мошенничество, покупка гражданства, подкуп свидетеля, потерпевшего или информатора. По Закону РИКО предусмотрены санкции в виде лишения свободы на срок до 20 лет, огромные штрафы. Помимо этого, осужденные по Закону РИКО лишаются принадлежащих им долей участия в соответствующем предприятии, а также любого имущества, нажитого прямо или косвенно в результате рекетирской деятельности, либо с использованием доходов от рекетирской деятельности. Указанный Закон предусматривает также возможность возбуждения на его основе гражданских исков. Потерпевшие могут рассчитывать на возмещение причиненного ущерба в трехкратном размере, а также сумм вознаграждения адвокатам.

Ряд отечественных авторов считает, что некоторые положения данного Закона могут быть использованы в практике борьбы с организованной преступностью, включая экономический сектор, в России. Например, С.В. Шошин отмечает следующее: «Целесообразно установить в Российской Федерации повышенную в три раза имущественную ответственность конкретного лица, совершившего деликт, связанный с коррупцией или теневой экономикой. Аналогичное положение, имеющееся в законодательстве США, действует весьма результативно. Многих потенциальных правонарушителей эта норма американского права в некоторой мере отрезвляет, удерживая от совершения указанных деяний. В основе деятельности теневой экономики, как правило, находится организованная преступность. Ос-

новной целью организованной преступности, совершающей экономические деликты, является, как правило, извлечение максимально возможной прибыли из имеющихся в ее распоряжении бизнес-проектов (как законных, так и незаконных). Меры финансовой ответственности в подобных случаях способны в большей степени способствовать удержанию представителей подобного бизнеса от совершения таких деликтов, нежели иные наказания, например, связанные с лишением свободы»⁵. Нельзя не отметить, что приведенные рассуждения созвучны «президентским» новеллам 2011 года в нормах УК РФ о взяточничестве, в которых размер штрафа кратен величине взятки. Польза штрафов, кратных предмету экономического преступления или преступному доходу, отмечалась и в предыдущих параграфах настоящей главы, в связи с чем есть смысл использовать этот опыт применительно к гл. 22 УК РФ.

Законодательство штатов также признает совершение экономических преступлений субъектом организованной преступности усиливающим наказанием обстоятельством. При этом во многих УК штатов дано определение указанной преступности. Например, в п. «д» § 186.2 УК Калифорнии организованная преступность определяется как «преступность, которая обладает качеством законспирированности и организованной природой и которая осуществляет поддержку реализации незаконных товаров и услуг, таких как наркотики, проституция, порнография, азартные игры, вымогательство кредитов, или через координацию и планирование индивидуальных (преступных) действий контролирует такие преступные виды деятельности, как поджог с целью извлечения прибыли, воздушное пиратство, страховые мошенничества, контрабанда, оборот похищенных транспортных средств, или систематически обременяет предпринимательские активы с целью обмана кредиторов». Обращает на себя внимание казуистический характер данной дефиниции, что в некоторой степени снижает ее ценность (поскольку может привести к неполноте регулирования).

Подводя краткий итог изложенному, полагаем возможным сделать ряд выводов. Некоторые стороны американского опыта (в этой части) нельзя признать прогрессивными, а потому заслуживающими имплементации в российское уголовное законодательство (например, объединение в рамках одного состава преступления различных форм вины: и умысла, и неосторожности). Но имеются и заслуживающие внимания положения. Так, важным средством дифференциации ответственности за многие экономические преступления в Особой части уголовного законодательства США признается признак судимости за совершение таких же деяний. Российский законодатель в 2003 году отказался от использования такого квалифицирующего признака, что было ошибкой в условиях доминирующей криминологической тенденции в России, состоящей в росте рецидивной преступности (а уголовный закон не может не считаться с данными криминологии). Важно отметить и тот факт, что, как и в России, легализацией в США признается оборот доходов, полученных в результате совершения не любого преступления, а только определенной категории. То есть, как и в России, круг первичных преступлений в США является ограниченным. Соответственно нередко высказываемое российскими юристами предложение об отнесении в нормах о легализации к первичным *любых* преступлений имеет контрдовод в виде опыта США – страны, где борьба с легализацией ведется на высоком уровне и значительно дольше, нежели в нашей стране. Законодательство США представляет интерес и в плане исчисления штрафа. Там наказание в виде штрафа (основной вид наказания в экономической сфере) нередко устанавливается в кратном размере к преступному доходу, полученному экономическим преступником, или предмету преступления. Подобный механизм исчисления штрафа является, на наш взгляд, одним из эффективных средств профилактики ситуации, когда бизнесмену становится выгоднее совершить экономическое преступление и заплатить уголовный штраф, нежели отказаться от идеи совершить преступление. Отечественный законодатель недавно внедрил кратные штрафы в нормы о взяточничестве (ст. 290–291¹ УК). Однако, на наш взгляд, есть все основания учесть данный опыт и при установлении штрафных санкций за экономические преступления.

⁵ Шошин С.В. Учет опыта США при совершенствовании уголовного законодательства о противодействии организованной преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 января 2010 г. М., 2010. С. 527–528.

Библиографический список

1. Волженкин, Б.В. Некоторые вопросы общей характеристики преступлений в сфере экономической деятельности по УК РФ // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права : сб. науч. ст. – СПб., 2005. – Вып. 5.
2. Иванчин, А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. – М., 2011.
3. Иногамова-Хегай, Л.В. Пределы уголовной ответственности за экономические преступления // Предпринимательство. Пределы государственно-правового вмешательства : материалы конф. – М., 2001.
4. Костарева, Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). – Ярославль, 1993.
5. Кругликов, Л.Л. Унификация в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, Л.Е. Смирнова. – СПб., 2008.
6. Шошин, С.В. Учет опыта США при совершенствовании уголовного законодательства о противодействии организованной преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 января 2010 г. – М., 2010. – С. 527–528.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЛАРИНА Любовь Юрьевна,
ПАНТЮХИНА Инга Владимировна

***Аннотация.** В статье проводится анализ российского законодательства и выявляются проблемы компенсации вреда, причиненного преступлением. Обращается внимание на международные нормы о защите прав потерпевших и опыт зарубежных государств. Делается вывод о необходимости создания специального государственного фонда компенсации вреда потерпевшим и предлагаются основные положения его функционирования.*

***Annotation.** In article the analysis of the Russian legislation is carried out, the problem of compensation of the harm caused by the crime, are identified. Attention is drawn to international norms on the protection of the rights of victims and the experience of foreign States. The conclusion about the necessity of creating a special state Fund for compensation for the victims and offered the basic provisions of its functioning.*

***Ключевые слова:** потерпевший, преступление, возмещение вреда, государственный фонд, зарубежный, международный.*

***Key words:** victim, crime, damages, state Fund, foreign, international.*

В России законодательно закреплены два пути возмещения вреда потерпевшему: добровольно виновным лицом и в результате исполнения судебного акта в части удовлетворения гражданского иска. Исключением из указанных случаев является возмещение ущерба в результате террористического акта и возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, когда указанный вред возмещается за счет бюджетных средств в установленных пределах¹. С учетом того, что добровольное возмещение вреда на практике встречается крайне редко, равно как случаи причинения вреда при террористических актах, возмещение вреда потерпевшему в абсолютном большинстве случаев возможно только в результате исполнения судебного решения по уголовному делу в части гражданского иска. Иными словами, гражданский иск в уголовном процессе является основным средством восстановления нару-

шенных прав потерпевшего (гражданского истца). Как справедливо отмечается в литературе, «такой подход законодателя к возмещению вреда потерпевшему не только не соответствует назначению уголовного судопроизводства, но и противоречит ст. 52 Конституции Российской Федерации»². Хотя в научной литературе встречаются предложения о включении института возмещения вреда в уголовный закон³.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Основным интересом потерпевшего в уголовном процессе является восстановление его нарушенных прав и возмещение (компенсация) вреда, причиненного преступлением. Исходя из этого, достижение названной законодательной цели возможно лишь при исполнении судебного решения в части гражданского иска. В тех случаях, когда не установлено

¹ См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О противодействии терроризму» (ст. 18) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2015); Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2015).

² Карабанова Е.Н., Парфенова М.В. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2. С. 88.

³ См.: Суслин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11.

лицо, совершившее преступление, либо когда имущества виновного не достаточно для исполнения гражданского иска, вышеуказанная цель уголовного процесса применительно к потерпевшему становится не достижимой.

По данным официальной статистики в 2013 году судами в РФ было рассмотрено 125 779 гражданских исков в уголовном процессе, в 2012 году – 134 630 исков, в 2011 году – 147 097 исков⁴. Для сравнения: в 2013 году было зарегистрировано более 2,2 млн преступлений⁵, то есть только по каждому семнадцатому зарегистрированному преступлению суды рассматривали гражданские иски. Такая малочисленность гражданских исков по сравнению с количеством зарегистрированных преступлений объясняется тем, что значительная доля преступлений остается нераскрытыми, потерпевшие уверены в неисполнимости будущего решения по гражданскому иску, а также тем, что существует часть преступлений, по которым отсутствует потерпевший, либо по которым реальный вред не наступил.

Определенное правовое регулирование в части стимулирования лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния (подозреваемых, обвиняемых), на возмещение потерпевшим причиненного вреда, в УК РФ и УПК РФ все-таки имеется. Речь идет о ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного преследования лица, загладившего причиненный вред и примирившегося с потерпевшим. Однако эти нормы используются не часто, поскольку, во-первых, применяются только к лицам, впервые совершившим преступления, а во-вторых, по преступлениям небольшой и средней тяжести. Следовательно, признать такие нормы эффективным способом компенсации потерпевшим причиненного вреда в полной мере нельзя.

В международном законодательстве имеется ряд норм, направленных на защиту прав потерпевших. Особенно следует отметить Европейскую конвенцию по возмещению ущерба

жертвам насильственных преступлений, в соответствии со ст. 2 которой в случаях, когда возмещение убытков не может быть обеспечено из других источников, государство должно это взять на себя для лиц, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный урон физическому состоянию или здоровью; для тех, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления⁶. Россия, к сожалению, в данной Конвенции участия не принимает.

Ряд зарубежных государств сделали реальные шаги по реализации указанной конвенции. В английском законодательстве предусмотрена возможность выплаты компенсации потерпевшим за счет государственных средств. При этом данный институт существует независимо от института гражданского иска. В соответствии с Актом о компенсации вреда жертвам преступлений выплаты со стороны государства возможны в случаях, когда: возложить обязательства по возмещению причиненного вреда на непосредственно виновных в его причинении лиц не представляется возможным; вред, подлежащий возмещению, причинен в результате совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, влекущего арест подозреваемого; вред не может быть возмещен в виду недостаточности средств у осужденного; последствием преступления явилась длительная потеря трудоспособности потерпевшего (свыше 28 недель), его инвалидность или смерть⁷. Более того, на основании указанного акта была принята Схема компенсации вреда, причиненного преступлением, в которой с учетом характера преступления и причиненного вреда установлены размеры компенсаций для различных категорий потерпевших (до 500 000 фунтов стерлингов)⁸. Как видно, английский законодатель предусматривает довольно широкие возможности для возмещения вреда потерпевшим.

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.01.2015).

⁵ Состояние преступности – январь – декабрь 2013 года // Министерство внутренних дел РФ : [сайт]. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 05.01.2015).

⁶ Европейская Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений ETS № 116 (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2015).

⁷ См.: Акт о компенсации вреда, причиненного преступлением, 1995 г. Criminal Injuries Compensation Act. 1995. URL : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/53/contents> (дата обращения: 05.01.2015).

⁸ См.: Схема компенсации вреда, причиненного преступлением, 2012 г. The Criminal Injuries Compensation Scheme. 2012. URL : https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/243480/9780108512117.pdf (дата обращения: 05.01.2015).

Еще раньше подобный закон появился в США, где в соответствии с Актом о потерпевших 1984 года возмещение вреда, причиненного преступлением, может осуществляться не только за счет средств виновных в совершении преступления, но и за счет компенсационных выплат из средств федерального бюджета США⁹. Выплата компенсаций также зависит от обстоятельств совершенного преступления и осуществляется через специальный фонд потерпевших.

Существует подобный порядок и в странах с континентальной системой права. Так, во Франции, где длительное время существует институт гражданского иска в уголовном процессе, предусмотрена возможность компенсации причиненного преступлением вреда за счет государственных средств. В соответствии с Законом «О возмещении потерпевшему ущерба за телесный вред, причиненный преступлением» такую компенсацию могут получать потерпевшие от насильственных преступлений¹⁰. В ФРГ в соответствии с Законом о компенсациях жертвам насилия за счет бюджетных средств возмещается вред, причиненный в результате насильственных преступлений, если он не был возмещен виновным или за его счет¹¹.

Показанные примеры зарубежного регулирования государственной компенсации потерпевшим причиненного вреда заслуживают должного внимания со стороны российского законодателя... Действующее российское законодательство содержит правовую основу для компенсации государством вреда, причиненного преступлением. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений

властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Именно указанные нормы и положительный опыт многих зарубежных государств явились основанием для предложений со стороны некоторых исследователей о создании специального фонда, из средств которого необходимо производить выплаты потерпевшим¹². В отдельных случаях говорится именно о Национальном компенсационном фонде¹³. С таким предложением необходимо согласиться, однако следует отметить ряд принципиальных моментов, на основе которых должна осуществляться деятельность такого фонда.

Компенсация со стороны государства возможна нескольким категориям потерпевших: 1) от преступлений, в результате которых причинен вред жизни и здоровью человека; 2) от преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних; 3) от тяжких и особо тяжких преступлений против собственности. Право на указанную компенсацию должно быть закреплено только за гражданами России (это обуславливается формированием такого фонда из федерального бюджета, который, в свою очередь, наполняется средствами налогоплательщиков – потенциальных потерпевших). При этом компенсация должна включать не только материальный, но и моральный вред. Право на обращение за такой компенсацией, как представляется, должно возникать в случае неисполнения в течение шести месяцев с момента вступления в законную силу судебного акта об удовлетворении требований в части гражданского иска либо с момента приостановления производства по уголовному делу. В случае выплаты компенсации к создаваемому государственному фонду в обязательном порядке должно переходить право потерпевшего требовать компенсации от виновного в пределах выплаченной суммы.

⁹ Акт о потерпевших 1984 г. Victims of Crime Act. 1984: URL : <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/10601> (дата обращения: 05.01.2015).

¹⁰ Закон от 3 января 1977 г. № 77-5 «О возмещении ущерба за телесный вред, причиненный потерпевшему преступлением». Loi No 77-05 du 3 janvier 1977 Garantissant l'indemnisation de certaines victims de dommages corporels resultant d'une infraction. URL : <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 05.01.2015).

¹¹ См.: Закон о компенсациях жертвам насилия 1976 г. (с изм. от 20 июня 2011 г.). Gesetz über die Entschädigung für Opfer von Gewalttaten. 1976. URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/oeg/BJNR011810976.html> (дата обращения: 05.01.2015).

¹² См., например: Дзидзария Б.Ю. Компенсация вреда, причиненного потерпевшим (жертвам) от злоупотреблений со стороны должностных лиц в сфере правосудия // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 245 ; Тарнавский О.А. Роль государства и его органов по защите имущественных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 59.

¹³ Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» 26 августа 2010 г. URL : <http://council.gov.ru/press-center>

Учет указанных основных положений при разработке правовой базы деятельности государственного фонда компенсации вреда потерпевшим позволит максимально защи-

тить и восстановить их права, а главное – приблизиться к практически недостижимой цели восстановления социальной справедливости.

Библиографический список

1. Европейская Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений ETS № 116 (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2015).
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2015).
3. Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2015).
4. Схема компенсации вреда, причиненного преступлением 2012 г. The Criminal Injuries Compensation Scheme. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/243480/9780108512117.pdf (дата обращения: 05.01.2015).
5. Акт о компенсации вреда, причиненного преступлением 1995 г. Criminal Injuries Compensation Act. 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/53/contents> (дата обращения: 05.01.2015).
6. Акт о потерпевших 1984 г. Victims of Crime Act. 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/10601> (дата обращения: 05.01.2015).
7. Дзидзария, Б.Ю. Компенсация вреда, причиненного потерпевшим (жертвам) от злоупотреблений со стороны должностных лиц в сфере правосудия // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1.
8. Закон о компенсациях жертвам насилия 1976 г. (с изм. от 20 июня 2011 г.). Gesetz über die Entschädigung für Opfer von Gewalttaten. 1976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/oeg/BJNR011810976.html> (дата обращения: 05.01.2015).
9. Закон от 3 января 1977 г. № 77-5 «О возмещении ущерба за телесный вред, причиненный потерпевшему преступлением». Loi No 77-05 du 3 janvier 1977 Garantissant l'indemnisation de certaines victims de dommages corporels resultant d'une infraction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 05.01.2015).
10. Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» 26 августа 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/press-center>
11. Карабанова, Е.Н. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением / Е.Н. Карабанова, М.В. Парфенова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 2.
12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.01.2015).
13. Состояние преступности – январь – декабрь 2013 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 05.01.2015).
14. Суслин, А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
15. Тарнавский, О.А. Роль государства и его органов по защите имущественных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

СОЛОВЬЕВ Олег Геннадиевич,
СМИРНОВ Роман Юрьевич

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретико-прикладные вопросы определения оснований дифференциации ответственности в современной доктрине уголовного права, исследуются позиции различных правовых школ на проблемы дифференциации.

Annotation. In article some teoretiko-applied questions of definition of the bases of differentiation of responsibility in the modern doctrine of criminal law are considered, positions of various legal schools on differentiation problems are investigated.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, дифференциация, основания дифференциации, общественная опасность, характер, степень, свойства личности.

Key words: crime, criminal liability, differentiation, differentiation bases, public danger, character, degree, properties of the personality.

В науке уголовного права общепризнанно, что дифференциация уголовной ответственности является одним из ключевых направлений современного развития уголовного законодательства и уголовно-правовой политики в целом. В связи с этим перед уголовно-правовой теорией стоят актуальные задачи по дальнейшей разработке понятия дифференциации уголовной ответственности, определению границ ее осуществления, совершенствованию системы квалифицирующих и привилегирующих признаков, их влияния на санкции и т.д.

Проблема поиска оснований дифференциации уголовной ответственности также представляется нам немаловажной. Само их наличие будет способствовать построению четкой и непротиворечивой системы нормативного разграничения (разделения) ответственности в уголовном законодательстве. Не секрет, что одним из условий логической корректности любого деления (например, классификации) является единство его критерия. К сожалению, его часто приходится определять вторично, то есть исходя из уже состоявшегося разделения или классификации. При этом может обнаруживаться, что таких критериев несколько, и они оказываются смешанными в рамках одной классификации.

Среди ученых нет единства мнений по поводу общего основания дифференциации уголовной ответственности. Одной из причин такого разнообразия, на наш взгляд, является вторичность теоретического осмысления критерия

уже дифференцированной в уголовном законе ответственности. Общепризнанно, что основной, сущностной характеристикой правонарушения является его вредоносность, поэтому справедливо считать последнюю и «мерилом» ответственности за него. В уголовном праве вредоносность деликта обозначается через категорию общественной опасности. Именно она объединяет взгляды ученых на основу дифференциации ответственности. Их мнения расходятся в попытках ее конкретизации. Это касается либо типовых характеристик общественной опасности (качественных и количественных), либо основного ее источника (преступление и личность преступника). В литературе в качестве основания дифференциации уголовной ответственности встречаются разнообразные комбинации данных «параметров» общественной опасности¹. Некоторые авторы вовсе уходят от конкретизации оснований дифференциации уголовной ответственности. Как, например, Н.М. Кропачев, который считает таковой просто – общественную опасность преступления². Подобные формулировки

¹ См.: Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). Ярославль, 1995. С. 10; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 45–48.

² См.: Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева [и др.]. СПб., 1992. С. 373.

искомого критерия представляются слишком пространными, поскольку общественная опасность является родовым понятием по отношению ко всем своим характеристикам (в том числе к характеру и степени) и, как одна из базовых категорий уголовного права, выступает определяющим фактором не только при дифференциации ответственности. Она, например, является основой определения минимального и максимального пределов реализации ответственности, используется и в ходе правоприменительной деятельности, и в ходе деятельности законодательной.

Многие ученые расширяют круг оснований дифференциации, включая в него, помимо общественной опасности содеянного, свойства личности³ либо общественную опасность (в том числе типовую) преступника⁴. Мы согласны с тем, что некоторые характеристики лица, совершившего общественно опасное деяние, влияют на меру ответственности. Однако вряд ли корректно их все объединять категорией общественной опасности, так как в конечном итоге получится, что любой человек (даже не совершивший преступного деяния) представляет опасность для общества. Очевидно, что некоторые аспекты личности, влияющие на ответственность, вообще не являются показателем общественной опасности индивидуума (например, возраст, пол, состояние беременности). Поэтому первая из предложенных выше формулировок одного из оснований дифференциации представляется нам более логичной. Тем не менее, и она является слишком пространной для обозначения критерия градации ответственности, также как претендующая на ту же роль «общественная опасность деяния» (см. выше). В связи с этим следует признать, что «отдельным» основанием дифференциации ответственности является избранная законодателем на эту роль совокупность характеристик лица, совершившего преступное деяние (в том числе никак не связанные с преступлением (например, несовершеннолетие)

и нашедшие в нем свое выражение в виде общественной опасности). Поскольку ответственность в уголовном законе не индивидуализирована, то основанием ее дифференциации может быть только типизированный набор характеристик носителя ответственности.

Таким образом, мы считаем, что в качестве одного из оснований дифференциации ответственности выступают различия *типовых характеристик лиц, совершающих преступные деяния*, влияние которых на ответственность определено в законе⁵.

Более подробному разделению определенного потенциала мер уголовно-правового воздействия способствует учет обстоятельств совершения самого преступного деяния. Мы поддерживаем точку зрения о том, что две его характеристики – характер и степень общественной опасности – являются критериями (основаниями) дифференциации ответственности⁶. Характер и степень отражают соответственно качественный и количественный аспекты общественной опасности преступления как вредоносного явления, лежащего в основе уголовного права⁷. Интерес в этом плане представляет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»⁸. В п. 1 данного документа указано, что характер общественной опасности преступления определяется в соответствии с законом с учетом объекта посягательства, формы вины и категории преступления. Поскольку характер и степень общественной опасности являются как бы смешанным критерием категоризации преступлений в ст. 15 УК, то содержанием

³ См.: Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 38; Соловьев О., Самойлов А. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 5. С. 79.

⁴ См.: Кулев А.Г. Преступления против внешней безопасности государства. М., 2011. С. 139; Каплин М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 112–113.

⁵ Некоторые авторы, вкладывая в это основание тот же смысл, именуют его несколько иначе. Например, «типичные свойства» или «тип» лица, совершившего преступление (см., например: Келина С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 71).

⁶ См., например: Кригер Г.Л. Дифференциация и индивидуализация наказания // Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980. С. 126; Смирнов Р.Ю. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против здоровья человека: вопросы теории и практики. Рязань, 2014. С. 24.

⁷ См., например: Кулев А.Г. Указ. соч. С. 139; Грузинская Е.И. О правилах применения языковых средств при конструировании юридических норм // Экономика, социология и право. 2013. № 12. С. 128; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 66–67.

⁸ См.: Российская газета. 2010. 11 нояб.

первого его элемента следует считать объект посягательства (основной и дополнительный) и форму вины (умысел и неосторожность). Однако то, что эти признаки составляют основу характера общественной опасности преступления, не означает отсутствия других качественных его (преступления) свойств, которые делают этот характер более конкретным. В конечном счете все признаки основного состава самим своим наличием формируют характер вредоносности преступления. Высокая вариативность содержания некоторых из них позволяет использовать уже количественный подход к оценке общественной опасности преступления в рамках заданного качества, то есть – говорить о типовой степени такой опасности.

Процедуру разделения ответственности по таким основаниям можно сравнить с сортировкой предметов, значимой качественной характеристикой которых является форма (например, круглая или овальная), а количественной – размер. Форма в данном случае выступает первичным критерием сортировки, поскольку другой – размер – зависит от нее параметрами своего измерения. Также и в отношении преступлений – качество их общественной опасности является первичной характеристикой с конечным определенным в законе числом вариаций. Поэтому пользоваться этим критерием можно только до определенного предела. Степень же общественной опасности как количественная характеристика преступления зависима в своем измерении от ее характера и гипервариабельна (до практической индивидуальности). Поэтому этой степенью можно пользоваться и для разделения преступлений (и вместе с ними ответственности)

на мелкие «кучи», и учитывать при индивидуализации меры ответственности. Также как при сортировке предметов, уже отобранных по форме, делить их дальше по примерному (среднему) и индивидуальному размеру каждого.

Необходимо заметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК и характер, и степень общественной опасности преступления, и личность виновного должны учитываться при назначении конкретного наказания. Если считать индивидуализацию последнего «конечным» продолжением дифференциации ответственности, то логично использовать при этом одни и те же основания⁹. Однако «различная правовая природа» данных процессов и научное их разделение требует различий и в обозначении их критериев. Так как при дифференциации речь идет об определенном множестве деяний и лиц, их совершивших, то ее основанием должны выступать некие усредненные (типичные) характеристики данных объектов. Учитывая перечисленное в ч. 3 ст. 60 УК, основаниями дифференциации можно называть типовой характер и типовую степень общественной опасности преступления, а также типовую характеристику личности виновного. Однако характер общественной опасности преступления трудно подвергнуть типизации, так как этот «параметр» качественен и изначально задается объектом преступления и формой вины. В связи с этим мы присоединяемся к позиции авторов, которые, говоря про основания дифференциации ответственности, считают таковыми (помимо типовых характеристик личности) различия *характера и типовой степени общественной опасности преступлений*¹⁰.

Библиографический список

1. Грузинская, Е.И. О правилах применения языковых средств при конструировании юридических норм // Экономика, социология и право. – 2013. – № 12.
2. Каплин, М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. – 2014. – № 2.
3. Келина, С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. – 1987. – № 5.

⁹ См.: Тер-Акопов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 73.

¹⁰ См., например: Кругликов Л.Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: избр. ст. 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 45.

4. Коробов, П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). – Ярославль, 1995.
5. Кригер, Г.Л. Дифференциация и индивидуализация наказания // Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. – М., 1980.
6. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. – СПб., 2003.
7. Кругликов, Л.Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права : избр. ст. 2000–2009 гг. – Ярославль, 2010.
8. Кулев, А.Г. Преступления против внешней безопасности государства. – М., 2011.
9. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М., 2000.
10. Мельникова, Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989.
11. Российская газета. – 2010. – 11 нояб.
12. Смирнов, Р.Ю. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против здоровья человека: вопросы теории и практики. – Рязань, 2014.
13. Соловьев, О. Понятие дифференциации уголовной ответственности / О. Соловьев, А. Самойлов // Уголовное право. – 2006. – № 5.
14. Тер-Акопов, А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом // Советское государство и право. – 1991. – № 10.
15. Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева [и др.]. – СПб., 1992.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТОМЕЙ Юрий Сергеевич

Аннотация. В статье рассматриваются особенности методики расследования хищений драгоценных металлов в Вооруженных Силах Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что расследование рассматриваемой группы преступлений требует специальной профессиональной подготовки следователей, что не может быть объективно реализовано без разработки соответствующей частной криминалистической методики.

Annotation. In article features of a technique of investigation of plunders of precious metals in Armed Forces of the Russian Federation are considered. The author comes to a conclusion that investigation of the considered group of crimes demands special professional training of investigators that can't be objectively realized, without development of the corresponding private criminalistic technique.

Ключевые слова: следователь, криминалистическая методика, расследование, хищения, драгоценные металлы, Вооруженные Силы Российской Федерации.

Key words: investigator, criminalistic technique, investigation, plunders, precious metals, Armed forces of the Russian Federation.

Одним из необходимых условий целенаправленной борьбы с преступностью является успешное расследование преступлений. Ее успех во многом зависит от грамотного применения в практической деятельности следователя апробированной методики, разработанной с учетом научных положений и приемов, используемых в практической деятельности правоохранительных органов.

Криминалистическая методика является заключительным разделом криминалистики и постоянно развивается с момента образования¹. На основе изучения повседневной деятельности органов дознания и следствия разрабатываются частные методики, представляющие собой «типизированную систему методических (научно-практических) рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельного вида преступлений»².

Методике расследования преступлений посвятили свои труды многие ученые-криминалисты: Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, В.К. Гавло, Ю.П. Гармаев,

В.И. Громов, С.А. Голунский, И.Ф. Герасимов, Д.Е. Гребельский, В.Е. Жарский, М.В. Кардашевская, И.М. Лузгин, А.Ф. Лубин, В.А. Образцов, А.П. Резван, С.С. Степичев, В.Г. Танаевич, Б.М. Шавер, Н.П. Яблоков и др.

При построении и создании частной криминалистической методики наука отталкивается от индивидуальности каждого преступления и лиц, совершивших его, что обуславливает своеобразность путей установления истины. Но все же индивидуальный характер совершаемых преступлений и отличительные, характерные особенности расследования по каждому уголовному делу никак не означают то, что отсутствуют положения, общие для расследования всех преступлений того или иного вида. Существование общих принципов подхода к решению методических проблем раскрытия, расследования и предотвращения преступлений позволяет создавать частные криминалистические методики применительно к отдельным видам и категориям преступлений.

С учетом оценки практических работников наиболее предпочтительным представляется мнение С.Н. Чурилова, который предлагает выделить в частной методике в качестве структурных элементов начальный и последующий этапы расследования, а в структуре каждого из этапов – типичные следственные

¹ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. Гл. 4.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 301.

ситуации, следственные версии и особенности планирования соответственно первоначальным и последующим следственным и иным действиям, а также особенности тактики их производства. Причем в разделе «планирование расследования», по его мнению, следует излагать типичные задачи расследования, тактико-криминалистические цели, задачи и тактические комбинации³.

Частные методики расследований преступлений, совершаемых в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ) разрабатываются по различным основаниям. По нашему мнению, наиболее полезными, с точки зрения следственной практики, являются частные методики, созданные на основании криминалистической квалификации по способу их совершения, по субъекту преступлений, по месту совершения преступлений, в зависимости от времени начала расследования, а также по объекту и предмету преступного посягательства.

С.Ю. Косарев, исследуя генезис и современное состояние криминалистических методик, пришел к выводу, что их систему в основном образуют горизонтальные связи, поскольку большинство авторов-разработчиков новых методик расследования преступлений ссылаются на аналогичные работы своих предшественников⁴.

Представляется, что использование уже разработанных частных криминалистических методик хищений, совершаемых в ВС РФ, – это в том числе научная основа для разработки новых частных криминалистических методик, где в качестве основания для их выделения выступают объект и предмет преступного посягательства.

Изучив практику расследования преступлений, связанных с хищениями драгоценных металлов в ВС РФ за 2000–2013 годы, можно сделать вывод о том, что предметом посягательства являются драгоценные металлы, содержащиеся в вооружении, военной технике и технических материальных средствах (ВиВТ, ТМС). Законом⁵ определен их исчерпывающий

перечень: это золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий).

В качестве характерных особенностей предмета посягательства по рассматриваемой категории преступлений можно выделить следующие:

– высокая ликвидность драгоценных металлов при малом объеме и весе;

– изъятие драгоценных металлов причиняет реальный ущерб собственнику;

– хищения драгоценных металлов, содержащихся в ВиВТ, подрывает боеспособность ВС РФ;

– последующий незаконный оборот похищенных драгоценных металлов подрывает экономическую основу и безопасность страны;

– похищенные драгоценные металлы – значительная потеря общества и государства.

Преступления, связанные с хищениями драгоценных металлов в ВС РФ обладают повышенной общественной опасностью, поскольку почти половина из них посягают не только на отношения собственности, но и на установленный порядок прохождения военной службы.

Так, способы совершения рассматриваемой категории преступлений одновременно могут содержать признаки преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против собственности (ст. 158, 160 УК РФ), преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против военной службы (ст. 293 УК РФ), против военной службы (ст. 340, 342, 344, 346 УК РФ). Кроме того, следственная практика свидетельствует об устойчивой закономерности между хищениями драгоценных металлов и их последующем хранении, перевозке, сбыте одними и теми же лицами. Данные деяния, если они совершены в крупном размере, входят в диспозицию ст. 191 УК РФ.

Рассматриваемая категория преступлений является не только разновидовыми, но и разнородовыми преступлениями, поскольку входит в разные главы УК РФ (ст. 158, 160 гл. 21 «Преступления против собственности»; ст. 191 гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»; ст. 293 гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», ст. 340, 342, 344,

³ Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений. М., 1998. С. 288.

⁴ Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 277–278.

⁵ Статья 1 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и камнях» (ред. от 21 ноября 2011 г.) // СПС «Гарант».

346 гл. 33 «Преступления против военной службы»).

В обобщенном виде, проведя ретроспективный анализ уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории, из основных особенностей расследования можно выделить следующие:

1. Хищения драгоценных металлов в ВС РФ включают в себя различные по составам преступления, где предметом преступного посягательства являются драгоценные металлы в различном виде и состоянии, содержащиеся в ВиВТ и ТМС, за исключением ювелирных, бытовых изделий и лома последних. В своей совокупности данные преступления могут варьироваться в различных видах, но в квалификации действий виновного лица почти всегда (за исключением квалификации деяния по ст. 293 УК РФ) имеет место состав преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ (ст. 160 УК РФ). Следовательно, частная методика расследования преступления, предусмотренного ст. 158 или 160 УК РФ является основополагающей при расследовании данного вида преступных посягательств.

2. Объединяющим в группе преступлений, связанных с хищениями драгоценных металлов в ВС РФ, является непосредственно предмет преступного посягательства – драгоценные металлы. Данный предмет преступления – специфический, поскольку он изъят из свободного гражданского оборота. Для определения того, является ли данный предмет преступления драгоценным металлом и к какому изделию он относится, необходимо провести соответствующие экспертизы. Следовательно, спецификой частной методики расследования данных преступлений является обязательная экспертная идентификация предмета преступного посягательства.

3. Особенность преступлений, связанных с хищением драгоценных металлов в ВС РФ, – очень высокий уровень их латентности. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что в чистом виде драгоценные металлы в ВС РФ практически отсутствуют, а содержатся в соответствующих образцах ВиВТ (ТМС), исключаяющих их визуальную видимость. Соответственно при проведении инвентаризации, проверки сохранности имущества оценить их фактическое наличие невозможно. Как правило, контролирующие лица ограничиваются проверкой целостности пломб на узлах, блоках соответствующего образца и вида

ВиВТ. На практике воинские должностные лица также не заинтересованы в случае выявления хищения, утраты драгоценных металлов сообщать об этом в органы военной прокуратуры и военно-следственные органы СК России. В результате факт хищения либо утраты обнаруживается спустя довольно продолжительное время, в ряде случаев, если ВиВТ не эксплуатируется и находится на хранении, через несколько дней. Соответственно раскрываемость таких преступлений практически сводится к нулю.

Например, о латентности и сложности выявления рассматриваемой категории преступлений наглядно свидетельствует рассмотренное Пензенским гарнизонным военным судом уголовное дело в отношении прапорщика К. обвиняемого в совершении восьми преступлений против собственности и трех должностных преступлениях. Согласно материалам дела К. в период с декабря 1990 года по сентябрь 2003 года (то есть почти в течение 13 лет. – Ю.Т.) совершал хищения драгоценных металлов, содержащихся в 4 776 аккумуляторах СЦ-25 и другого имущества, на общую сумму 27 411 947 рублей 52 копейки⁶.

4. Ряд существенных особенностей имеет правовой режим учета, хранения, инвентаризации, списания ВиВТ (ТМС) и драгоценных металлов, в них содержащихся, который постоянно находится под контролем государства. Отношения в данной области регулируются большим по количеству перечнем нормативных актов. При расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с хищениями драгоценных металлов в ВС РФ, следователю необходимо постоянно обращаться к различным нормативным актам с целью установления и доказывания всех обстоятельств преступления и установления лиц, его совершивших. Соответственно следователю необходимо как минимум в достаточной степени знать данные документы и руководствоваться ими при расследовании рассматриваемой категории уголовных дел. Это также является особенностью методики расследования данных преступлений.

Изучение материалов расследованных уголовных дела о хищениях драгоценных металлов в ВС РФ, анкетирование практических

⁶ См.: Уголовное дело № 36/2006 // Архив Пензенского гарнизонного военного суда.

работников военно-следственных органов свидетельствуют о существенных недостатках и ошибках, допускаемых как при юридической квалификации, так и при раскрытии и расследовании исследуемой категории преступлений. Это в значительной степени препятствует выполнению задач, стоящих перед органами следствия.

Одной их причин так называемого «следственного брака», «недорасследования» является отсутствие соответствующих методических рекомендаций по раскрытию, расследо-

ванию и предупреждению преступлений, связанных с хищениями драгоценных металлов в ВС РФ.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с хищениями драгоценных металлов в ВС РФ, требует специальной профессиональной подготовки следователей, что не может быть объективно реализовано без разработки соответствующей частной криминалистической методики.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и камнях» // СПС «Гарант».
2. Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб., 1841. – Гл. 4.
3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. – Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М. : Юристъ, 1997.
4. Косарев, С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006.
5. Уголовное дело № 36/2006 // Архив Пензенского гарнизонного военного суда.
6. Чурилов, С.Н. Общий метод расследования преступлений. – М., 1998.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МАКАРОВА Наталья Алексеевна

Аннотация. Статья обращает внимание исследователей на проблему отсутствия законодательной регламентации системы органов внутренних дел Российской Федерации, отражает позицию автора по поводу оптимизации нормативной регламентации данной системы.

Aannotation. The article is devoted to the problem of the lack of legislative regulation the system of internal affairs agencies of the Russian Federation, reflects the author's position on the optimization of normative regulation of this system.

Ключевые слова: органы внутренних дел, система, регламентация, полиция, правоохранительные органы, внутренние войска.

Key words: internal affairs agencies, system, the police, regulation, law enforcement agencies, the Internal Troops.

Органы внутренних дел (далее – ОВД) – оплот общества и государства. Именно от них во многом зависит «качество» правового и общественного порядка в нашей стране. Органы внутренних дел традиционно находятся на переднем крае борьбы с преступностью, наделены в связи с этим особыми властными полномочиями, в том числе в установленных законом случаях ограничивают права и свободы человека и гражданина. Вместе с тем долгие годы вопрос о системе ОВД России нормативно никак не разрешался, что привело к возникновению довольно острых споров.

Полемика в этой области, как правило, концентрировалась вокруг следующих основных направлений: совпадают ли понятия «органы Министерства внутренних дел РФ» и «органы внутренних дел РФ»?; являются ли органы внутренних дел исключительно органами дознания или в них также входят следственные подразделения?; какую роль в правоохранительной системе играют внутренние войска МВД России (далее – ВВ МВД) и могут ли они считаться частью органов внутренних дел, и др.¹, и только в ходе реформы 2011 года система ОВД, наконец, получила некоторую регламентацию.

Причем оговорка лишь о некоторой регламентации системы ОВД России была далеко

не случайной. Как отмечает Ю.А. Тарасов, по состоянию на 2013 год в Российской Федерации действовало 139 законов по различным вопросам деятельности МВД России². При этом ни один из них, включая принятые в 2011 году федеральные законы «О полиции»³ и «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, систему ОВД не раскрыл.

В то же время на постсоветском пространстве есть и противоположные примеры. Так, Закон Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2707 «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» уже в ст. 4 определяет, что система ОВД есть система Министерства внутренних дел Республики Казахстан⁵.

Четко регламентирована система органов внутренних дел и в действующем законодательстве Республики Беларусь. Статья 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» гласит, что «систему органов внут-

² См.: Тарасов Ю.А. Роль и место МВД России как субъекта и объекта государственного контроля в системе предупреждения преступлений // Российский следователь. 2013. № 20. С. 32.

³ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февр.

⁴ См.: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.

⁵ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 23. Ст. 154.

¹ Подробнее об этом см.: Арестова Е.Н. К вопросу о понятии и системе органов внутренних дел // Российский следователь. 2007. № 24. С. 33–35.

ренных дел образуют: организационно: Министерство внутренних дел (центральный аппарат); территориальные органы внутренних дел <...>; учреждения образования и организации здравоохранения, созданные для обеспечения выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел; функционально: милиция; подразделения по гражданству и миграции; подразделения охраны; подразделения финансов и тыла; органы и учреждения уголовно-исполнительной системы»⁶.

Итак, приведенные выше примеры показывают что, во-первых, система органов внутренних дел, как правило, фиксируется в законодательстве, а во-вторых, что существует несколько способов законодательной регламентации данной системы. Либо констатируется, что органы внутренних дел и органы МВД совпадают, либо предлагается различать структурные и функциональные элементы системы органов внутренних дел. При этом, несмотря на наличие альтернативных вариантов, с регламентацией системы ОВД России, как уже отмечалось, возникают определенные трудности.

Хотя данная система так и не была описана на законодательном уровне, вскоре после принятия ФЗ «О полиции» был опубликован Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»)». Согласно ст. 14 «Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» в единую централизованную систему МВД России вошли: органы внутренних дел, включающие в себя полицию; внутренние войска; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России⁷.

Таким образом, пожалуй, впервые в новейшей истории было нормативно и прямо закреплено положение, согласно которому ОВД и органы МВД России не являются совпадающими, соотносятся как часть и целое.

Следующая статья «Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» – ст. 15 определила, что «в состав орга-

нов внутренних дел входят: центральный аппарат МВД России (за исключением Главного командования внутренних войск МВД России), территориальные органы МВД России, образовательные, научные, медико-санитарные и санаторно-курортные организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, представительства МВД России за рубежом, а также иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел»⁸.

В ходе анализа указанных положений становится очевидным, что органы внутренних дел и полиция структурно являются совпадающими. За рамками ОВД остаются лишь ВВ МВД. При этом, признавая правильность выведения ВВ МВД за рамки системы ОВД, нельзя не отметить, что внутренние войска в своей деятельности активно взаимодействуют с органами внутренних дел. Согласно ст. 2 Федерального закона от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» одной из главных задач внутренних войск признается «участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения»⁹.

Итак, несмотря на близость целей и задач, разрешаемых ОВД и ВВ МВД, последние в систему ОВД не входят. В такой ситуации ряд вопросов вызывает отнесение к ОВД, например, медико-санитарных и санаторно-курортных организаций системы МВД России. Да и формулировка, содержащаяся в п. 14 «Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» – «органы внутренних дел, включающие в себя полицию», создает представление, что в ОВД есть и еще какие-то части.

Подобные сложности возникают прежде всего потому, что нормативно не закреплены ни определение понятия «полиция», ни определение понятия «ОВД». Казалось бы «Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» как результат подзаконного правотворчества может и не содержать

⁶ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 173. 2/1360.

⁷ См.: СЗ. 2011. № 10. Ст. 1334.

⁸ СЗ РФ. 2011. № 10. Ст. 1334.

⁹ См.: СЗ РФ. 1997. № 6. Ст. 711.

определения понятия «ОВД», достаточно указания на то, что органы внутренних дел есть полиция, но ведь и федеральные законы, действующие в данной области, регламентирует лишь принципы деятельности, задачи, полномочия и т.п. и четкого определения также не содержат.

С учетом изложенного оптимизации нормативной регламентации системы ОВД России, на наш взгляд, должно способствовать следующее. Во-первых, считаем необходимым изменение формулировки, содержащейся в п. 14 «Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации», в котором необходимо прямо отразить, что органы внутренних дел Российской Федерации есть полиция. Во-вторых, продуктивным могло бы стать некоторое (безусловно, не прямое) заимствование опыта законодательной регламентации системы ОВД в Республике Беларусь, в рамках которого производится разграничение структурных и функциональных элементов системы ОВД. Думается, что такое разграничение могло бы снять многие проблемные вопросы.

В-третьих, недопустимым является тот факт, что система ОВД России регламентирована не на уровне федерального закона, а в подзаконном нормативно-правовом акте, в частности – Указе Президента РФ. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» необходимо дополнить статьями, в которых бы четко определялась система ОВД.

В заключение рассмотрения вопроса о нормативной регламентации системы органов внутренних дел Российской Федерации считаем необходимым подчеркнуть, что высказанные замечания и предложения носят дискуссионный характер, не должны и не могут считаться единственно верными. Однако отказ от обсуждения существующих проблем едва ли может способствовать их разрешению, развитию юридической науки и совершенствованию правоприменительной практики. Исходя из этого, основной задачей статьи автор видит саму постановку проблемы, а это, как известно, первый шаг к ее преодолению.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – 2011. – 8 февр.
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 49. – Ст. 7020.
3. Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – 1995. – № 23. – Ст. 154.
4. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 173. – 2/1360.
5. Арестова, Е.Н. К вопросу о понятии и системе органов внутренних дел // Российский следователь. – 2007. – № 24.
6. Тарасов, Ю.А. Роль и место МВД России как субъекта и объекта государственного контроля в системе предупреждения преступлений // Российский следователь. – 2013. – № 20.

ИСПОЛНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ КАК СТАДИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

МИНАШКИН Геннадий Геннадьевич

Аннотация. В статье исследуются признаки, свойства и особенности стадии исполнения административных наказаний как стадии производства по делам об административных правонарушениях, определяется место данной стадии в административном процессе.

Annotation. Examines the characteristics of the execution of the decisions on the appointment of an administrative suspension of activity; identify deficiencies and problems in the application of this punishment; suggestions for improving the procedure of administrative suspension of activity.

Ключевые слова: административное наказание, производство, постановление, исполнение, административный процесс.

Key words: administrative suspension of activities, administrative punishment, production, regulation, and enforcement.

Стадии принудительного исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, как и другим функциональным стадиям производства по делам об административных правонарушениях, присущи характерные признаки, свойства и особенности. Признаки характеризуют стадию принудительного исполнения как относительно самостоятельную, но неотъемлемую составную часть производства, неразрывно связанную с другими его стадиями. К таким признакам¹ следует отнести: 1) наличие общих для всего производства и специальных, свойственных для данной стадии задач; 2) этапность; 3) совершение односторонних действий, направленных на решение конкретных задач, в совокупности образующих специфическое направление деятельности (функцию); 4) ограниченный круг субъектов, реализующих эту деятельность; 5) оформление в актах (документах) принимаемых решений; 6) наступление процессуальных правоотношений, их специфика.

Автономный характер рассматриваемой стадии обусловлен ее специальными задачами и функциями, спецификой исполнительных процессуально-деликтных отношений и участников исполнительного производства, объемом их процессуальных полномочий и условиями исполнения административных наказаний².

Наличие определенного круга субъектов исполнения постановления также служит характерным признаком самостоятельности стадии производства. Субъектами таких действий могут быть судебные приставы-исполнители, должностные лица специального приемника для содержания лиц, арестованных в административном порядке, которые работают только на рассматриваемой заключительной стадии.

Кроме того, между субъектом исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях и правонарушителем складывается специфическое общественное отношение, присущее только данному виду деятельности – исполнительному процессуально-деликтному отношению, которое представляет разновидность процессуально-деликтного отношения и, в свою очередь, административно-процессуального отношения как явления более общего порядка³.

Рассматриваемая стадия обладает определенной самостоятельностью и особенностями по сравнению с другими, так как характеризуется наступлением процессуальных последствий и документальным оформлением принимаемых постановлений и решений. Процессуальные последствия стадии исполнения выражаются прежде всего в том, что субъект ответственности претерпевает материальные, иму-

¹ Парыгин Н.П. Исполнение постановлений об административных взысканиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. С. 11.

² См.: Там же. С. 25.

³ См.: Семенистый А.В. Правовые и организационные основы исполнения органами внутренних дел постановлений о назначении административных наказаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

ществленные, моральные, физические правоограничения. При этом достигаются цели общей и частной превенции.

Типичным для стадии исполнения является оформление специальными документами отсрочки, рассрочки, приостановления, прекращения, окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Решение об отсрочке исполнения выносят судья, орган, должностное лицо в форме определения. При прекращении исполнения решение о назначении административного наказания оформляется в виде постановления.

Установлен процессуальный порядок и срок доведения решения до физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшего при решении вопросов об отсрочке, рассрочке, приостановлении и о взыскании административного штрафа, наложенного на несовершеннолетнего, с его родителей или иных законных представителей.

Изложенное подтверждает правильность выводов ученых о том, что стадия принудительного исполнения является неотъемлемой составной частью производства по делам об административных правонарушениях, но по сравнению с другими стадиями производства обладает наибольшей автономностью и специфичностью⁴. Деятельность по исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях можно рассматривать двояко. С одной стороны, это действия в рамках стадии, определенной фазы развития производства по делам об административных правонарушениях, а с другой – правовая форма (особая юридическая конструкция), отражающая нормативно установленный порядок проведения указанной деятельности, исполнительное производство.

Исследуя деятельность по исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях, уместно заметить, что она состоит как из процессуальных действий, так и действий материально-технического характера, дополняющих друг друга. В совокупности все действия направлены на достижение одного правового результата – обязанность гражданина или

юридического лица претерпеть назначенное административное наказание.

Сущностью исполнения является практическая реализация административного наказания, назначенного лицу, совершившему административное правонарушение⁵.

Индивидуальные дела, разрешаемые в ходе административного процесса, разнообразны и специфичны. Сам процесс имеет сложную структуру. Единая административно-процессуальная форма не может удовлетворить потребности и правотворчества, и юрисдикции, и других видов деятельности. Точка зрения, представленная в работах В.Д. Сорокина⁶, А.Л. Корнеева⁷ и других, имеет своей целью доказать, что административный процесс не может замыкаться в юрисдикционных рамках, а представляет собой явление более широкого плана. Поэтому Д.Н. Бахрах в структуру административного процесса включает административно-правотворческий процесс (принятие уполномоченными субъектами нормативных административных актов); административно-правонаделительный, или оперативно-распорядительный, процесс (принятие и исполнение оперативно-распорядительных, правонаделительных и иных правоприменительных актов); административно-юрисдикционный процесс (разрешение споров между различными субъектами, а также применение мер административного и дисциплинарного принуждения)⁸. Ю.М. Козлов разделил формы деятельности в административном процессе на две группы: административно-юрисдикционная деятельность (осуществление функций правоохраны в порядке совершения юрисдикционных действий в их традиционном понимании); административно-процедурная деятельность (распорядительные действия по осуществлению установленных административно-правовыми нормами различного рода административных процедур, не связанных с юрисдикцией, реализация разрешительно-лицензионных, регистрационных и прочих функций и полномочий).

⁵ Слышалов И.В. Исполнение административных наказаний, назначаемых за правонарушения в области дорожного движения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 16.

⁶ См.: Сорокин В.Д. Советское административно-процессуальное право. Л., 1976. С. 21.

⁷ См.: Корнеев А.Л. Административное право России : учебник для вузов. М., 1996. С. 56.

⁸ Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник для вузов. М. : Норма, 2001. С. 306.

⁴ См.: Бенедик И.В. Стадии в юридическом процессе: общетеоретические исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1986. С. 11–15; Парыгин Н.П. Указ. соч. С. 21; Семенистый А.В. Указ. соч. С. 23.

Видовое разнообразие административных производств Ю.М. Козлов тоже сводил к двум обобщенным группам: юрисдикционное производство и процедурное производство⁹. Возникает вопрос: к какому виду административного процесса следует отнести деятельность по исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях?

Д.Н. Бахрах считает исполнение принятого по делу об административном правонарушении постановления административно-юрисдикционной деятельностью. По мнению М.Я. Масленникова, административный процесс включает в себя управленческие производства и административно-юрисдикционный процесс, а исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях является заключительной стадией административно-юрисдикционного производства¹⁰. Такой же подход к исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях содержится в исследовании других авторов¹¹.

Позиция тех ученых, которые относят исполнение постановления по делу об административном правонарушении к заключительной стадии административно-юрисдикционного производства, понятна¹². И хотя Л.Л. Попов и А.П. Шергин называют указанную деятельность вспомогательной по отношению к административной юрисдикции, от организации и осуществления которой зависит эффективность юридических санкций¹³, их точка зрения практически не отличается от других, так как

невозможно в теории административного права рассматривать взаимообусловленные правовые институты как работающие и применяемые в отдельности. И в целом административно-юрисдикционную деятельность трудно представить без стадии исполнения наказания уполномоченными на то компетентными органами¹⁴.

Следовательно, место принудительного исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в административном процессе можно представить следующим образом: административный процесс в целом – административно-юрисдикционный процесс – производство по делам об административных правонарушениях – исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях – принудительное исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, исполнение постановления по делам об административных правонарушениях следует понимать как действия уполномоченных на то государственных органов, учреждений (их должностных лиц) по обращению вступившего в законную силу постановления к исполнению, разрешению вопросов, связанных непосредственно с исполнением, окончанию производства по исполнению постановления, а также действия правонарушителя, совершаемые в соответствии с предписаниями постановления органа на заключительной стадии административно-юрисдикционного производства.

Библиографический список

1. Административно-процессуальное право : курс лекций / под. ред. И.Ш. Киясханова. – М. : Юнити-Дана, 2004.
2. Андреев, Е.М. Исполнение административных взысканий органами внутренних дел / Е.М. Андреев [и др]. – М., 1990.

⁹ Козлов Ю.М. Сущность и виды административного процесса // Административное право : учебник / под. ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М. : Юрист, 2000. С. 384.

¹⁰ Масленников М.Я. Административно-юрисдикционный процесс: понятие и соотношение с иными видами процессуально-правовой деятельности // Государство и право. 2001. № 2. С. 19, 163.

¹¹ Комлев С.В. Административно-юрисдикционный процесс : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11, 27.

¹² См.: Якимов А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство // Государство и право. 1989. № 3. С. 9.

¹³ См.; Андреев Е.М. Исполнение административных взысканий органами внутренних дел / Е.М. Андреев [и др]. М., 1990. С. 165.

¹⁴ См.: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. СПб. : Пресс, 2004. С. 47; Административно-процессуальное право : курс лекций / под. ред. И.Ш. Киясханова. М. : Юнити-Дана, 2004. С. 78.

3. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник для вузов. – М. : Норма, 2001.
4. Бенедик, И.В. Стадии в юридическом процессе: общетеоретические исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1986.
5. Козлов, Ю.М. Сущность и виды административного процесса // Административное право : учебник / под. ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М. : Юристъ, 2000.
6. Комлев, С.В. Административно-юрисдикционный процесс : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
7. Корнеев, А.Л. Административное право России : учебник для вузов. – М., 1996.
8. Масленников, М.Я. Административно-юрисдикционный процесс: понятие и соотношение с иными видами процессуально-правовой деятельности // Государство и право. – 2001. – № 2.
9. Парьгин, Н.П. Исполнение постановлений об административных взысканиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1991.
10. Семенистый, А.В. Правовые и организационные основы исполнения органами внутренних дел постановлений о назначении административных наказаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
11. Слышалов, И.В. Исполнение административных наказаний, назначаемых за правонарушения в области дорожного движения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2009.
12. Сорокин В.Д. Советское административно-процессуальное право. – Л., 1976.
13. Сорокин, В.Д. Административно-процессуальное право. – СПб. : Пресс, 2004.
14. Якимов, А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство // Государство и право. – 1989. – № 3.

ИСПОЛНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТНЕСЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ К УГОЛОВНЫМ ПРОСТУПКАМ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

САМБОР Николай Анатольевич

Аннотация. В статье рассматриваются разные подходы к разграничению административных и уголовных правонарушений. Причиной такого разграничения послужила реформа уголовного процессуального законодательства Украины, которой введено новое основание уголовной ответственности – уголовный проступок. Анализируются разные доктринальные подходы к основаниям разграничения административных правонарушений и уголовных проступков. Автором отстаивается точка зрения о том, что именно вид уголовного наказания (административного взыскания), наряду с такими признаками неправомерного деяния, как общественная опасность и способ наложения взыскания, может стать основанием для разграничения административных правонарушений и уголовных проступков.

Annotation. The article discusses different approaches to differentiation of administrative and criminal offenses. The reason for this distinction was the reform of the criminal procedural legislation of Ukraine, which introduced a new ground of criminal liability – criminal offense. We analyze the different doctrinal approaches to the foundations of differentiation of administrative offenses and misdemeanors. Authors defend points of view that it is a form of criminal punishment (administrative penalty), along with such signs of illegal acts as a public danger and the way of imposition of penalty, may be grounds for distinguishing between administrative offenses and criminal offenses.

Ключевые слова: административное правонарушение, уголовный проступок, преступление, административное взыскание, уголовное наказание, исполнение взысканий и наказаний, общественные работы, исправительные работы.

Key words: administrative offense, criminal offense, crime, administrative penalty, criminal penalties, the execution of penalties and punishments, community service, correctional work.

Вот уже почти три года, как в Украине начата реформа уголовно-процессуального законодательства. Айсбергом такой реформы стало принятие 13 апреля 2012 года Уголовно-процессуального кодекса Украины¹, который, следует отметить, не столько адаптировал уголовный процесс к европейским стандартам, сколько породил множество дискуссий вокруг не только процедур производства по уголовным делам, но и привнес явные несоответствия в нормы уголовного материального права и законодательства. Особенностью данного

Уголовного процессуального кодекса стало введение в юридический обиход не только дефиниций уголовно-процессуального права и законодательства, но и, на удивление, внедрение новых понятий уголовного права и законодательства, что не характерно для процессуального права. Ко всему сказанному начало реформирования уголовно-процессуального законодательства послужило толчком для изменения и законодательства об административных правонарушениях.

Усовершенствование законодательства об административных правонарушениях, безусловно, волнует отечественных ученых-юристов, подтверждение этого – значительное число исследований в рамках написания диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, среди которых можем отметить работы В.А. Бабич, О.О. Яковенко, А.В. Стрель-

¹ Кримінальний процесуальний кодекс України, Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України»: чинне законодавство з 19 листопада 2012 року (офіц. текст). Київ: ПАЛІВОДА А.В., 2012. 382 с. (Кодекси України).

никова и др. Указанные исследования в большей степени касаются усовершенствования деятельности специально уполномоченных органов и их должностных лиц по реализации отдельных норм Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) в части привлечения правонарушителей к административной ответственности.

В то же время комплексное изучение реформирования института административного проступка по законодательству Украины, реформирования в целом отрасли законодательства об административных правонарушениях практически не нашли достаточного научного обоснования.

Таким образом, целью данной работы стало исследование перераспределения административных правонарушений в контексте реформирования законодательства об административных и уголовных правонарушениях и отнесения отдельных их составов к уголовным проступкам на основании механизма исполнения административного взыскания и уголовного наказания.

По сути именно реформирование уголовно-процессуального законодательства подтолкнуло к активным действиям по усовершенствованию законодательства об административных правонарушениях. Сейчас возник вопрос о формировании закона об уголовных проступках и разграничении административных правонарушений, уголовного проступка и, собственно, преступления.

Указанное исследование начнем с того, что уголовное правонарушение, согласно Уголовному процессуальному кодексу Украины (далее – УПК Украины), объединяет две весьма важные категории, за которые предусматривается уголовная ответственность. Ведь в п. 7 ч. 1 ст. 3 УПК Украины четко указано то, что закон Украины об уголовной ответственности – это законодательные акты Украины, которые устанавливают уголовную ответственность (Уголовный кодекс Украины и закон Украины об уголовных проступках).

Установив такое нормативное положение в норме-дефиниции, УПК Украины фактически породил коллизию с нормами Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины)², где

в ч. 1 ст. 2 УК Украины указывается о том, что основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Украины (выделено нами. – *Н.С.*).

Поэтому можем констатировать, что данный подход фактически привел к необоснованному переплетению норм материального и процессуального законодательства и к тому же такое перехлестывание норм совсем не обоснованно с точки зрения теории права.

Реформа уголовного процессуального законодательства Украины, вводя в нормы уголовного материального права понятие уголовного проступка как основания уголовной ответственности, фактически подтолкнула законодателя к необходимости пересмотра законодательства об административных правонарушениях в целях формирования составов уголовных проступков и административных правонарушений и разграничения указанных категорий, которые служат основанием двух видов юридической ответственности: административной и уголовной.

Устанавливая уголовную ответственность и основание для ее применения, а именно преступления, в первую очередь возникла необходимость в разграничении асоциальных деяний, и непосредственно преступления от иных правонарушений. Такой категорией разграничения и стала общественная опасность преступления.

Общественная опасность – это объективная категория, она не зависит от воли законодателя. Степень общественной опасности преступного деяния – это мера общественной опасности как отдельного преступления, так и группы преступлений. Определение степени общественной опасности имеет важное значение при решении ряда основных вопросов уголовного права. Рассматриваемая степень лежит в основе классификации преступлений. По степени общественной опасности отличаются друг от друга преступления внутри данной группы преступлений. Кроме того, степень общественной опасности лежит в основе подразделения составов преступления на простые, квалифицированные, особо квалифицированные и составы со смягчающими обстоятельствами. Степень общественной опасности деяний учитывается законодателем при построении уголовно-правовых санкций. Последние

² Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/print1389894158303566> (дата доступу: 19.03.2015).

всегда отражают степень общественной опасности преступлений данного вида³.

Именно на этом признаке преступления и основывается законодательное определение понятия «преступление». Так, в ч. 1 ст. 11 УК Украины записана следующая норма: «Преступлением является предусмотренное настоящим Кодексом общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления», то есть основным разграничительным критерием, который отделяет преступления от иных противоправных действий есть именно общественная опасность такого деяния, и лишь потом следует виновность лица, совершившего такое деяние, то есть субъективная сторона преступления, и завершающей составляющей преступления является лицо, совершившее его.

Категория общественной опасности подвергалась глубокому анализу в науках уголовного права, криминологии, административного права. А.П. Закалюк отстаивал мнение о том, что, во-первых, общественно опасны не только преступления (как много лет считалось и выделялось как существенный признак преступления и преступности), но и другие действия, если они вызывают вред главным условиям жизнедеятельности общества. Во-вторых, общественная опасность определяется как по опасности уже вызванного ущерба, так и по опасности (угрозы) вероятного его причинения в будущем⁴.

Указанную позицию поддержал и Н.И. Хавронюк, который указывает на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 1 УК Украины Уголовный кодекс Украины определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и какие наказания применяются к лицам, их совершившим. Из этого положения следует, в частности, то, что существуют и другие, кроме преступлений, общественно опасные деяния. Поэтому вредность деяния, признаваемого преступлением, раскрывается в ч. 2 ст. 11 через обобщенную формулировку объектов уголовно-правовой охраны, которыми признаются: 1) лицо (физическое или юридическое);

2) общество; 3) государство – и через две разновидности последствий посягательства – 1) реальное причинение существенного вреда; 2) создание реальной угрозы причинения существенного вреда⁵.

Как результат, свидетельством того, что, помимо преступления, существуют и иные общественно опасные деяния, законодатель ввел в УК Украины норму, содержание которой изложено в ч. 2 ст. 11 УК Украины, а именно то, что не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК Украины, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то есть не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству. Такое законодательное положение свидетельствует о том, что общественная опасность в первую очередь характеризуется размером ущерба, который причиняется преступными деяниями, то есть физическим, материальным, имущественным, моральным ущербом.

Очевидно, что именно по такому критерию общественной опасности и отделены сейчас преступления от административных правонарушений. Комплексность данного тезиса подтверждается и положениями КУоАП. Необходимо вспомнить содержание ч. 2 ст. 9 КУоАП о том, что административная ответственность за правонарушения, предусмотренные КУоАП, наступает, если эти нарушения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с законом уголовной ответственности.

Поэтому можем сделать вывод о том, что именно такая характеристика деяния, как общественная опасность может стать основанием для отнесения тех или иных деяний к уголовным проступкам и их исключение из административных правонарушений.

Но это далеко не единственный взгляд на механизмы формирования составов уголовных проступков и их соотношение с административными правонарушениями.

Так, В.Т. Маляренко пишет, что к уголовным проступкам следует отнести администра-

³ Уголовное право России. Общая часть : учебник. 2-е изд., испр и доп. / под ред. В.П. Ревина. М. : Юстицинформ, 2010. URL : <http://lawcanal.ru> (дата обращения: 20.02.2013).

⁴ Закалюк А.П. Курс сучасної української криминології: теорія і практика: у 3 кн. Кн. 1: Теоретичні засади та історія української криминологічної науки. Київ : Ін Юре, 2007. С. 250.

⁵ Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України.[4-е вид., переробл. та доповн.] / за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. Київ : Юридична думка, 2007. С. 48.

тивные правонарушения, которые имеют судебную юрисдикцию, а именно мелкое хулиганство, мелкую кражу чужого имущества, мелкие правонарушения на дорогах и т.д. Ведь только в 2007 году дел о таких деяниях рассмотрено в судах 5 млн 875 тыс.⁶. Считаем, что не подведомственность дел должна играть ведущую роль в принятии решений о переводе административных правонарушений в разряд уголовных проступков, а именно содержание таких проступков, содержание составов правонарушений. Вместе с тем, должны не согласиться с утверждением В.Т. Маляренко, поскольку предложенный им подход приведет к еще большей загруженности не только судебных органов, но и органов досудебного расследования⁷.

Но это далеко не исчерпывающие подходы к механизму определения места уголовных проступков среди таких категорий, как административное правонарушение и преступление. Поскольку мы имеем дело с уголовной ответственностью, очевидным будет использование и подхода к разграничению уголовного проступка и административного правонарушения, который заложен в ныне действующем единственном законе об уголовной ответственности – Уголовном кодексе Украины.

Нормы ст. 12 УК Украины гласят, что в зависимости от степени тяжести преступления делятся на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Преступлением небольшой тяжести является преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет, или другое, более мягкое наказание, за исключением основного наказания в виде штрафа в размере трех тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан. Преступлением средней тяжести является преступление, за которое предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере не более десяти тысяч необлагаемых минимумов доходов гра-

ждан или лишение свободы на срок не более пяти лет. Тяжелым преступлением является преступление, за которое предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере не более двадцати пяти тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан или лишение свободы на срок не более десяти лет. Особо тяжелым преступлением является преступление, за которое предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере более двадцати пяти тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан, лишение свободы на срок свыше десяти лет или пожизненное лишение свободы. Степень тяжести преступления, за совершение которого предусмотрено одновременно основное наказание в виде штрафа и лишения свободы, определяется исходя из срока наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за соответствующее преступление. Как можно увидеть из положений данной статьи УК Украины, именно санкции стали основанием для классификации преступлений, то есть меры государственного принуждения, как ответная мера на общественную опасность преступления, стали основанием для классификации преступлений.

Подытоживая сказанное, увидим, что сложившаяся теория уголовного права и законодательная практика используют несколько подходов, направленных на определение деяний как преступлений: 1) общественная опасность деяния; 2) санкция, которая предусматривает вид и меру уголовного наказания; 3) механизм наложения наказания (в данном случае судебный). Безусловно, скрупулезно подойдя к изучению понятия преступления, личности преступника и самого преступного деяния, можно определить и ряд иных признаков, которые могут лечь в основу классификации деяний, в частности, отнесение их к уголовно наказуемым деяниям.

На наш взгляд, одним из критериев, которые позволили бы определиться с возможностью отнесения отдельных административных правонарушений к уголовным проступкам, есть не только общественная опасность таких деяний и все вышеперечисленные элементы, но и вид взыскания (наказания), который применяется за совершение правонарушений.

Изучение норм действующего законодательства Украины об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Украины позволяют убедиться в том, что законодатель

⁶ Маляренко В. До питання доктрини кримінальної юстиції // Право України. 2009. № 2. С. 14.

⁷ Самбор Н.А. Трансформационные процессы законодательства Украины об административных правонарушениях в условиях реализации реформ уголовного и уголовно-процессуального законодательства: проблемные вопросы // Право и экономика в государствах – бывших республиках СССР: история, современность, проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 декабря 2012 г., г. Санкт-Петербург / под ред. Э.П. Григониса, О.В. Харченко. СПб.: СПБИГО: МНИОЦ, 2013. С. 120.

не слишком утруждал себя в нахождении мер государственного воздействия за совершенные административные правонарушения.

В первую очередь напомним то, что и к уголовным наказаниям, и к административным взысканиям принадлежат общественные работы и исправительные работы (п. 51, 6 ч. 1 ст. 24 КУоАП и п. 4, 5 ч. 1 ст. 51 УК Украины). При этом следует заметить, что общественные работы и исправительные работы как административное взыскание и уголовное наказание по своей сути ничем не отличаются, за исключением строка наложения такого взыскания или наказания.

Начнем с того, что согласно ст. 301 КУоАП общественные работы заключаются в выполнении лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяют органы местного самоуправления. Общественные работы назначаются районным, районным в городе, городским или районным судом (судьей) на срок от двадцати до шестидесяти часов и происходят не более четырех часов в день. Общественные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет. А вот какая норма содержится в ст. 56 УК Украины: «Общественные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяют органы местного самоуправления. Общественные работы устанавливаются на срок от шестидесяти до двухсот сорока часов и происходят не более четырех часов в день. Общественные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, лицам, достигшим пенсионного возраста, а также военнослужащим срочной службы».

Таким образом, общественные работы выполняются лицами, совершившими правонарушения (административные правонарушения и преступления); выполняются в свободное от работы или учебы время; заключаются в выполнении бесплатных общественно полезных работ; указанные виды работ определяют органами местного самоуправления, что указывает на социальную направленность указанных работ для территориальной общины;

выполняются определенными временными промежутками (не более 4 часов в день). Имеют исключения, а именно не могут применяться к лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам. Отличительными чертами общественных работ как административного взыскания и уголовного наказания есть общие строки выполнения общественных работ, а также исключения, то есть перечень лиц, к которым указанные виды наказаний не применяются: общественные работы в качестве уголовного наказания не применяются к военнослужащим срочной службы (такого ограничения к административному взысканию не применяются). Помимо этого, весьма неопределенно используется невозможность применения указанных взысканий и наказаний к лицам, достигшим пенсионного возраста. Фактически до пенсионной реформы в Украине указанные исключения, которые содержатся в ст. 30¹ КУоАП и 56 УК Украины, были аналогичными, но в связи с поднятием пенсионного возраста данные нормы имеют существенные различия. Поскольку, например, женщина в возрасте 56 лет сейчас не является пенсионером, к ней может применяться уголовное наказание в виде общественных работ, но к такой женщине невозможно применить административное взыскание в виде общественных работ.

Перейдем к рассмотрению исправительных работ как административному взысканию и уголовному наказанию. В ст. 31 КУоАП указывается, что исправительные работы применяются на срок до двух месяцев с отбыванием их по месту постоянной работы лица, совершившего административное правонарушение, и с удержанием до двадцати процентов его заработка в доход государства. Исправительные работы назначаются районным, районным в городе, городским или районным судом (судьей). В свою очередь хотим заметить, что норма в УК Украины, которая раскрывает понятие исправительных работ, более скрупулезно раскрывает этот вид уголовного наказания, в том числе дает перечень исключений, связанных с невозможностью применения данного вида наказания. Обратившись к уголовному законодательству, найдем ст. 57 УК Украины, нормы которой свидетельствуют о том, что наказание в виде исправительных работ устанавливается на срок от шести месяцев до двух лет и отбывается по месту работы осужденно-

го. Из суммы заработка осужденного к исправительным работам производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от десяти до двадцати процентов. Исправительные работы не применяются к беременным женщинам и женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, к нетрудоспособным, к лицам, не достигшим шестнадцати лет, и тех, которые достигли пенсионного возраста, а также к военнослужащим, лицам рядового и начальствующего состава Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, работников правоохранительных органов, нотариусов, судей, прокуроров, адвокатов, государственных служащих, должностных лиц органов местного самоуправления. Лицам, ставшим нетрудоспособными после вынесения приговора суда, исправительные работы суд может заменить штрафом из расчета трех установленных законодательством необлагаемых минимумов доходов граждан за один месяц исправительных работ. Из вышесказанного видим, что исправительные работы как административное взыскание и уголовное наказание имеют абсолютные сходства по содержанию.

Помимо этого, данные виды административного взыскания и уголовного наказания имеют не только сходства, но и идентичные механизмы исполнения.

Обратимся именно к нормам КУоАП, которые регламентируют исполнение административного взыскания в виде общественных и исправительных работ, поскольку соответствующие виды уголовного наказания, которые применяются в рамках норм уголовного законодательства, находят логическое продолжение механизма их исполнения в нормах уголовно-исполнительного законодательства. Административно-деликтное законодательство не имеет специального нормативно-правового акта (на уровне закона), который бы регламентировал порядок исполнения административных взысканий. С этой точки зрения КУоАП является универсальным кодифицированным актом, поскольку содержит нормы не только материального административно-деликтного права, но и нормы процессуального административно-деликтного права, а также нормы административно-деликтного исполнительного права. Но такая нагроможденность норм не придает позитивных качеств КУоАП, поскольку

ку данные нормы существенно грешат наличием пробелов, коллизий, вообще неурегулированностью значительного круга административно-деликтных отношений.

Детально остановимся именно на исполнении административных взысканий в виде общественных и исправительных работ.

Согласно ч. 1 ст. 321¹ КУоАП *постановление* районного, районного в городе, городского или горрайонного суда (судьи) *о наложении административного взыскания в виде общественных работ направляется на выполнение* органа центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере исполнения уголовных наказаний, не позднее дня, следующего за днем вступления в законную силу. Статья 322 КУоАП констатирует то, что *постановление* районного, районного в городе, городского или горрайонного суда (судьи) *о наложении административного взыскания в виде исправительных работ направляется на выполнение* органа центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере исполнения уголовных наказаний, не позднее дня, следующего за днем вступления в законную силу (выделено нами. – Н.С.). На первый взгляд, вроде бы ничего такого, что вносило бы противоречия, но...

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Украины⁸ (далее – УИК Украины) уголовно-исполнительное законодательство Украины регламентирует порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний с целью защиты интересов личности, общества и государства путем создания условий для исправления и ресоциализации осужденных, предупреждение совершения новых уголовных правонарушений как осужденными, так и другими лицами, а также предотвращения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с осужденными. И ни единым словом не оговаривается тот факт, что нормы УПК Украины должны регламентировать исполнение административных взысканий.

Также авторы научно-практического комментария Уголовно-исполнительного кодекса

⁸ Кримінально-виконавчий кодекс України від 11 липня 2003 року. URL : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1129-15/print1386940540699857> (дата доступу: 18.03.2015).

Украины подчеркивают тот факт, что уголовно-исполнительное законодательство регламентирует исполнение и отбывание уголовного наказания, назначенного судом. Термин «исполнение наказания» обращен соответственно к органам и учреждениям исполнения наказаний, которые в своей деятельности обязаны реализовать весь комплекс правоограничений, предусмотренных конкретным видом наказания, обеспечить осуществление предоставленных осужденным прав и выполнения ими возложенных обязанностей. Термин «отбывание наказания» обращен к осужденным, которые должны на основании приговора суда, в соответствии с предписаниями, установленными уголовно-исполнительным законодательством, выполнять обязанности, воздержаться от запрещенных действий, осуществлять права и тому подобное⁹. И снова ни единого упоминания об исполнении административных взысканий.

Глава 8 УИК Украины «Исполнение наказаний в виде общественных работ» содержит ст. 36, норма которой гласит о том, что наказание в виде общественных работ отбывается по месту жительства осужденного. Общественные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяют органы местного самоуправления. При этом также ни слова не указывается об исполнении административного взыскания. В то же время ст. 40 УИК Украины содержит нормы о том, что за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде общественных работ, а также нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности, к нему уголовно-исполнительной инспекцией может быть применено предостережение в виде письменного предупреждения о привлечении к уголовной ответственности. Также ст. 41 УИК Украины гласит о том, что *наказание* в виде исправительных работ происходит на предприятии, в учреждении, организации независимо от формы собственности по месту работы осужденного (выделено нами. – *Н.С.*).

Все вышеуказанное свидетельствует об отсутствии комплексного подхода в случае

внесения изменений в действующее законодательство Украины. Приняв соответствующие изменения в КУоАП, связанные с применением в виде административного взыскания общественных и исправительных работ, порядком наложения административных взысканий в виде общественных и исправительных работ, законодатель «забыл» дополнить КУоАП нормами, устанавливающими порядок исполнения указанных административных взысканий, или же дополнить нормы УИК Украины соответствующими положениями, связанными с исполнением общественных и исправительных работ как административных наказаний.

Но суть не в этом. Сейчас предметом нашего исследования становится возможность использования вида наказания (взыскания) в качестве классификационного признака при разграничении административных правонарушений и уголовных проступков.

Исходя из вышеизложенного, можем констатировать следующее: общественные и исправительные работы как административное взыскание и уголовное наказание имеют общие признаки: 1) применяются за совершение запрещенных нормами позитивного права деяний; 2) содержание указанных взысканий и наказаний идентичны; 3) субъект, уполномоченный их применять, также один и тот же – суд; 4) механизм исполнения указанных взысканий и наказаний одинаковый; 5) субъекты, уполномоченные на исполнение указанных наказаний одни и те же – центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере исполнения уголовных наказаний. И вот какие существуют различия между общественными и исправительными работами как административным взысканием и уголовным наказанием: 1) основания применения – совершение административных правонарушений и преступлений; 2) вид юридической ответственности, в рамках которой применяются вышеуказанные взыскания и наказания; 3) сроки применения указанных взысканий и наказаний; 4) исключения, а именно лица, к которым указанные административные взыскания и уголовные наказания не могут применяться.

Учитывая выделенные сходные и отличительные черты общественных и исправительных работ как административного взыскания и уголовного наказания, считаем, что правонарушения, за совершение которых могут при-

⁹ Кримінально-виконавчий кодекс України : науково-практичний коментар / А.Х. Степанюк, І.С. Яковець ; за заг. ред. А.Х. Степанюкаю Харків : Одісей, 2005. С. 6.

меняться указанные меры государственного принуждения, должны иметь одну природу юридической ответственности. И в данном случае этой ответственностью должна стать именно уголовная. Поэтому считаем, что в процессе осуществления дальнейших шагов по реформированию уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях необходимо отойти от практики применения за совершение разных видов правонарушений и в ходе применения разных видов юридической ответственности одних и тех же видов государственного принуждения. Это позволит четко градуировать правонарушения по степени их общественной опасности, ведь санкции, которые применяются к правонарушителям, адекватно воспроизводят именно степень общественной опасности совершенного деяния.

На наш взгляд, использование указанных подходов в реформировании уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях позитивно отразится на качестве таких законов, ясности норм для граждан, а также обеспечит эффективную защиту прав, свобод и интересов граждан от противоправных деяний, приблизит национальное законодательство к мировым идеалам принципа верховенства права, защиты и охраны прав, свобод и интересов человека и гражданина. А также позволит усовершенствовать вопросы применения мер юридической ответственности, эффективного противодействия общественно опасным деяниям, надлежащей их правовой квалификации, а также адекватности мер государственного реагирования на совершения таких противоправных деяний со стороны лиц, их совершивших.

Библиографический список

1. Кримінальний процесуальний кодекс України, Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» : чинне законодавство з 19 листопада 2012 року: (офіц. текст). – Київ : ПАЛИВОДА А.В., 2012. – 382 с. – (Кодекси України).
2. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 7 грудня 1984 року (статті 1–21220) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/80731-10/print1386940540699857>; (ст. 213–330) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/80732-10/print1386940540699857> (дата доступу: 18.03.2015).
3. Кримінально-виконавчий кодекс України від 11 липня 2003 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1129-15/print1386940540699857> (дата доступу: 18.03.2015).
4. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/print1389894158303566> (дата доступу: 19.03.2015).
5. Закалюк, А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3 кн. – Кн. 1: Теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. – Київ : Ін Юре, 2007. – 424 с.
6. Кримінально-виконавчий кодекс України: Науково-практичний коментар / А.Х. Степанюк, І.С. Яковець ; за заг. ред. Степанюка А.Х. – Харків : Одиссей, 2005. – 560 с.
7. Маляренко, В. До питання доктрини кримінальної юстиції // Право України. – 2009. – № 2. – С. 11–23.
8. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. [4-е вид., переробл. та доповн.] / за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. – Київ : Юридична думка, 2007. – 1184 с.
9. Самбор, Н.А. Трансформационные процессы законодательства Украины об административных правонарушениях в условиях реализации реформ уголовного и уголовно-процессуального законодательства: проблемные вопросы // Право и экономика в государствах – бывших республиках СССР: история, современность, проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 декабря 2012 г., г. Санкт-Петербург / под ред. Э.П. Григониса, О.В. Харченко. – СПб. : СПБИГО : МНИОЦ, 2013. – С. 114–120.
10. Уголовное право России. Общая часть : учебник. – 2-е изд., испр и доп. [Электронный ресурс] / под ред. В.П. Ревина. – М. : Юстицинформ, 2010. – Режим доступа : <http://lawcanal.ru> (дата доступа: 20.02.2013).

ОБ ОПЫТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОГРАММ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

КОБЕЦ Пётр Николаевич,
КРАСНОВА Кристина Александровна

Аннотация. Статья посвящена исследованию практики Европейского союза в сфере защиты свидетелей в рамках уголовного судопроизводства. Рассматриваются различные варианты организации программ защиты свидетелей, а также руководящая роль Европола в координации сотрудничества государств – членов ЕС в сфере защиты свидетелей.

Annotation. Article is devoted to research of practice of the European Union in the sphere of witness protection within criminal legal proceedings. Various options of the organization of witness protection programs and the role of Europol in coordination of EU member states cooperation in the sphere of witness protection are considered.

Ключевые слова: Европол, программа защиты свидетелей, меры безопасности, сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Key words: Europol, witness protection program, security measures, cooperation in criminal matters.

Защита свидетелей в Европейском союзе (далее – ЕС) относится к сфере уголовно-правовой политики, которая долгое время исключала наднациональный элемент. Как отмечается в литературе, первоначально учредительные договоры Европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС и Евроатом) не содержали каких-либо положений о сотрудничестве в уголовно-правовой сфере ввиду того, что их основной целью было развитие интеграции в социально-экономической области, а вопросы уголовной политики оставались в исключительной компетенции государств-членов¹. Становление европейской системы защиты свидетелей, этапным моментом которого явилось учреждение Европола (на основе Маастрихтского договора 1992 года) и начало его полноценной деятельности в 1999 году – яркое свидетельство того, насколько чувствительной сферой для государств – членов ЕС является пространство свободы, безопасности и правосудия в такой, в общем-то, динамично развивающейся системе, как европейское право.

Под *защитой свидетелей* понимается обеспечение их анонимности, предотвращение публичного разглашения установочных данных, особенно тех свидетелей, здоровье и жизнь

которых находятся под угрозой реальных посягательств со стороны преступных элементов².

Основными целями защиты свидетелей в ЕС являются:

– Testify before courts – защита свидетеля от посягательств и запугивания и обеспечение его публичного выступления, когда речь идет об организованной преступности и терроризме;

– Protection life – защита жизни, здоровья свидетеля и его близких;

– Social integration – помощь в поиске новой работы, школы для детей при переселении свидетеля и членов его семьи на другое место жительства.

Имеющееся разнообразие мер защиты свидетелей обусловлено различными правовыми системами государств – членов ЕС, их правовыми традициями, а также состоянием борьбы с преступностью в целом и ее организованной частью. Эксперты связывают увеличение числа программ защиты свидетелей (WPP) в ЕС именно с ростом числа проявлений организованной преступности и расширением сфер деятельности террористических групп.

Как отмечается в зарубежных источниках, круг преступлений, в связи с совершением ко-

¹ См.: Коррупция: природа, проявление, противодействие: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2012. С. 103.

² Иванов И.С. Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве // Российский следователь. 2013. № 6. С. 43.

торых применима защита свидетелей, также варьируется от страны к стране. Так, в *Бельгии* и *Италии* меры защиты применяются в случае совершения специфических преступлений (дела, касающиеся наркотиков, деятельности мафии или умышленных убийств либо любого преступления, наказываемого лишением свободы на срок от 5 до 20 лет)³. Некоторые страны пошли по пути включения в свои программы исчерпывающего списка преступлений (*Румыния*), а другие упоминают только о «тяжких» или «серьезных» преступлениях (*Литва*), организованной преступности (*Венгрия*) либо не упоминают о конкретных преступлениях вовсе, что дает право участия в программе свидетелям преступлений любого рода (*Словакия, Словения*)⁴. В Российской Федерации на законодательном уровне круг преступлений также не ограничен. Отечественная практика складывается по пути применения мер безопасности в отношении свидетелей при расследовании: преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ (82,8 %), преступлений против собственности (6,4 %), дел о терроризме и организованной преступности (2 %)⁵.

С учетом принципов национального права и имеющихся финансовых средств меры защиты могут быть достаточно простыми и включать в себя физическую защиту (полицейскую охрану, задержание в целях защиты либо укрытие в безопасном месте). Уголовно-процессуальное законодательство ряда государств – членов ЕС предусматривает полное или частичное неразглашение информации о личности и местонахождении свидетеля и принятие правил доказывания, позволяющих давать свидетельские показания таким образом, чтобы при этом была обеспечена безопасность свидетеля при помощи средств видеоконференц-связи или других современных коммуникационных технологий.

Вместе с тем, суды некоторых стран (например, *Австрии*) считают использование ин-

формационных технологий для дачи свидетелем показаний неприемлемым и нарушающим права обвиняемого. Поэтому требуют непосредственного присутствия свидетеля на судебном разбирательстве уголовного дела. При расследовании дел об организованной преступности может сложиться ситуация невозможности обеспечения безопасности свидетеля, дающего показания, при помощи обычной полицейской охраны. В таких случаях требуются исключительные меры, включающие выдачу нового удостоверения личности и/или переселение свидетеля в пределах страны или за рубеж на ограниченный период времени или даже навсегда⁶.

Институциональная основа защиты свидетелей в ЕС варьируется в зависимости от государства-члена. В большинстве государств – членов ЕС существует национальная либо федеральная программы защиты свидетелей. Некоторые страны (*Великобритания, Германия, Испания*) принимают также региональные или местные программы.

На практике программы защиты свидетелей могут осуществляться на базе полицейских структур (*Австрия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Словакия*), прокуратуры (*Нидерланды*) или системы юстиции (*Италия*).

В Италии программа защиты свидетелей осуществляется межведомственными органами соответственно Центральной Комиссией в составе заместителя министра внутренних дел, двоих судей или прокуроров и пяти экспертов по организованной преступности. В Словакии министром юстиции назначена постоянно действующая комиссия в лице двух сотрудников полиции, прокурора, судьи и представителя пенитенциарной системы⁷. В Бельгии решение о включении в программу принимает комиссия, в которую входят представители прокуратуры и Генеральный директор Федеральной судебной комиссии⁸. В Германии, в отличие от

⁶ Типовой закон ЮНОДК о защите свидетелей: пояснительные замечания.

⁷ По информации представителей Словакии на Шестом практическом учебном курсе российских и европейских специалистов по вопросам защиты свидетелей в рамках судопроизводства (13–17 июня 2011 г., Братислава – Вена).

⁸ См.: Хоффман Д. Защита свидетелей в Бельгии, структурная схема правового обеспечения // Обеспечение защиты свидетелей, участвующих в противодействии организованной преступности и терроризму: материалы Междунар. семинара, 14–15 июня 2007 г. М., 2008. С. 29.

³ Piotr Bakowski. Witness protection programs: EU experience in the international context // Library Briefing: Library of the European Parliament. 28.01.2013. P. 5.

⁴ Типовой закон ЮНОДК о защите свидетелей: пояснительные замечания. URL : <https://cms.unov.org/>

⁵ См.: Мазова Е.И. Ролевая функция оперативно-разыскной деятельности в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Российский следователь. 2013. № 6. С. 27.

названных стран, в принятии соответствующего коллегиального решения участвуют и представители органа, которому предстоит осуществлять меры безопасности. В Австрии решение о включении лица в программу защиты свидетелей отнесено к исключительной компетенции специально созданного для ее реализации подразделения – Службы защиты (*Zeugen-shutzerlass*).

По мнению Л.В. Брусницына, каждый из существующих вариантов имеет плюсы и минусы. Коллегиальность в решении вопроса позволяет принять более взвешенное, обоснованное решение о начале программы защиты свидетелей, но при этом сведения о защищаемом лице становятся известны большему кругу лиц, что нежелательно. Принятие решения одним субъектом, тем более который будет осуществлять защиту, обеспечит наибольшую степень ее конфиденциальности, однако в этом случае возможно снижение обоснованности решения⁹.

В структурном отношении они делятся на два компонента: руководящий орган (орган по защите) и учреждение-исполнитель (подразделение по защите). Это разделение может быть не столь заметным в некоторых юрисдикциях, где программа защиты реализуется полицейскими структурами и где решения о включении в программу и исключении из нее принимаются комиссаром или представителем полиции, который также осуществляет надзор за работой подразделения. Даже в этих случаях решения принимаются объективно и на основе строго определенных критериев, с тем, чтобы эта программа не воспринималась как награда свидетелям за оказанное содействие.

Надо отметить, что существует определенная специфика в отборе свидетелей для участия в программе и подаче заявления на включение в программу.

Как правило, правом на участие в программе обладают сами свидетели, а также члены их семей и близкие им лица. В *Австрии, Латвии, Нидерландах, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии* в программу могут быть включены и осведомители. В *Германии, Италии, Словакии* право

на участие в программе защиты имеют только те свидетели, которые участвуют в уголовном процессе и дают показания.

В некоторых странах подавать заявление о включении в программу защиты от имени свидетеля разрешается широкому кругу лиц. В других странах это право имеет только лицо, которому что-либо угрожает, следственные органы и прокуроры (*Венгрия*). В *Словении* право подавать заявления о включении в программу принадлежит исключительно генеральному прокурору.

Право принимать заявления о включении в программу имеют полицейские службы, прокурорские органы и суды (*Венгрия, Словакия*).

Должностное лицо, принимающее заявление, не следует путать с органом по защите свидетелей, принимающим решение о включении в программу. Принимающее заявление учреждение только препровождает его органу по защите вместе с оценкой степени угрозы жизни свидетеля.

Надо сказать, что система защиты свидетелей в ЕС принципиально отличается своим подходом к данному направлению деятельности правоохранительных органов. Используется подход *Risk management* (управление рисками), который может быть представлен в виде четырех этапов деятельности.

На первом этапе проводится оценка угроз, направленных в адрес свидетеля. Результаты оценки угроз имеют большое значение для выбора мер защиты свидетеля и в решении вопроса о необходимости включения свидетеля в Программу защиты свидетелей либо использовании иных процессуальных способов защиты свидетеля, не требующих проведения дорогостоящих программ и включения в Программу.

На втором этапе проводится классификация рисков по уровням опасности (высокий, средний, низкий), которая позволяет понять, какие меры по защите свидетеля необходимо принять сотрудникам полиции. Например, высокий (красный) уровень риска характерен для рисков свидетеля по делам об организованной преступности.

На третьем этапе проводится анализ факторов риска и оценка их значимости с целью установления вероятности наступления определенных нежелательных для свидетеля событий, которые отрицательно повлияют на достижение целей уголовного судопроизводства. Анализ рисков включает оценку рисков и ме-

⁹ См.: Брусницын Л.В. Полномочия должностных лиц по обеспечению безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию // Государство и право. 2012. № 9. С. 52–64.

тоды снижения рисков или уменьшения связанных с ними неблагоприятных последствий, которые могут быть предотвращены сотрудниками правоохранительных органов.

На четвертом этапе осуществляется контроль за реализуемыми в отношении свидетеля мерами безопасности.

Таким образом, при включении в программу производится оценка критериев, которые являются общими для всех национальных законов: расследование серьезных преступлений и судебное преследование виновных; наличие серьезной угрозы жизни свидетеля и его/ее близких родственников в связи с данным делом (угроза); высокая вероятность претворения этой угрозы в жизнь (риск); добровольность участия в программе; пригодность свидетеля (личностные, психологические качества).

Рассмотрим особенности организации программ защиты свидетелей на примере некоторых государств – членов ЕС.

Мероприятия по обеспечению личной и специальной безопасности свидетелей в *Австрии* осуществляются различными подразделениями полиции на основе внутриведомственного взаимодействия до тех пор, пока существует опасность в отношении защищаемого лица¹⁰.

В *ФРГ* при уголовной полиции земель и федеральном управлении уголовной полиции созданы координационные пункты охраны свидетелей, призванные определять специфические меры охраны и координировать деятельность соответствующих подразделений полиции, контролирующие все контакты защищаемого лица, находящиеся за пределами следственных действий. После включения свидетеля в программу защиты ответственность за его безопасность ложится на соответствующие пункты охраны, причем вызов в судебные и правоохранительные органы для участия в уголовном процессе также осуществляется через эти подразделения. В *ФРГ* применяются две системы обеспечения безопасности свидетеля: долговременная защита, которая обеспечивается всеми доступными полицейскими методами (охрана по месту его жительства, работы, в общественном месте и особенно в зале суда), и вторая система мероприятий

обеспечения безопасности, полностью изолирующая свидетеля от внешнего мира и направленная главным образом на оказание содействия защищаемому лицу в выборе нового места жительства, работы, в занятии собственным бизнесом, а также в оказании необходимой помощи материального плана.

Италия имеет свою специальную программу о защите свидетелей, руководство которой осуществляет Департамент общественной безопасности Министерства внутренних дел через специальную центральную службу защиты и через Канцелярию Государственного обвинителя по делам, возбужденным против мафии (*Prokuratore Nazionale Antimafia*). Эта программа применяется в случаях, когда принимаемые в соответствии с действующим законодательством меры по защите свидетелей оказываются недостаточно эффективными.

Во *Франции* координацию и руководство всеми программами по защите лиц, содействующих уголовному судопроизводству, осуществляет Бюро по делам жертв преступлений при Министерстве юстиции. Кроме того, в этой стране учрежден межминистерский комитет и Национальный институт помощи жертвам и посредничества (*ИНАВЕМ*), которые оказывают помощь и координируют мероприятия 150 обществ и отделов, поддерживаемых как государством, так и органами самоуправления.

Обязанности по применению мер безопасности в отношении защищаемых лиц в установленных законодательством *Великобритании* случаях возлагаются на сотрудников Специальной Службы безопасности свидетелей (жертв преступлений). Они сопровождают свидетелей в судебные инстанции, информируют их о процессуальных решениях по делу, например, об освобождении обвиняемого под залог, а также консультируют по вопросам соблюдения мер безопасности. В этой стране существует телефон помощи жертвам преступлений, по которому они могут в любое время обратиться с различными вопросами за содействием, выяснить, где отбывают наказание их обидчики, а также срок их освобождения.

Нельзя не упомянуть о координирующей роли полицейского агентства ЕС (*Европол*) в решении вопросов сотрудничества государств – членов ЕС в сфере защиты свидетелей. Одним из достижений *Европола* можно назвать созданную им неформальную сеть,

¹⁰ См.: Фадеева М.П. Утверждена программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

объединяющую учреждения по защите свидетелей государств – членов ЕС и присоединяющихся к нему стран. Ее участники регулярно встречаются для обсуждения ситуации в области защиты свидетелей, обмена информацией и позитивным опытом, формулирования рекомендаций по согласованию национального законодательства и разработки оптимальных подходов для учреждений, занимающихся защитой свидетелей в государствах – членах ЕС. Сеть постепенно расширяется за счет присоединения к ней представителей других стран, имеющих обширный опыт в области защиты свидетелей – таких, как Австралия, Канада, Новая Зеландия, США и Южная Африка.

В качестве учреждения с правами юридического лица Европол уполномочен устанавливать сотрудничество с не входящими в Европейский союз («третьими») государствами, а равно с международными организациями и учреждениями, включая Интерпол на основе дву- и многосторонних договоров. Одно из таких соглашений закрепляет основы сотрудничества Европола с Российской Федерацией (2004).

Таким образом, защита свидетелей является одним из приоритетных направлений

европейского полицейского сотрудничества. Европейский союз поддерживает действия, направленные на повышение уровня межгосударственного сотрудничества (например, укрепление доверия и взаимопонимания, обмен оперативной информацией, опытом и результатами передовой практики, создание общеевропейских сетей и единых баз данных). Другие финансируемые ЕС мероприятия включают: мониторинг и оценку деятельности; разработку и передачу технологий и методологии; обучение, обмен информацией и повышение уровня осведомленности; распространение положительного опыта¹¹. Европейский союз оказывает помощь государствам-членам путем финансирования программ защиты свидетелей¹² и действия в развитии региональной кооперации по вопросам защиты свидетелей.

В заключение отметим, что европейский подход базируется на том положении, что защита свидетелей не должна восприниматься как награда свидетелю за сотрудничество с правоохранительными органами. Вместо этого она должна рассматриваться как уникальное средство защиты жизни свидетеля и оказания поддержки системе уголовного правосудия.

Библиографический список

1. Брусницын, Л.В. Полномочия должностных лиц по обеспечению безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию // Государство и право. – 2012. – № 9.
2. Иванов, И.С. Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве // Российский следователь. – 2013. – № 6.
3. Коррупция: природа, проявление, противодействие : монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М. : Юриспруденция, 2012.
4. Мазова, Е.И. Ролевая функция оперативно-разыскной деятельности в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Российский следователь. – 2013. – № 6.
5. Типовой закон ЮНОДК о защите свидетелей: пояснительные замечания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cms.unov.org/>

¹¹ См. подробнее: European Commission: Prevention of and Fight against Crime (ISEC). URL : // http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/security-and-safeguarding-liberties/prevention-of-and-fight-against-crime/index_en.htm

¹² См., например: Council Decision of 12 February 2007 establishing for the period 2007 to 2013, as part of General Programme on Security and Safeguarding Liberties, the Specific Programme “Prevention of and Fight against Crime” (2007/125/JHA) // Official Journal of the European Union 24.2.2007. L 58/7. Одним из четырех ключевых элементов программы является защита и поддержка свидетелей (witness protection and support). Бюджет данной программы составляет EUR 600 миллионов. Более детально направления финансовых потоков расписаны в ежегодных рабочих программах борьбы с преступностью.

6. Фадеева, М.П. Утверждена программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Хоффман, Д. Защита свидетелей в Бельгии, структурная схема правового обеспечения // Обеспечение защиты свидетелей, участвующих в противодействии организованной преступности и терроризму : материалы Междунар. Семинара, 14–15 июня 2007 г. – М., 2008.
8. Council Decision of 12 February 2007 establishing for the period 2007 to 2013, as part of General Programme on Security and Safeguarding Liberties, the Specific Programme “Prevention of and Fight against Crime” (2007/125/JHA) // Official Journal of the European Union 24.2.2007. L 58/7.
9. European Commission: Prevention of and Fight against Crime (ISEC) [Electronic resource]. – Mode of access : http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/security-and-safeguarding-liberties/prevention-of-and-fight-against-crime/index_en.htm
10. Bakowski, P. Witness protection programs: EU experience in the international context // Library Briefing: Library of the European Parliament. 28.01.2013.

ТОЛКОВАНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)

ЛЕСНИКОВ Геннадий Юрьевич,
АЛЕКСАНДРОВ Андрей Иванович

Аннотация. В статье проанализированы ключевые дела Европейского суда по правам человека, дающие толкование принципу законности. Отмечается повышенное значение принципа законности и результатов его толкования в постановлениях ЕСПЧ в качестве ориентиров для отечественной судебной практики. Делается вывод о неизбежности судебного толкования при применении норм уголовных законов.

Annotation. In article the key affairs of the European Court of Human Rights giving interpretation to the principle of legality are analysed. The increased value of the principle of legality and results of its interpretation in resolutions of ECHR as reference points for domestic jurisprudence is noted. The conclusion about inevitability of judicial interpretation at application of standards of criminal laws is drawn.

Ключевые слова: уголовная политика, принципы уголовно-правовой политики, принцип законности, уголовный закон, судебное толкование.

Key words: criminal policy, principles of criminal and legal policy, principle of legality, criminal law, judicial interpretation.

В отечественном уголовном праве проблемы борьбы с преступностью решаются путем воздействия на нее с помощью имеющихся в уголовном законе правовых средств, направленных на минимизацию ее уровня. Необходимо отметить, что формирование и проведение активной политики в сфере борьбы с преступностью выступает в качестве самостоятельной функции государства.

Под уголовной политикой понимается часть социальной политики в области борьбы с преступностью, которая связана с применением наказания в качестве средства борьбы с преступностью¹. По мнению Г.Ю. Лесникова, уголовная политика включает в себя систему принципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства². Построение адекватной современным социально-экономическим реали-

ям уголовной политики предполагает наличие ясных предписаний в области регулирования уголовно-правовых отношений. В этой связи вполне обоснованно повышенное внимание исследователей к принципам уголовной политики.

Важность принципов уголовно-правовой политики как основы борьбы с преступностью неоднократно подчеркивалась в специальной литературе³. Особо отмечается, что «принципы права не просто декларируют идеи правовой политики, но и также оказывают непосредственное регулирующее воздействие на граждан»⁴. Тем самым, как пишет Т.Р. Сабитов, «принципы уголовно-правовой политики – это и есть то интегрирующее начало, исследование которого позволяет определить, какие идеи вкладываются изначально в статический и динамический компоненты права»⁵. Таким образом, специалисты уголовного права в основном исходят из примата принципов уголовно-правовой политики над уголовно-правовыми принципами.

В основе системы отечественного уголовного права лежат общепризнанные в мировом

¹ См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. С. 15.

² См.: Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России: методологические, правовые и организационные основы: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-politika-sovremennoy-rossii-metodologicheskie-pravovye-i-organizatsionnye-osnovy> (дата обращения: 19.11.2014).

³ См., например: Беляев Н.А. Указ. соч. С. 30.

⁴ Сабитов Т.Р. Система уголовно-правовых принципов: монография. М.: Проспект, 2012. С. 71.

⁵ Там же. С. 37.

сообществе принципы: законности, равенства, вины, справедливости, гуманизма.

В рамках настоящей статьи остановимся подробнее на толковании первого из них. Необходимость обращения к вопросу толкования одного из основных принципов российского уголовного права – принципа законности – вызвана тем, что многие его аспекты, весьма важные для отечественной судебной практики, до сих пор не нашли своего однозначного решения в теории.

В отечественном уголовном праве принцип законности включает в себя два положения: во-первых, преступность деяния, его наказуемость, а также иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом; во-вторых, применение уголовного закона по аналогии не допускается (ст. 3). Как отмечается в специальной литературе, применительно к принципу законности «правоприменитель не может по произвольному, а тем более произвольному усмотрению добавить или домыслить закон такими положениями, которые в нем не содержатся. Закон и только закон определяет преступность и наказуемость деяния. Любой открытый или завуалированный выход правоприменителя за пределы этого императива – грубейшее нарушение принципа законности»⁶.

Российская Федерация является частью мирового сообщества, поэтому уголовно-правовая политика в ней реализуется с учетом не только общепризнанных принципов и норм международного права, но и зарубежного опыта в данной области. В этой связи представляет особый интерес зарубежный опыт закрепления и реализации в уголовном законодательстве принципа законности. В рамках настоящей статьи рассмотрим его на примере уголовного законодательства ряда европейских стран – членов Совета Европы.

Федеративная Республика Германия. Принцип законности закреплен в § 1 Уголовного кодекса ФРГ 1871 года: «Деяние подлежит уголовному наказанию только в том случае, если наказуемость была установлена законом до совершения деяния»⁷. Следует отме-

тить, что, в отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации, в законодательстве ФРГ преступность и наказуемость деяния может определяться отдельными федеральными законами и законодательством земель (дополнительное уголовное право).

Франция. Принцип законности закреплен в ст. 113-3 УК Франции 1992 года: «Никто не может быть подвергнут наказанию за преступление или проступок, элементы которого не определены регламентом. Никто не может быть подвергнут наказанию, которое не предусмотрено законом, если преступное деяние является преступлением или проступком; или не предусмотрено регламентом, если преступное деяние является нарушением»⁸. Другими словами, во французском законодательстве уголовно-правовые нормы, помимо Уголовного кодекса Франции, содержатся также в регламентах – актах исполнительной власти. Следует отметить, что указанная норма имеет существенное дополнение о необходимости строгого толкования уголовного закона, содержащееся в ст. 111-4 УК Франции.

Англия. Принцип законности не нашел своего закрепления в уголовно-правовой системе Англии, состоящей из судебных прецедентов и статутного законодательства⁹. В этой связи особое значение имеет принцип определенности, требующий максимальной четкости и недвусмысленности при составлении статутного законодательства. Наличие неопределенности потребует дальнейшего толкования судьями при его применении. Если буквальное толкование закона приводит к абсурдному результату, то оно не применяется. Если же возможно несколько толкований, то применяется то, которое будет наиболее последовательным¹⁰. Важное замечание в этой связи сделал английский юрист Р. Уолкер: если статут, устанавливающий уголовную ответственность, содержит двусмысленные или неопределенные положения, то они должны толковаться в пользу индивидуума¹¹.

Молдова. В УК Молдовы содержится указание на обязательность строгого толкования

⁶ Ляпунов Ю.И. Комментарий к статье 3 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013.

⁷ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и науч.-практ. коммент. / пер. с нем., примеч., коммент. П.В. Головненкова; вступ. ст. А.И. Рарога, У.В. Хелльманна. М., 2011. С. 24.

⁸ См.: Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 68–69.

⁹ Напомним, что уголовное законодательство Великобритании не кодифицировано.

¹⁰ См.: Сабитов Т.Р. Указ. соч. С. 78.

¹¹ См.: Уголовное право буржуазных стран. Общая часть. Сборник законодательных актов / под ред. А.Н. Игнатова, И.Д. Козочкина. М., 1990. С. 11.

уголовного закона¹². При этом запрещено не только применение уголовного закона по аналогии, но и расширительное толкование уголовного закона, ухудшающее положение лица (ч. 2 ст. 3 УК Молдовы)¹³. Следует согласиться с Т.Р. Сабитовым, что данное положение имеет существенный недостаток: его можно использовать для уклонения от уголовной ответственности или ее необоснованного смягчения¹⁴.

В условиях юридической обязательности для Российской Федерации решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ)¹⁵, содержащих официальное толкование норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней¹⁶, возникает желание поближе познакомиться с эволюцией понимания данного принципа в практике ЕСПЧ.

Уголовно-правовой принцип законности был заложен в ст. 7 Конвенции («Наказание исключительно на основании закона»). Так, в первой части указанной статьи закреплено, что «никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое, согласно действовавшему в момент его совершения национальному или междуна-

родному праву, не являлось уголовным преступлением»¹⁷.

В решении по делу *S.W. против Соединенного Королевства* (судебное решение от 22 ноября 1995 года) суд подчеркивает, что гарантия, о которой говорит ст. 7, является «неотъемлемым элементом верховенства права, занимает видное место в системе защиты, осуществляемой Конвенцией... Статью 7 следует толковать и применять так, как это вытекает из ее предмета и цели, таким образом, чтобы обеспечить эффективную защиту от произвольного преследования, осуждения и наказания»¹⁸.

В период становления европейской системы защиты прав человека данный принцип понимался однозначно – «нет наказания без закона». Такая позиция подтверждается постановлением по делу о «бродяжничестве» (судебное решение от 18 июня 1971 года). Так, бельгийские подданные Ж. де Вильде, Ф. Оомс, Э. Версип в разное время и в разных городах страны были задержаны полицией за бродяжничество. Статья 347 Уголовного кодекса Бельгии¹⁹ определяет бродягу как лицо, которое «не имеет определенного местожительства, средств к существованию и занятия». Бродяжничество квалифицируется как уголовное правонарушение при наличии всех трех критериев, а также, если лицо ранее уже привлекалось за бродяжничество. Задержанные полицией лица предстали перед полицейскими судами (в составе одного судьи, именуемого мировым судьей), которые приняли решение, предписывающее административным властям поместить этих лиц в специальные учреждения, где они должны заниматься трудовой деятельностью. В 1966 году эти лица подали жалобы в Европейскую комиссию по правам человека, обвинив бельгийские власти в нарушении восьми статей Конвенции, в том числе и ст. 7. Суд пришел к заключению, что ст. 7 к данному делу не относится. Простое бро-

¹² Предложения о внесении соответствующего дополнения в ст. 3 УК РФ неоднократно высказывались в специальной литературе. Об этом см., например: Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. М., 2003. С. 21; Кияйкин Д.В. Уголовно-правовой принцип законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

¹³ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 19.11.2014).

¹⁴ См.: Сабитов Т.Р. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации. См.: Статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

¹⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 30 марта 1998 г., но не ратифицировала 6, 12, 13-й протоколы к Конвенции. Российская Федерация ратифицировала 14-й протокол 18 февраля 2010 г., и он вступил в силу 1 июня 2010 г.

¹⁷ Европейская конвенция по правам человека, измененная и дополненная протоколами № 11 и 14 в сопровождении Дополнительного протокола и протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. (дата обращения: 19.11.2014). С. 10–11.

¹⁸ *S.W. против Соединенного Королевства*. URL: http://eur.court.eu/uploads/ECHR_S_W_v_the_United_Kingdom_22_11_1995.pdf. (дата обращения: 19.11.2014).

¹⁹ Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н.И. Мацнева; пер. с фр. Г.И. Мачковского. М.: Юридический центр Пресс, 2004.

деяжничество не составляет «правонарушения» (уголовного. – Г.Л., А.А.) по бельгийскому закону и мировой судья не признал заявителей «виновными» и не наложил на них «штраф»²⁰.

В дальнейшем рассматриваемый принцип явился основанием для вынесения ЕСПЧ решения по делу «Кантони против Франции» (судебное решение от 15 ноября 1996 года). Как следует из обстоятельств дела, заявитель (менеджер супермаркета) считает себя необоснованно осужденным за незаконную продажу фармацевтической продукции, потому что определение «лекарственного препарата» слишком неточно во французском законодательстве и почти дословно базируется на директиве Европейского экономического сообщества²¹. В постановлении ЕСПЧ констатировал, что нарушения ст. 7 Конвенции не было, мотивировав это невозможностью дать более совершенное определение указанному понятию путем

исчерпывающего перечисления препаратов, поскольку они многочисленны и постоянно обновляются. А заявителю была известна точка зрения Кассационного суда Франции на определение понятия «лекарственного препарата» для уголовно-правовых целей²².

Таким образом, приведенные нами примеры подтверждают, что ЕСПЧ в трактовке принципа законности исходит из необходимости оценки действий (бездействия) конкретного лица с помощью толкования действующего уголовного законодательства и наработанной судебной практики.

В заключение хотелось бы отметить, что при применении норм уголовного закона неизбежно судебное толкование, соответствующее правовой природе преступления и обстоятельствам конкретного уголовного дела. В связи с этим важным ориентиром для судебной практики является принцип законности и результаты его толкования в постановлениях ЕСПЧ.

Библиографический список

1. Европейская конвенция по правам человека, измененная и дополненная протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 19.11.2014).
2. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СЗ РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.
3. Беляев, Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986.
4. Де Вильде (De Wilde), Оомс (Ooms) и Версип (Versyp) против Бельгии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://european-court.ru/uploads/ECHR_De_Wilde_Ooms_and_Versyp_v_Belgium_18_06_1971.pdf (дата обращения: 19.11.2014).
5. Иванов, Н.Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. – М., 2003.
6. Кияйкин, Д.В. Уголовно-правовой принцип законности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
7. Лесников, Г.Ю. Уголовная политика современной России: методологические, правовые и организационные основы [Электронный ресурс] : автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-politika-sovremennoi-rossii-metodologicheskie-pravovye-i-organizatsionnye-osnovy> (дата обращения: 19.11.2014).
8. Ляпунов, Ю.И. Комментарий к статье 3 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2013.
9. Ругина, О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. – М. : Юрлитинформ, 2014.

²⁰ Де Вильде (De Wilde), Оомс (Ooms) и Версип (Versyp) против Бельгии. URL : http://european-court.ru/uploads/ECHR_De_Wilde_Ooms_and_Versyp_v_Belgium_18_06_1971.pdf (дата обращения: 19.11.2014).

²¹ *Cantoni v. France* (Judgment of 15 November 1996). URL : http://echr.coe.int/Documents/FS_European_Union_ENG.pdf (дата обращения: 19.11.2014).

²² См. об этом деле также: Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 140.

10. Сабитов, Т.Р. Система уголовно-правовых принципов : монография. – М. : Проспект, 2012.
11. S.W. против Соединенного Королевства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://european-court.eu/uploads/ECHR_S_W_v_the_United_Kingdom_22_11_1995.pdf. (дата обращения: 19.11.2014).
12. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть. Сборник законодательных актов / под ред. А.Н. Игнатова, И.Д. Козочкина. – М., 1990.
13. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : текст и науч.-практ. коммент. / пер. с нем., примеч., коммент. П.В. Головненкова; вступ. ст. А.И. Рарога, У.В. Хелльманна. – М., 2011.
14. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н.И. Мацнева ; пер. с фр. Г.И. Мачковского. – М. : Юридический центр Пресс, 2004.
15. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 19.11.2014).
16. Уголовный кодекс Франции. – СПб., 2002.
17. *Cantoni v. France* (Judgment of 15 November 1996) [Electronic resource]. — Mode of access : http://echr.coe.int/Documents/FS_European_Union_ENG.pdf (дата обращения: 19.11.2014).

**ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 28 ДЕКАБРЯ 2010 ГОДА № 390-ФЗ
«О БЕЗОПАСНОСТИ»**

ЗАЛУЖНЫЙ Александр Гаврилович

***Аннотация.** В статье дается оценка постатейного комментария Д.В. Ирошникова к Федеральному закону от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» (Рязань, 2014). Автором рецензии подчеркивается актуальность подготовки комментария в свете внесения целого ряда изменений в действующее российское законодательство, регулирующее вопросы обеспечения национальной безопасности.*

***Annotation.** The article is a review on paragraph-to-paragraph commentary on Federal Law No 390-FZ of December 28, 2010 "On Security" given by D.V. Iroshnikov. The author emphasizes the relevance of preparation of such a commentary in the light of new amendments that have been made into the current Russian legislation which regulates the issues of national security protection.*

***Ключевые слова:** Федеральный закон «О безопасности», безопасность, национальная безопасность, Совет Безопасности, противодействие терроризму, стратегическое планирование.*

***Key words:** Federal Law "On Security", security, national security, Security Council, counter-terrorism, strategic planning.*

В условиях сложившейся в современном мире международной обстановки вопросы обеспечения безопасности играют особую роль. Для каждого конкретного государства сегодня на первое место выходит обеспечение безопасности. На рубеже веков началась эра террористических атак, постоянно держащих в страхе большинство населения планеты. Россия, к сожалению, не является исключением, подтверждением чему является сохраняющийся высокий уровень угроз различного характера.

Комплексное обеспечение национальной безопасности невозможно без соответствующего правового регулирования этого процесса. В 2010 году на смену действовавшему ранее Закону РФ «О безопасности» был принят новый Федеральный закон «О безопасности», отражающий современные подходы к обеспечению национальной безопасности России. Данному закону и посвящен комментарий Д.В. Ирошникова¹.

В первую очередь необходимо отметить научную составляющую комментария. Автору удалось совместить глубокий научный анализ фундаментальных теоретических проблем обеспечения национальной безопасности с вопросами практической реализации этого процесса в России на современном этапе. Кроме того, комментарий основан на анализе широкого круга научных источников, что еще раз подчеркивает его глубокую научную проработку.

Актуальность издания комментария, на фоне уже изданных, подтверждается тем, что в 2014 году был внесен целый ряд изменений в действующее российское законодательство, регулирующее вопросы обеспечения национальной безопасности. Таким образом, некоторые аспекты автор рассмотрел одним из первых в отечественной науке.

К положительным моментам можно отнести то, что в издании отсутствуют типичные недостатки, характерные для комментариев, а именно: текст или иного комментария нередко содержит перефразированный текст комментируемой статьи, тем самым не раскрывая, а дублируя ее смысл; кроме того, в комментариях имеет место широкое цитиро-

¹ Ирошников Д.В. Комментарий к Федеральному закону «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (постатейный). Рязань : Издательство «Концепция», 2014. 156 с.

вание тех или иных нормативных правовых актов, порой не оправданное целью цитирования. В данном случае Д.В. Ирошникову удалось избежать указанных типичных ошибок.

Особую ценность имеют представленные автором в заключении научно-обоснованные недостатки комментируемого закона, а также авторские предложения по его совершенствованию.

В приложениях к комментарию представлена подборка весьма интересных документов,

касающихся принятия закона, иллюстрирующих поэтапное движение законопроекта и обращение его соответствующими поправками.

Комментарий обладает логичностью изложения, написан доступным научным языком.

Издание может быть полезно ученым-юристам, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, студентам, а также практическим работникам.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агджаев Эльмин Мамедович – аспирант кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

E-mail: agdelm@yandex.ru

Александров Андрей Иванович – судья Свердловского районного суда г. Белгорода.

moksizefin@rambler.ru

Алымова Анастасия Дмитриевна – студентка магистратуры кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

E-mail: i.pantyhina@rsu.edu.ru

Анисимова Алина Сергеевна – младший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; аспирант ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

E-mail: igp@sgar.ru

Грибов Александр Сергеевич – заместитель Губернатора Ярославской области, кандидат юридических наук, администрация.

E-mail: gribovalex@yandex.ru

Денисова Любовь Николаевна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина», доктор исторических наук, профессор.

E-mail: lubadenisova@rambler.ru

Залесны Яцек – сотрудник Центра политических систем Института политических наук Варшавского университета.

E-mail: jacekzalesny@o2.pl

Залужный Александр Гаврилович – профессор факультета национальной безопасности ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: zaluzhniy@mail.ru

Кобец Пётр Николаевич – главный научный сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: pkobets37@rambler.ru

Краснова Кристина Александровна – ведущий научный сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: krasnova_vnii@mail.ru

Кузнецова Александра Николаевна – консультант Ярославского Центра экономического и налогового просвещения.

E-mail: kuznetsovaal@inbox.ru

Ларина Любовь Юрьевна – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», кандидат юридических наук.

E-mail: larina1708@yandex.ru

Лесников Геннадий Юрьевич – главный научный сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: lesnikov07@gmail.com

Макарова Наталья Алексеевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФКОУ ВПО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук.

E-mail: natalya185@gmail.com

Мартышкин Василий Николаевич – заместитель председателя Верховного суда Республики Мордовия.

E-mail: martyshkinvn@mail.ru

Минашкин Геннадий Геннадьевич – прокурор отдела по надзору за исполнением законов в сфере экономики управления по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Рязанской области, соискатель кафедры административного и финансового права ФКОУ ВПО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний».

E-mail: minaschkin@yandex.ru

Пантюхина Инга Владимировна – заведующая кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: i.pantyhina@rsu.edu.ru

Петровский Антон Владимирович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Новороссийского филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Самбор Николай Анатольевич – старший инспектор штаба Прилукского городского отдела Управления МВД Украины в Черниговской области, кандидат юридических наук.

E-mail: NIKOLAS783@yandex.ua

Смирнов Роман Юрьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова», кандидат юридических наук.

E-mail: smirnovroma@mail.ru

Соловьев Олег Геннадиевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова», кандидат юридических наук.

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Томей Юрий Сергеевич – соискатель Военного университета, капитан юстиции, следователь-криминалист военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Санкт-Петербургскому гарнизону.

E-mail: yura-tom@mail.ru

Шаповалов Алексей Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», кандидат юридических наук.

E-mail: uspex34@yandex.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

Статья предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски автоматические постраничные, кегль 12, поля 2,0 см.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует направлять по адресу электронной почты: jur-science@mail.ru

Все рукописи в обязательном порядке рецензируются в соответствии с установленным порядком.

После принятия статьи к публикации автору направляется по электронной почте счет на оплату соответствующих услуг.

Стоимость публикации составляет 250 рублей за одну страницу текста (включает в себя стоимость авторского экземпляра журнала, а также почтовые расходы).

Статьи докторов юридических наук, а также зарубежных авторов публикуются бесплатно (в пределах 14 страниц).

Автору высылается один бесплатный экземпляр журнала. При необходимости автор вправе заказать дополнительные экземпляры журнала (стоимость одного дополнительного экземпляра – 500 рублей, включая почтовые расходы).

При публикации статьи в журнале автор передает издательству право на распространение статьи (включая информацию об авторе) любым способом (размещение на сайте журнала, в научных электронных библиотеках, в справочно-правовых системах и т.п.) без выплаты автору вознаграждения.

Данное предложение является публичной офертой в соответствии со ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает главный редактор на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Корректор *Смурова Надежда Васильевна*
Верстка *Алексеев Кирилл Васильевич*

Отпечатано в ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
Тел. 8(4912) 99-21-97

Выход в свет 25.02.2015. Формат 61x86¹/₈ Бумага офсетная. Печать трафаретная. Печ. л. 12,61. Уч.-изд. л. 7,88. Тираж 500 экз. Заказ № 14.